Лев Левинсон

Наркомания преследования

Москва
2017

Левинсон Л.С. Наркомания преследования:
из статей 2005 — 2017 / ред. Окунь Е.В. — М., 2017.

В сборнике:

Предисловие.....5

Раздел первый
Скорее теория, чем практика

Ничего не изменится, если все не изменить.....12
Потребители валокордина.....21
Реформа наркополитики в России: поворот вспять?.....31
Полграмма – и тысячи судеб.....46
Просвет в конце тоннеля.....53
Ответы на вопросы журнала «Индекс безопасности».....60
Тест на лояльность.....77
Еще раз о тестировании.....79
Бескомпромиссная борьба с наркобизнесом.....83
Навязчивый сервис.....85
Сажать пожизненно: за граммы? за килограммы?.....88
Защита по делам о наркотиках и суд присяжных.....92
Почему они торгуют наркотиками?.....102
Борьба с наркотиками бывает опаснее самих наркотиков.....109
Вредный законопроект 119
Мания принуждения.....123
Как один наркоман трех генералов прокормил.....127
Памяти Валерия Абрамкина. Его беспокоило не только как они сидят, но и нужно ли это.....131
«Кстати, навесили Правде чужие дела...».....134
Дяденька, реабилитируйте!.....140
Почему не работает отсрочка.....145

Раздел второй
Скорее практика, чем теория

Чудесные путешествия Нильса Кристи.....150
Свидетелю нельзя будет посмотреть в глаза.....154

Тройное наказание....156
Подзаборные поднадзорные....159
Наркомания преследования....162
Читая приговор Таисии Осиповой 169
Сколько у нас наркоманов....177
Цифирь переходного периода: борьба с наркотиками в зеркале статистики....179
Все проще и проще....185
Макоконтроль....189
Отказ от освидетельствования приравнен к потреблению наркотиков 194
А не стерилизовать ли всех?....198
Чужие здесь не ходят по судам....202

Раздел третий
Производные: производное произвола: хроника

февраль 2015 Смеси в двух измерениях....207
март 2015 Против производных....212
апрель 2015 «Параллельно и независимо друг от друга»....214
май 2015 Куда делся 25HNBOMe(2(2,5диметоксилофенил)-N-(2-метоксибензил)этаномин?....217
июнь 2015 Реестр невидимый и непостижимый....219
март 2016 Реестр, да не тот....221
май 2017 Ответственность за производные противоречит основам уголовного права....224
сентябрь 2017 Моя твоя не понимает....229

Раздел особый
Петр Ефимович Стаховцев

Ад медленного огня
2001....236
2016....241

предисловие

Правдой зовется судебник, свод законов, кодекс.
Словарь живого великорусского языка

Круг мысли, связующий этот сборник, оборачивается вокруг наркополитики как части уголовной политики.

Одни думают так, другие — иначе. Только ли интерес (выгода) движет депутатом, голосующим за или против? Есть ведь еще и убеждения, влияющие иногда на исход голосования. И зачастую они, убеждения — плоть от плоти массовых предрассудков, «мнения большинства». Это сильно влияет на уголовную политику и давит на суд тяжестью бесчеловечного и бесполезного закона.

Чем хорош суд присяжных, это тем, что он выше закона. Судья-профессионал выносит приговор, руководствуясь законом и совестью. Стоит ли удивляться, что в столкновении с внутренним убеждением судьи, с его совестью закон стоит на первом месте и затмевает сознание судьи. Казалось бы, чего уж лучше, когда по закону. Только вот законы людоедские.

В 1996 году, 19 ноября, в Государственной Думе проходили парламентские слушания о моратории на исполнение смертной казни. После многих правовых, философских и нравственных «за» и «против» слово взял судья Псковского областного суда В.Ф.Суров. «Я один из немногих, кто выносил смертные приговоры. Говорю это не с гордостью, а с болью в сердце. … Этот закон о смертной казни развращает судей, прокуроров, которые исполняют этот закон. Скажу о себе. Первый раз, когда я вынес смертный приговор, у меня дрожали руки, ноги. После вынесения приговора выпил стакан

водки и не опьянел. Хотя я, в принципе, не пьющий человек». И еще судья сказал: «Уважаемые товарищи, господа, участники данного слушания, за счет чего увеличилось количество тяжких преступлений? За счет неправильного закона, который принят вами, уважаемые члены парламента. Вы сделали кражу кур, кражу поросенка, кражу овощей с поля, по предварительному сговору группой лиц, тяжким преступлением. И вот за счет этих тяжких преступлений у нас отмечается рост преступности».

Смертная казнь в России отменена. И правовым путем не может быть восстановлена. Государство не вправе убивать. Но вправе ли государство мучить и корежить души людей, лишая их свободы неизвестно за что? Вправе ли, если это все-таки демократическое и правовое государство, а не «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», вправе ли …

Валерий Федорович Абрамкин говорил тогда, что смертную казнь отменят и без нас, Европа все же заставит. А вот до осужденных за кражу, грабеж, разбой, угон машины, наркотики Европе нет дела, никаких международных обещаний. Это, дескать, внутреннее дело государства. Сажают же по суду.

Вот сейчас пошли косяком приговоры по делам о спайсах: 15 лет, 17 лет, 19 лет. Нет, я не перепутал, я смотрел туда, читал приговоры, это не возраст осужденных, это сроки, которые они получили. И эти сроки почти что равны прожитой ими до приговора жизни. И такие приговоры, такие сроки формально совершенно законны.

Число заключенных в стране — вот мерило правды. Если по правде, это число должно сокращаться и в относительном, и в абсолютном выражении. В 2000 году в России было более миллиона заключенных. На 1 ноября 2017 года — около 700 000 человек. Хорошо, что на 300 000 меньше, и это результат того, что за кур и поросят стали сажать меньше и на меньший срок: закон переменился. Плохо, что сидит 700 000.

Говорят о защите прав потерпевших. Какая потерпевшим польза от того, что злодей сядет не на год, а на восемь лет? Говорят о защите общества от преступности. Но никто не хочет ведь, и не собирается, расстреливать эти 700 тысяч. А значит они выйду на свободу и вернутся к нам. Станут ли они лучше через 8 лет?

Настоящий сборник посвящен, в основном, преступлениям без потерпевших — связанным с наркотиками. Аргумент о потерпевших к этим делам не применим. То есть применим, но в обратном смысле: потерпевшими по 228-м статьям надо бы считать самих обвиняемых (говорю не об исключениях из общего правила).

Защита общества? Да, большинство населения готово голосовать за смертную казнь для наркоманов или за пожизненные «наркозории». Но почему-то еще большее большинство боится полиции куда больше, чем наркоманов. Правда, два эти большинства совпадают не полностью — разницу между ними составляет как раз полиция. Когда Мишель Фуко говорил «надо защищать общество», он говорил о защите общества от «дисциплинарного права» (иначе говоря «права полицейского государства»), доводящего власть до репрессий в целях «нормализации». Фуко противопоставляет его «праву суверенитета», суверенитета личности, то есть праву прав человека.

Речь не о декриминализации и легализации всего на свете, а о приоритете правозащитного права над полицейским законодательством, вследствие чего возникает — должен возникнуть — искомый баланс конституционных ценностей, поскольку Конституция защищает всех потерпевших, на равных потерпевших от преступлений со стороны себе подобных и от злоупотреблений властью. Ведь власть, защищая, или якобы защищая потерпевших от преступлений, превращает в потерпевших обвиняемых и осужденных.

Не призываю отменить Уголовный кодекс. Нильс Кристи

предупреждает нас, что в случае отказа от традиционной тюрьмы на ее месте может возникнуть что-то еще худшее. Пусть будет УК, но не надо через него решать политические, социальные проблемы. УК должен знать свое место. Будучи по своей природе ядом, УК полезен в гомеопатических дозах.

Заговорив о дозах, уместно сказать что-то конкретное и о наркотиках. Это (говорение, а не наркотики) пока что не наказуемо[1]. Только о самих наркотиках я сказать ничего не могу. Не потому, чтобы не попасть под действующий запрет высказываний о преимуществах использования одних наркотиков перед использованием других (о чем мне и не известно), а потому что тема публикуемых здесь статей, это не проблемы, связанные с самими наркотиками и наркоманией, а проблемы их запрета, точнее — наказания за нарушение этого запрета.

О веществах же, как говорится, с цифрами в руках, хорошо сказали Н.П. Ведищев и Д.Ю. Гладышев в недавно вышедшей монографии. На исходный вопрос «что такое наркотики» не только российское, но и международное законодательство отвечает некой «круговой аксиоматикой» — это вещества, включенные в список наркотиков. Цитирую: «В Конвенции практически не дается никакого определения понятию «наркотическое средство». Что это за вещество? В чем кроется его опасность? По какому принципу вещества отнесены именно к наркотическому средству? … Кроме упоминания о включении в контролируемые списки, никаких других свойств, отличающие наркотические вещества от всех прочих, не называется. То есть не потому эти средства попали в Список, что ни являются наркотическими, а потому они наркотические, что

1 Законопроект о запрете упоминания в СМИ и интернете наименований наркотиков депутат Яровая, будучи в прошлой Думе председателем комитета по безопасности, довела только до первого чтения, после чего ее нейтрализовали, повысив до безопасной должности вице-спикера.

включены в контролируемые списки наркотических средств»[2]. Исходным является здесь Единая конвенция ООН о наркотических средствах, определившая: «*Наркотическое средство» означает любое из веществ, включенных в Списки I и II, — естественных или синтетических. Списки же означают «пронумерованные перечни наркотических средств или препаратов, приложенные к настоящей конвенции с изменениями, которые могут быть время от времени внесены в них*». Продолжая это круговое движение, Федеральный закон «О наркотических средствах...» называет таковыми «*вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года*». Никаких принципов отбора, факторов воздействия на организм, явочным порядком. Бывший заместитель директора бывшей ФСКН А.Федоров как-то на слушаниях в Думе пояснил: очень, мол, просто: разрешено — пользуйся, запрещено — значит нельзя (цитирую по памяти, но мысль была именно такая). Федоров все же доктор юридических наук, профессор, а тоже не знает ответа.

А перечень наркотиков все разрастается, появление в нем производных превращает перечень в нечто, включающее в себя вещества, в нем отсутствующие. Так что получается уже что-то, напоминающее декорацию экспрессионистского фильма 20-х годов «Кабинет доктора Калигари», все перекошено.

2 Ведищев Н.П., Гладышев Д.Ю. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: вопросы квалификации, расследования, ОРМ, экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 12.

Все перекошено - за приобретение без цели сбыта как за тяжкое преступление народу сидит больше, чем за сбыт, почти вдвое. Дела о сбыте возникают из провокаций и показаний анонимных свидетелей, зачастую только на показаниях. За кондитерский мак бакалейщиков сажают семьями...

Статьи УК о наркотиках, в существующем виде, это самое вредное в кодексе. Додумались же — от 15 до 20 лет. Пишу об этом в текстах, представленных здесь. И об УПК: вреднейшее в нем — особый порядок судебного разбирательства. Это даже не имитация правосудия, а его демонстративное отсутствие; сокращенное кредо Вышинского: признание — царица. Наконец, судоустройство. Суд присяжных, вроде бы расширяемый, но путем сокращения скамьи с 12 до 8 человек. Но по подавляющему большинству уголовных дел остается судья единолично. По части 4 статьи 228.1 наказание с 10 до 20 лет. Почему обвиняемые по этой статье не имеют права на суд присяжных? Вот в этих координатах находятся статьи этого сборника.

Последний раздел в этой книжке — особый. О Петре Ефимовиче Стаховцеве. Невиновный человек сидит 27 лет. Пробить стену откровенной лжи, из которой слеплено его дело, не получается. Остается только одно - говорить.

В настоящий сборник включены статьи (с небольшими и непринципиальными изменениями и сокращениями), ранее публиковавшиеся в печатном виде в журналах Индекс-Досье на цензуру, Неволя и некоторых других, а также в интернете на сайтах Grani.ru, Hand-help.ru и др.

раздел первый
Скорее теория, чем практика

Ничего не изменится, если все не изменить

I

Впечатление от уголовной реформы, воплощенной законом от 8 декабря 2003 года, — будто липкую, бугорчатую стену проломили, и по смрадным камерам прошла волна свежести[3]. Он появился тогда, когда вроде бы катком утрамбовывались проклюнувшиеся в начале 90-х слабомощные права и свободы, когда повелось говорить о "реванше" и "реакции". И вот - решительный жест гуманизации.

Хотя прокурорские, милицейские, думские толкутся, спеша залатать образовавшиеся в карательной системе бреши, кирпичи валятся у них из рук. Измененный УК действует второй год - без неоднократности, без повышенной ответственности за рецидив, без конфискации всего имущества. И хулиганство считается теперь преступлением, только если оно с оружием.

В уголовном законе проступили ювенальные начала. Лишение свободы не избирается подростку, не достигшему 16 лет, за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести; нижний предел санкции за тяжкое и особо тяжкое сокращается наполовину; стало возможно повторное условное осуждение. Ведь население малолеток пополнялось ранее в основном за счет нарушителей испытательного срока, получавших людоедские приговоры не из-за общественной опасности совершенного, а благодаря арифметике - сложению наказаний. И УДО за тяжкие теперь по отбытии 1/3 срока, а не половины, как прежде.

---

3 *Прим. 2017*. Обращаю внимание, что это текст 2005 года (даты написания указаны в конце каждой статьи).

Пересмотр антинаркотических статей затрагивает, в основном, содержащихся не в воспитательных, а уже во взрослых колониях, двадцати-двадцатичетырехлетних. Но это самые молодежные статьи. И это самые удивительные изменения из декабрьского пакета 2003 года, так как проведены они были вопреки неослабевающей антинаркотической гонке, вопреки усилению "борьбы", созданию наркополиции.

Одной из основных проблем УК в его прежней, действовавшей до 12 мая 2004 года редакции, было определение количества обнаруженных наркотиков: что считать небольшим, крупным, особо крупным размером? На практике следователи и судьи водили пальцем по весьма сомнительному как в части юридических, так и научных достоинств документу - Сводной таблице заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков, возглавляемого академиком Э.А.Бабаяном. Таблица представляла собой рекомендательный документ, принятый экспертным органом, не полномочным издавать нормативные акты. Между тем данные из таблицы применялись по всем без исключения уголовным делам, а это к маю 2004 года - более 850 тысяч привлеченных к ответственности. Например, по марихуане крупным размером, согласно таблице, было 0,1 г, по героину - 0,005 г. При таком подходе и за невидимые 0,005 г и за 100 кг героина наступала равная ответственность - от 7 до 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой. В результате в массовом порядке подвергались изоляции люди, приобретшие, хранившие или продавшие/передавшие сотые доли грамма, - мелкая рыбешка, планктон, - тогда как "акулы наркобизнеса" гуляли[4] в открытом море.

Молодые люди получали клеймо преступников, тюрьму, поломанные судьбы. Попадаясь первый раз несовершеннолетними, они наказывались условно, а будучи задержанными вторично, после

4 *Прим. 2017*. ...и продолжают гулять.

18 лет, садились уже надолго. Отсидевшие за наркотики попадали в замкнутый круг. Ведь если бы их не коснулось преследование - судимость, тюрьма, - наркотик, скорее всего, ушел бы из их жизни с взрослением, семьей, работой или, даже не исчезнув совсем, занял бы безобидное контролируемое место. Отсиженные же годы концентрируют их сознание на запрещенном веществе. Даже если зеки обречены на вынужденное воздержание (хотя в СИЗО и во многих колониях наркотики оборачиваются свободно), это не стойкая ремиссия, переходящая в осознанное выздоровление, а ничем не заполненная пауза томительного ожидания. Освобождаясь, они хватаются за иглу по принципу "вымытая свинья идет валяться в грязи", и не потому, что, употребляя когда-то наркотики, обречены оставаться свиньями, а потому, что их тяжело и бесполезно мыли, стирая с них защитные слои.

Теперь, после изменения УК и КоАП, порядок определения размеров наркотических средств, обнаруженных в незаконном обороте, закреплен законодательно. Крупным размером признается количество, превышающее размеры средней разовой дозы потребления в 10 и более раз, особо крупным - в 50 и более раз. Незаконные приобретение, хранение, изготовление, переработка, перевозка запрещенных веществ в количестве менее 10 доз признаны не уголовным преступлением, а административным проступком, и наказываются штрафом от 500 до 1000 рублей либо административным арестом на срок до 15 суток.

Постановление Правительства РФ от 6 мая 2004 года № 231[5], которым для целей УК утверждены размеры средних разовых доз, знаменовало успех реформы - ведь мало было ввести разумные

5 *Прим. 2017*. Постановление Правительства РФ от 6 мая 2004 года № 231 "Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации" действовало с 12.05.2004 по 19.02.2006.

критерии, следовало еще сохранить верность законодательному замыслу на уровне подзаконных актов, в противном случае произошла бы подмена. Вместо предлагавшихся Бабаяном и продвигавшихся наркоконтролем фиктивных размеров (доза героина - 0,0001 г, доза марихуаны - 0,15 г) были приняты реалистичные уличные количества: 2 г для марихуаны, 0,5 г для гашиша, 0,1 г для героина. Соответственно уголовное дело не может быть возбуждено при обнаружении менее 20 г высушенной марихуаны или грамма героина.

Кроме того, отменено принудительное, по приговору суда, лечение в колониях от алкоголизма и наркомании. Эта мера уголовно-медицинского принуждения была абсолютно бесполезна и работала, по сути, только как препятствие замене наказания более мягким, применению УДО, амнистии. Принудительное лечение, имевшее отдаленное отношение к защите здоровья, было ничем иным, как дополнительным наказанием.

Всего год назад лишение свободы было единственным рецептом, который выписывало государство.

Поскольку уголовный закон, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение осужденного, имеет обратную силу, с 12 мая 2004 года - даты вступления в силу новой редакции статьи 228 УК - подверглись пересмотру десятки тысяч уголовных дел по наркотикам. Более 12 тысяч осужденных к лишению свободы были полностью освобождены от наказания, примерно 30 тысячам заключенных срок был существенно сокращен[6].

И сразу же - всплеск передозировок, смертности как химическая реакция улицы (притонов, подъездов, подвалов, подворотен) на

6 *Прим. 2017.* Пересмотр приговоров в связи с новой редакцией статьи 228 УК продолжался и после написания этой статьи. По оценкам ФСИН, по делам о наркотиках сроки были сокращены более чем 70 000 осужденных.

впрыскивание наркоманов.

Существует мнение, что передозировки могли быть частично спровоцированы (в том числе и теми, для кого важно сослаться затем на ухудшение ситуации после майского постановления о дозах). На наркоманских форумах появилась легенда о "белом китайце": "До сих пор доподлинно неизвестно, что же это такое. Ходят слухи, что это фентанил или один из его производных, кто-то говорит, что это принципиально новый синтетический опиат. Тем не менее одно известно точно: он снова появился на улицах..." Однако врачи склонны видеть в большинстве случаев не фентаниловые, а типичные героиновые передозировки.

Как бы то ни было, очевидно, что недостаточно одного лишь сокращения уголовной репрессии. Что же делать?

Пустить на слом существующие официальные наркологические службы? Безусловно. И для этого необходим отказ от устаревшей и вредной учетно-диспансерной модели, единственным делом которой является ведение регистрационных карточек на наркоманов. Взамен же - развитие реабилитационного пространства, терапевтическая свобода.

Необходимо ли иное предложение человеку молодому и ищущему? Наверное, необходимо. Неуверенный ответ объясняется здесь тем, что позитивное воздействие на ситуацию вряд ли возможно без социокультурного сдвига, пока трудноосуществимого, без оживления нравственных начал.

Увы, дело обстоит так, что как бы и нет шанса продвинуться дальше, чем переустройство полицейской или наркологической систем. Тем более что об обновлении второй приходится только мечтать, а первая, невзирая на добрые законы и либеральные постановления, продолжает двигаться по накатанной колее. Отношения личности и государства во всех случаях их столкновения по поводу немедицинского употребления запрещенных

психоактивных веществ по-прежнему определяются репрессивной инерцией.

Но есть фундаментальный вопрос, без ответа на который новая наркология, новая наркополиция будет строиться на песке. Действительно ли враг чрезвычайно опасен? Действительно ли мировая война, объявленная ему лет сто назад и ведущаяся последние полвека миллионными армиями, с миллиардными затратами, стоит затрачиваемых усилий? Содержат ли некоторые вещества имманентное зло или же оно есть следствие войны и запрета?

II

По данным Госкомстата России за 2002 год на профилактическом учете в связи с употреблением наркотических веществ с вредными последствиями состояло в расчете на 100 тысяч человек населения соответствующего возраста около 142 детей и подростков, а в связи с употреблением алкоголя - 889, то есть почти каждый сотый. Разрыв между этими показателями, увеличивавшийся все последние годы (в 2001 году - 188 наркоманов и 863 алкоголика), еще более увеличился в 2003-2004 гг.

Разница в этих цифрах очевидна. Если же рассмотреть, из чего они складываются, масштабы явлений окажутся и вовсе несопоставимыми. Потому что любой зафиксированный властями курильщик травы, или застигнутый в клубе под танцевальными таблетками, или сдавший "плохую мочу", автоматически попадает в профилактическую группу, а то и сразу признается наркоманом. А для того, чтобы быть учтенным по алкоголизму, надо немало потрудиться, пройти через вытрезвитель или подпасть под настоятельные жалобы соседей. Пацаны, ежевечерне распивающие

пиво на виду у всего квартала, "там, где детские грибочки", не рискуют быть посчитанными в качестве "спецконтингента". Хотя таких пацанов в возрастной группе от 15 до 18 лет, похоже, не один, как считает Госкомстат, а все шестьдесят на сто. Пробовали алкоголь в этом возрасте все, выпивают - почти все, пьют - очень многие, сильно пьют - многие. Что же надо делать, чтобы попасть в число 889 из 100 тысяч?

Еще отчетливей статистика по преступности несовершеннолетних. Ежегодно в состоянии алкогольного опьянения ими совершается более 30 тысяч преступлений, в состоянии наркотического и токсического - от 1300 в 1997-1998 гг. (на пике популярности наркотиков) - до 600 в 2001 году, 400 в 2002 году.

Пьяная преступность, как подростковая, так и взрослая, остается стабильно высокой.

Преступлений, совершенных под наркотиками, становится все меньше[7]. Причина тому - в сокращении потребления героина в России по сравнению с 1997 годом почти в три раза (данные Управления ООН по наркотикам и преступности на 2004 год). Заболеваемость наркоманиями (то есть число лиц, взятых под наблюдение с впервые установленным диагнозом), пройдя в 2000 году отметку 51,6 человек на 100 тысяч населения в год, стала постепенно снижаться. В 2003 году этот показатель составил 16,1 человек на 100 тысяч населения, что примерно соответствует уровню 1995 года.

Эти данные, представленные 18 мая 2004 года на "круглом столе" в Госдуме Национальным научным центром наркологии, хотя и не

7 *Прим. 2017.* Следует брать в расчет условность этой статистики. Значительная часть преступлений (прежде всего против собственности) совершается не в состоянии наркотического опьянения, но для приведени себя в такое состояние, то есть в связи с потреблением наркотиков. Но такой статистики, насколько я знаю, не существует.

раскрывают реальной численности наркоманов, можно считать адекватно отражающими тенденцию сокращения темпов наркотизации, ведь латентность потребления оставалась стабильно высокой как в 2000, так и в 2003 году[8]. <...>[9]

Вот - смотрите! - деклассированное отребье человечества, раскуривающее свои косяки, - оборванные, грязные, с печатью безмятежного идиотизма на лицах. Вот клиника для душевнобольных, в которой глотатели танцевальных таблеток обречены долго лечиться от астении. Ну и гробы, могилы, надписи на плитах - 1979 год рождения, 1980-й...

А параллельно - ирония судьбы в новогоднюю ночь, президенты поднимающие бокалы с шампанским (не кокаин ведь нюхающие, нет!), дружеские застолья: поднимем бокалы, наполним их разом... Где гробы? Где санитары "скорой помощи", не успевающие выносить трупы в ночь на 2-е января?

В юности же пусть и не обсуждается, но остро ощущается пронизывающая все это ложь. Люди, принимающие наркотики, обречены жить в кривом зеркале и постепенно сливаться с ним.

Казалось бы, почему бы российским СМИ, говорящим языком власти и смотрящим ей в глаза, не связать очевидное отступление наркотиков с усилением государственного им противодействия, почему бы не отрапортовать о пусть и частичной победе и сказать людям: сегодня дела обстоят так-то и так-то, стало лучше, наркоманов становится меньше. Но министры, генералы милиции и

8 *Прим. 2017*. Как показал Б.Я.Гаврилов, рост учтенной преступности как в целом, так и определенной направленности определяется прежде всего позицией министерства внутренних дел и зависит больше от перемены курса новым министром, чем от других объективных реалий (Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М, 2008).

9 *Прим. 2017.* Далее в статье шло описание вреда здоровью, наносимого алкоголем и табаком.

наркополиции хотя и заявляют регулярно о с каждым годом возрастающих своих успехах, одновременно констатируют постоянно ухудшающуюся ситуацию. Потому что одно дело - демонстрационные тонны изъятий, необходимые для закрепления в креслах и получения новых звездочек (сами конфискуют, сами сжигают - что жгут? кто проверял?), другое - "наркоугроза", "наркоэпидемия", "наркоудар", невиданный и неслыханный урожай в Афганистане (о неурожаях обычно не сообщается), которыми следует обосновывать ежегодное увеличение бюджетных ассигнований.

III

Сказанное выше - отнюдь не призыв запретить водку и табак вместо героина и конопли. Болея и умирая, люди как-то научились жить с табаком, водкой, пивом, вином.

Что и говорить, наркоманы отвратительны: лживы, двуличны, способны душу продать за дозу, обмануть, украсть, предать. Такими сделала их война с наркотиками.

Но если забыть слово "наркотики", не станет и наркоманов, и все как-нибудь займет свои места. Трудности, связанные с некоторыми веществами, конечно, останутся (на то они и трудности), только их станет меньше, а некоторые растают как дым. Не надо будет обрызгивать дефолиантами гектары дикорастущей конопли под Москвой.

И, будем надеяться, интернет-зависимость не приведет к запрету глобальной сети.

2005

Потребители валокордина

Сколько их?

Публикации о наркотиках - монографии, доклады, отчеты, статьи, интервью - невозможно ни перечитать, ни пересчитать. Но никому еще, несмотря на все возрастающее обилие материалов (а с ними методик, инновационных технологий, духовных и телесных практик), не удалось поколебать господствующее мнение, что действенной стратегии противостояния наркотикам нет. Что они, обладающие сверхчеловеческой силой, сильнее нас. Что если и можно победить пристрастие на поле личной борьбы, то как явление наркотики непобедимы.

Не соглашаясь и не опровергая, ограничусь констатацией такого умонастроения.

Намного замечательней кажется мне другое: столь же всеобщее согласие по поводу самого термина. Здесь все кажется ясно и понятно. Сомнений - а о чем, собственно, идет речь, когда произносится слово "наркотики"? - не возникает. Во всяком случае, высказываются такие сомнения довольно редко.

Патриарх отечественной наркологии академик Эдуард Бабаян определяет наркотики как психоактивные вещества, включенные в перечень наркотических средств. Иными словами, наркотики это то, что включено в список наркотиков, утвержденный надлежащим нормативным актом. А значит, наркотики - сугубо юридическое определение. И проблема наркотиков - это правовая, а не какая бы то ни было иная проблема.

Пока амфетамины не были запрещены, люди, принимавшие их, притом в огромных количествах (как сейчас принимают так называемые БАД), никак не считались наркоманами. Пока эфедрин

не попал в те же списки, это было лекарство от насморка, и стоило оно 5 копеек. Моя бабушка лет десять не засыпала без ноксирона, не подозревая, что она - наркоманка. И когда я, страдая от астмы, в 70-е годы без рецепта покупал эфедриносодержащий солутан, на меня не смотрели косо в аптеке. А таблетки от кашля с кодеином были всего лишь таблетками от кашля - больше ничем.

Вот Литва взяла и включила недавно корвалол и валокардин в список запрещенных веществ - в состав этих препаратов входит фенобарбитал. Теперь за попытку ввоза на территорию Литвы сердечных лекарств грозит суровое наказание - до 8 лет лишения свободы, в лучшем случае - крупный штраф. Тот же Бабаян возмущается этим решением как безграмотным и политическим. Конечно, оно политическое, с экономическим оттенком: корвалол - российского производства. Но признавать столь же политические и еще более экономические мотивы тотального запрета марихуаны, происшедшего, правда, на полвека раньше и не только в Литве, академик Бабаян не хочет.

Клей "Момент" - не наркотик, потому что не включен в перечень. Алкоголь, табак, кофе, обладающие очевидным психоактивным действием, продаются в продуктовых магазинах.

Производным понятия "наркотики" является столь же размытое - "потребитель наркотиков". С легкостью оно используется как эквивалент "наркомана". Таковыми принято считать всех, принимающих наркотики (то есть вещества, включенные в перечень).

Но если понятие "наркотики", используемое в единственно приемлемом юридическом контексте, имеет строгую определенность, так что в отношении любого порошка белого цвета, проведя экспертизу, можно с уверенностью утверждать, относим ли он к наркотическим средствам или психотропным веществам, то с "потребителями наркотиков" дел обстоит куда хуже.

Их невозможно посчитать.

Ибо - кого считают?

Если считают наркозависимых, то ни данные диспансерного учета (этой укоренившейся в России формы медико-полицейской фиксации), ни разнообразные экспертные оценки не имеют к ним никакого отношения. Наблюдение в наркодиспансере вовсе не свидетельствует о наличии болезненной зависимости. Достаточным основанием для постановки на учет и последующего "динамического наблюдения" по-прежнему считается выявленный милицией "факт немедицинского потребления". Это следует из сохраняющей силу Инструкции, утвержденной совместным приказом Минздрава СССР и МВД СССР от 20 мая 1988 года[10]. Такой факт может быть следствием единичного, случайного, экспериментального, развлекательного, иного ситуационного приема запрещенных веществ и вовсе не означать, что задержанный где-нибудь в клубе или ночью на улице человек нуждается в медицинском вмешательстве. С другой стороны, ввиду явной связки между наркодиспансерами и правоохранителями, те, кто действительно нуждается в помощи врача, обходят наркологические заведения за версту. Так что латентность реальной, то есть официально не учтенной, наркомании, и в самом деле велика. Во всяком случае, реальная наркомания - иная. Это не другой порядок цифр, а счет других и по-другому. 493 600 человек, состоящих на учете в 2004 году, - это сумма отловленных милицией за последние несколько лет самых разных людей, находящихся в разнообразных отношениях с наркотиками.

Если посмотреть на оценочные экспертные цифры - за ними не просматривается внятной методики. Кроме общих ссылок на методику ВОЗ, а чаще - на абстрактных "независимых экспертов",

10 *Прим. 2017*. Инструкция Минздрава СССР отменена только с 5.04.2016 после вступления в силу приказа Минздрава РФ от 30.12.2015.

нельзя найти ничего, что объясняло бы, каким образом и кого считают в качестве "потребителей наркотиков". За один лишь 2004 год Международный комитет по контролю над наркотиками (МККН) посчитал, что опиатами в России злоупотребляет более миллиона человек; Минздравсоцразвития РФ называет цифры 3,5-4 млн человек "потребителей наркотиков", а Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) со ссылкой на таинственный "общероссийский мониторинг" - 5,99 млн человек "лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков". Надо думать, что минздравовские "потребители наркотиков" и наркоконтролевские "лица, допускающие незаконное потребление наркотиков" - одна и та же группа. Откуда же берется погрешность в два миллиона?

Ответить на этот вопрос не так уж сложно. С претензией на точность число 5,99 млн объясняется Федеральной целевой программой "Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005-2009 годы". Единственная цель программы - сокращение к 2010 году масштабов незаконного потребления наркотиков на 16-20 процентов по сравнению с 2004 годом. Вот и вся хитрость: завысив экспертную оценку более чем на 30%, можно пять лет имитировать "противодействие", "борьбу", "войну", оставив на всякий случай задел и на возможный прирост потребителей.

Однако и 3,5-4 млн - неизвестно, кто такие. Тем более что в ноябре 2005 года главный нарколог РФ Николай Иванец, выступая с докладом на юбилее возглавляемого им Центра наркологии, заявил, что "более 3,5 млн россиян, или 2,4% от общей численности населения страны, страдают алкоголизмом и наркоманией". Оказывается, в 3,5 миллиона (о 4 миллионах речь уже не идет) помещаются еще и алкоголики. А это существенно меняет картину. Даже на не вооруженный научными степенями взгляд, находящихся

в болезненной зависимости от алкоголя в России больше, чем зависимых от запрещенных наркотиков. А значит, примерный миллион, злоупотребляющих опиатами, это и есть численность российских наркоманов.

Хотя злоупотребление и наркозависимость - состояния не идентичные, даже контролируемые отношения с опиатами (а они могут быть контролируемыми, только не всякий, кто на это надеется, сохраняет контроль) - это зона риска.

Условный миллион - если считать проблемных потребителей, то есть тех, кто нуждается в медицинской помощи (лечении и реабилитации). Если не считать тех, кто сталкивается, в основном, с правовым вредом. Иными словами, без учета "потребителей валокардина".

Марихуана - скорее лекарственное растение, чем особо опасный наркотик. Физическая зависимость от нее даже наиболее злостными наркологами определяется как "возможная", а психическая зависимость - как "умеренная"[11]. Такую же зависимость вызывают чай и кофе. Пристрастие к кокаину вырабатывается после двух - четырех лет систематического употребления. Галлюциногены (ЛСД, псилоцибин) не порождают привыкания. Амфетамины могут быть вредны при хроническом употреблении с учетом вырабатывающейся толерантности к эйфорическому эффекту и связанным с этим повышением дозы [12].

Со всем этим могут быть индивидуальные проблемы - меньшие, чем проблемы с табаком и алкоголем. Но несравнимо большие, если говорить не о последствиях применения для организма, а о

11 Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Учебное пособие, часть II. Под редакцией начальника ГУБНОН МВД России А.Н. Сергеева. М, Щит-М, 2001, стр. 24.

12 Л.С. Фридман, Н.Ф. Флеминг, Д.Г. Робертс, С.Е. Хайман. Наркология. М - Спб, БИНОМ - Невский диалект, 2000.

последствиях социальных, прежде всего криминальных.

При том, что подлинная (опиоидная) наркомания идет в мире (и в России, в частности) на спад, а потребление конопли и ее производных увеличивается, это означает - особенно в российских условиях - расширение преследований за коноплю. Ведь 40-тысячное войско наркополиции, соревнующееся с милицейским, ему же несть числа, должно демонстрировать всё лучшие показатели и получать всё больше бюджетных денег.

Спад героинизации молодежи, отмечаемый всеми добросовестными исследователями в последние несколько лет, отнюдь не заслуга наркоконтроля или милиции, взятых вместе или по отдельности. Здесь работают преимущественно внутренние факторы, включая выбор поколением собственной моды, на сегодняшний день - не столь жесткой и опасной, как во второй половине 90-х. Сказывается и некоторая социальная стабилизация: мутные воды первого постсоветского десятилетия в целом по стране улеглись (речь не о Кавказе, конечно), трезвый Путин в общем-то отражает это успокоение - в скудости и серости жизни. Из этого климата рождается другой входящий в жизнь подросток, не похожий на тех, чье взросление пришлось на эпоху тягостных и непонятных перемен - непонятных, прежде всего, их родителям, находившимся в панике и прострации.

Не хочется каркать, но нет никаких оснований исключать способность падающей кривой по героину подняться - по причинам, которые невозможно сегодня предсказать. Принимая в расчет этот неблагоприятный сценарий, наркоконтроль максимально завышает "экспертное" число наркоманов, чтобы сохранить хорошую мину и в случае роста заболеваемости: увеличение можно будет толковать как снижение.

Сегодняшняя ситуация не проста и не имеет удобного объяснения. Стараясь обрисовать происходящее, социолог Петр

Мейлахс пишет: «"Героинизацию" современной российской молодежи остановил в первую очередь сам героин. Настолько его действие оказалось разрушительным, а личность наркомана - неприглядной и лишенной каких-либо романтических качеств, и настолько четкой оказалась связь между его действием и моральной деградацией, что вмешательство каких-либо "высших сил" в лице государственных институтов не было столь уж необходимым. А убедились в этом люди, к сожалению, только тогда, когда наркотик вторгся в их жизненный мир, когда знание о нем пришло не с экранов телевизоров или из душеспасительных лекций, а из личного опыта или опыта своего непосредственного окружения. Жизненный мир людей - вещь гораздо более мощная и в то же время непредсказуемая, чем самые толковые и прописанные государственные программы. Отсюда и "немодно" и "отстойно"» [13].

Я бы уточнил то, что верно отмечает Мейлахс. "Немодно" оказалось не для тех, чей жизненный мир разрушил героин, а для того следующего за ними поколения, которое отторгает образ жизни предшествующего.

Куда их гонят?

Как участнику различных обсуждений наркополитики, мне часто приходится слышать либеральный призыв: давайте относиться к наркоману как к больному. Давайте не будем ломать об уголовные статьи молодые жизни. Введем лечение вместо наказания.

Наверное, хорошо, что летом 2005 года правительство дало поручение разработать такой законопроект. Несмотря на сомнительность принудительного лечения, наказание наркологической больницей, кажется, лучше тюрьмы.

Но что предложить взамен тюрьмы тому привлеченному за наркотики, кто не нуждается в лечении, иногда принимает коноплю,

13 http://www.narcom.ru/ideas/common/67.html

стимуляторы, галлюциногены? Что предложить ему, привлеченному не за сбыт, а за хранение или приобретение? (Хотя что такое сбыт, когда таковым признается передача дозы одним наркоманом другому?) Получается так, что выгоднее быть героиноманом: тебя будут лечить. Куришь траву - сажать. Глотаешь танцевальные таблетки - сажать. Кислота, кокаин - сажать.

Правильные слова о лечении обнажают бессмысленность войны с веществами, от которых нет нужды лечить (осмысленность войны с теми, от которых надо лечить - отдельная статья). Хотя, конечно, есть масса ученых статей о каннабиноидной наркомании. Лечить, при желании, можно от чего угодно. Особенно, если государства предписывают считать нечто болезнью. Человек состоит из разнообразных аддикций. Лечить можно обжор, меломанов, альпинистов, жизнелюбов.

Сажать тоже можно за все. За вред, причиняемый (или якобы причиняемый) собственному здоровью. (Еще в 1990 году Комитет конституционного надзора СССР признал, что Конституция не содержит обязанности человека бережно относиться к своему здоровью, и на этом основании признал неконституционными наказание за потребление наркотиков и принудительное лечение в ЛТП [Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 25 октября 1990 года N 8 (2-10)]. Заключение Комитета, сохраняющее юридическую силу - ведь Конституция в этой части не изменилась, -благополучно забыто.)

Эти заметки пишутся в тени новых угроз: наркоконтроль вынашивает планы расширения оснований принудительного освидетельствования, поголовного тестирования учащихся на предмет потребления запрещенных веществ, дистанционного выявления наркотиков в организме человека.

Наконец, неотвратимо (как ни хотелось бы надеяться на обратное) снижение количественного порога уголовной

ответственности, то есть исключение из Уголовного кодекса критерия средней разовой дозы потребления и построенной на нем модели дифференциации наказания. А повышение признаваемого криминальным размера изъятого у задержанного вещества позволило за полгода освободить из СИЗО и колоний более 30 тысяч человек и не дать посадить в 2004-2005 годах еще тысяч 60-70.

Как и все хорошее, пересмотр УК, осуществленный законом от 8 декабря 2003 года, остался недооцененным в совокупности своих новелл. Помимо отказа от ничем не ограниченных репрессий в отношении тех, кто принимает наркотики, новая редакция УК исключила конфискацию имущества, ужесточение наказания при рецидиве и неоднократности (само слово "неоднократность" было вымарано из всех статей Кодекса).

В УК утвердились ювенальные начала: совершившим преступления в возрасте до 16 лет не может быть назначено более 6 лет лишения свободы (за исключением совершения ими особо тяжкого преступления); лишение свободы не назначается подростку, впервые совершившему в возрасте до 16 лет преступление небольшой или средней тяжести, а также всем несовершеннолетним за преступления небольшой тяжести, совершенные впервые; при назначении несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления низший предел санкции соответствующей статьи сокращается наполовину.

Суд наделен теперь правом повторно принять решение об условном осуждении и установлении нового испытательного срока, если ребенок в течение испытательного срока по предыдущей судимости вновь совершил преступление, не являющееся особо тяжким. Это допущение повлекло заметное сокращение населения малолеток, поскольку большинство детей попадало в колонии за всякую ерунду по причине нарушения испытательного срока.

Я пишу здесь об этом, потому что в колониях - и взрослых, и воспитательных - сидят больше за кражи (с вариациями - грабеж, разбой) и наркотики.

Создание наркоконтроля - это шаг в обратном направлении. Это создание института, заинтересованного в расширении уголовной репрессии. Естественно, что ФСКН, как птеродактиль, вылупившись и навострив когти, ринулся кромсать реформу УК.

Не то чтобы много пользы принес бы в нашу жизнь какой-нибудь Госкоммолодежи - но уж лучше избрали бы для упраздненной налоговой полиции какую-нибудь такую безобидную нишу, чем обрушить эту привыкшую к деньгам и хитросплетениям ораву на безобидных людей. Ну, валяли бы дурака 40 тысяч чиновников, организовывали бы самодеятельность. Однако ж нельзя. Генералы...

Целыми днями гудит в московском метро реклама наркоконтроля. "Ежегодно от наркотиков умирает 70 тысяч молодых людей", - радуется ФСКН. Их, наркополицейских, 40 тысяч голов.

Не то что бы война с наркотиками била только по молодежи. Люди всех возрастов - и онкологические больные, ограниченные в получении морфия, страдают от нее. Такова цена войны, мирным жителям тоже плохо приходится.

Но направленность удара - по юности, по партизанам подпольной луны, как пел БГ.

Вот едут партизаны подпольной луны.

Пускай их едут.

2005

Реформа наркополитики в России: поворот вспять?

6 июля 2005 года Государственной Думой принят в первом чтении проект федерального закона об изменении статьи 228 УК, который предусматривает изъятие из уголовного законодательства понятия «средняя разовая доза наркотических средств и психотропных веществ», являющегося в настоящее время основой для исчисления крупного и особо крупного размера наркотиков при их обнаружении в незаконном обороте.

С чего начиналась реформа

Понятие «средняя разовая доза» было введено в УК законом от 8 декабря 2003 года. Пересмотр норм о преступлениях, связанных с наркотиками, стал одним из выдающихся результатов реформы и лучшим примером взаимодействия неправительственных организаций с Президентом, Думой, Правительством, итогом многолетней правозащитной работы по лоббированию гражданского интереса в той области, где политики больше всего боятся слиберальничать и оказаться окрещенными «наркомафией».

Одной из основных проблем УК в его прежней, действовавшей до 12 мая 2004 года редакции, была неурегулированность вопроса об определении размера наркотиков и, соответственно, квалификации содеянного при задержании с некоторым их количеством. На практике правоохранительные органы и суды руководствовались Сводной таблицей заключений Постоянного комитет по контролю наркотиков (ПККН), печально известной в народе как «таблица Бабаяна» (по имени бессменного председателя этого не совсем понятного учреждения). Таблица представляла собой рекомендательный документ, изданный неким не имеющим

государственной регистрации и законодательно утвержденного статуса научно-консультативным органом, в компетенцию которого не входило и не могло входить принятие нормативных актов. Несмотря на это, таблица применялась по всем без исключения уголовным делам (т. е. по сотням тысяч дел ежегодно). Согласно таблице, крупным размером признавалось, например, 0,1 г марихуаны, особо крупным размером — 0,005 грамма героина. Такой подход к количествам позволял и за 0,005 г и 100 кг героина привлекать по части 4 статьи 228 УК к равной ответственности. Отчетность за дозу, переданную наркоманом наркоману, и за тонну афганского товара составлялась по одной графе.

Когда пришла пора менять закон

Против многолетней имитации «борьбы с наркотиками», оплаченной сотнями тысяч переломанных молодых жизней, выступали не только правозащитники. Неоднократно озвучивал необходимость пересмотра направленности антинаркотической деятельности и Президент. «Количество задержанных, привлеченных к ответственности вроде бы увеличилось, но среди них — сами наркоманы —, говорил он 2 февраля 2001 года на коллегии МВД, — Чаще ловят жертв, чем организаторов этих преступлений». Из выступления на встрече с Комиссией по правам человека 10 декабря 2002 года: «К сожалению, эти репрессии, они адресованы не к наркобаронам, а к наркопотребителям, к наркоманам. А наркоман, он — жертва проблемы, а не носитель проблемы». Когда в 2002 году рабочую группу администрации Президента, работавшую под руководством Дмитрия Козака над поправками в УК, были внесены предложения по антинаркотическим статьям, они были поддержаны и вошли в комплексный президентский законопроект. Сама идея исчисления размеров посредством средних разовых доз потребления родилась

раньше, в рабочей группе Комитета Госдумы по законодательству, образованной в 2000 году. В группу, возглавлявшуюся депутатом Валерием Воротниковым (группа «Народный депутат»), входили представители всех заинтересованных ведомств, в том числе Верховного Суда, МВД. Все они согласились с необходимостью закрепления порядка определения размеров наркотиков непосредственно в УК, поддержав введение в качестве мерила средних разовых доз.

Подготовленный депутатской группой вариант, прежде чем быть предложенным группе Козака, прошел экспертизу в Управлении ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). Юридический советник УНП ООН Бернар Леруа в письме председателю Комитета по законодательству Павлу Крашенинникову от 22 октября 2002 года оценил предложенные новеллы весьма высоко: «Мы внимательно изучили документ и приветствуем Ваши планы, соответствующие международным усилиям и направленные на укрепление уголовного законодательства Российской Федерации путем усиления ответственности в отношении крупных наркоторговцев и организованной преступности и одновременное снижение сроков заключения для наркозависимых и для правонарушителей, задержанных с малыми дозами наркотика. Также весьма удачным представляется предложенное определение минимальных размеров обнаруженных в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ для определения малых, крупных и особо крупных размеров наркотиков».

Таким образом, отменяемое сейчас положение, прежде чем стать законом, было одобрено федеральными ведомствами, президентской рабочей группой, международными экспертами.

Правда, на момент внесения президентского законопроекта (12 марта 2003 г.) и принятия его в первом чтении (23 апреля 2003 г.) еще не было Госнаркоконтроля.

Борьба

Для издания правительственного постановления о средних разовых дозах требовалось время, поэтому новая редакция антинаркотических статей УК должна была вступить в силу 12 марта 2004 года — спустя три месяца со дня официального опубликования закона от 8 декабря. Правительство в срок не уложилось. Его штормило (был отправлен в отставку кабинет Касьянова и назначен новый премьер Фрадков). Поэтому Федеральным законом от 5 марта 2004 года срок утверждения доз был продлен еще на два месяца. Правительством дало поручение Минздраву, Госнаркоконтролю, МВД и Минюсту подготовить предложения. И тогда со всей остротой встал вопрос, какими должны быть дозы. Реальными дозами потребления или условными? Созданная при Минздраве межведомственная группа обратилась в ПККН, к академику Бабаяну, который, естественно, был противником реформы. На заседании ПККН 23 января 2004 года были приняты предложения по размерам доз, преследующие цель дезавуировать изменения закона: доза героина — 0,0001 г, марихуаны — 0,015 г, гашиша — 0,01 г и прочее в том же роде. Эти предложения были поддержаны Минздравом, МВД, Госнаркоконтролем. Воспротивились лишь Минюст и Государственно-правовое управление Президента РФ.

Чтобы представить альтернативный вариант таблицы средних разовых доз по всем веществам списка в начале марта 2004 года по инициативе фонда «Нет алкоголизму и наркомании» и альянса «Новая наркополитика» был образован Независимый экспертно-правовой совет по проблемам злоупотребления психоактивными веществами (НЭСПАВ), в который вошли известные наркологи, организаторы здравоохранения, юристы, правозащитники. Председателем Совета стал академик Андрей Воробьев, бывший министр здравоохранения России. НЭСПАВ и разработал проект постановления Правительства о размерах средних разовых доз.

Предложения НЭСПАВ были поддержаны государственными правозащитниками: Уполномоченным по правам человека в РФ Владимиром Лукиным и председателем действовавшей тогда Комиссии по правам человека при Президенте РФ Эллой Памфиловой.

Дискуссия вышла за министерские стены. 8 апреля 2004 года на канале НТВ в ток-шоу «К барьеру» автор этого обзора «вызвал на дуэль» заместителя директора ФСН (так назывался на тот момент Госнаркоконтроль) генерал-лейтенанта Александра Михайлова. «Спор о дозах» окончился победой правозащитников[14], большинство телезрителей проголосовало против продолжения репрессий в отношении наркоманов.

6 мая 2004 года премьер-министр Михаил Фрадков подписал Постановление № 231 «Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 288, 228[1] и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации», основанное на проекте НЭСПАВ. Визировал проект постановления один лишь Минюст.

Размеры средних разовых доз, применяемые в соответствии с УК и правительственным постановлением от 6 мая 2004 года (доза героина 0,1 г, марихуаны — 2 г, гашиша — 0,5 г, кокаина — 0,15 г, уголовная ответственность наступает пр умножении на 10) в целом соответствуют подходам, условно именуемым европейскими. Хотя в российских дозах ничего сверхлиберального нет (для сравнения: в Иране, где за наркоторговлю назначается смертная казнь, наркоман может, не опасаясь попасть под уголовную статью, иметь при себе до 32 грамм героина).

14 *Прим. 2017*. Моими секундантами были президент Фонда НАН (Нет алкоголизму и наркомании) Олег Зыков и писатель, экономист, советский диссидент, директор Центра по изучению нелегальной экономической деятельности Лев Тимофеев.

В то же время наказание за сбыт в крупном и особо крупном размере, за предложение наркотиков несовершеннолетним и участие в наркоторговле сотрудников правоохранительных органов в новой редакции УК ужесточено.

30 тысяч осужденных наркопотребителей вышли на волю

Поскольку уголовный закон, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение осужденного, имеет обратную силу, после вступления новых положений в силу подверглись пересмотру десятки тысяч уголовных дел по наркотикам. При том сокращение репрессии коснулось не только осужденных за хранение и приобретение для личного потребления, но и основной части осужденных за сбыт. По ранее действовавшему порядку особо крупным размером признавалось фактически любое количество героина (от 0,005 г), подавляющее большинство осужденных за его сбыт подпадало под часть четвертую статьи 228, предусматривавшую санкцию от 7 до 15 лет лишения свободы. По новой редакции особо крупным размером признается количество, превышающее 5 г героина, в связи с чем действия осужденных были переквалифицированы на сбыт в небольших размерах со сроком наказания о 3 до 7 лет.

По данным Федеральной службы исполнения наказаний, по состоянию на 1 мая 2004 года по основной статье, предусматривавшей ответственность за наркотики, — статье 228 УК, отбывали наказание в виде реального лишения свободы 66 768 человек, из них 24 447 — без цели сбыта (часть первая статьи 228), 42 321 — за сбыт, а также приравненные к нему по действовавшей в то время редакции перевозку, изготовление, переработку (части вторая — четвертая статьи 228). 26 983 человека отбывали наказание по части четвертой (сбыт, перевозка, изготовление, переработка в

особо крупном размере).

За пять месяцев действия новой редакции антинаркотических статей УК (с 12 мая по сентябрь 2004 года) освобождены судом от наказания в виде лишения свободы в соответствии со статьей 10 УК (обратная сила смягчающего закона) 12 027 человек (более 18%), из них 9 812 — по части первой (деяния, не связанные со сбытом) — более 40% отбывавших наказание по этой части, 2 215 — по частям второй — четвертой статьи 228. Срок наказания был сокращен 17 223 осужденным из общего числа лишенных свободы за наркотики (еще около 26%) — в среднем на 1 год 2 месяца. Таким образом, смягчение наказания только за первые три с половиной месяца действия закона затронуло 29 250 человек, или 44% осужденных по статье 228. До конца 2004 года срок был сокращен еще примерно 10 тысячам заключенных.

Несмотря на внушительность этих цифр, смягчение наказания было применено далеко не ко всем, кто имел основания на это претендовать. При переквалификации сбыта (или хранения, приобретения в целях сбыта) с совершенного в особо крупном размере на совершенное в небольшом, судом, рассматривавшим ходатайство в порядке статьи 10 УК, зачастую не пересматривался срок лишения свободы, если он не превышал верхнего предела санкции, предусмотренной новой нормой. В этих случаях некоторая (правда небольшая) часть осужденных успешно обжаловала судебные постановления, добившись пропорционального сокращения срока.

Против реформы выступает Госнаркоконтроль

До издания Постановления Правительства от 6 мая 2004 года изменение норм УК не беспокоило наркоконтроль, рассчитывавший, что и при наличии неких фиктивных «доз» маховик уголовных дел будет вращаться в прежнем режиме. Когда же 12 мая выяснилось,

что новые правила охоты на наркоманов нарушают права «охотников», была развернута кампания по возвращению утраченных территорий.

Наркополиция оказалась в сложном положении. С одной стороны, реформа ударила по ведомственным интересам. С другой, инициатором закона был никто иной как Президент России, чьим «собинным другом» считается шеф Госнаркоконтроля Виктор Черкесов. Критиковать закон генерал полиции никак не мог, но и хвалить очень уж не хотелось. Черкесов исчез с небосклона, полтора месяца числился в отпуске, отмалчивался, но 1 июня 2004 года в эфире «Эхо Москвы» (куда его удалось завлечь со второй попытки, в конце мая уже анонсированный гость растворился по пути в студию) все-таки не нашел в себе мужества раскритиковать «дозы». «Замысел законодателя, — говорил он, — сводился к тому, чтобы вывести из-под уголовного преследования наркоманов — тех, кто задерживался с небольшим количеством наркотиков, и привлекался к уголовной ответственности по пресловутой 228, части 1. Это совершенно правильное направление. Это полное совпадение со стратегией деятельности федеральной службы».

Однако уже в декабре того же года в интервью «Политическому журналу» осмелевший Черкесов заявлял: «Мы выражали свое недоумение введением понятия «средняя разовая доза» по отношению к наркотикам, которые в рамках международной конвенции запрещены «от нуля»: героин или кокаин в принципе не могут находиться в обороте. Это юридическо-техническая лазейка в нашем законе фактически легализует их в объеме «средней разовой дозы». <...> Позиции государства в борьбе с наркотиками ослаблены». Кстати, нельзя не заметить, что уровень познаний главного наркоконтролера хорошо иллюстрирует утверждение, что кокаин «в принципе не может находиться в обороте». Кокаин входит

в список веществ, разрешенных к медицинскому использованию[15].

Одновременно заместитель руководителя Федеральной службы Александр Михайлов развернул столь остервенелую кампанию против нового законодательства о наркотиках, что поплатился за излишнюю ретивость должностью, превратившись из заместителя Черкесова в руководителя одного из многочисленных департаментов ФСКН.

Выступать против правительственного постановления о размерах доз было для ФСКН, конечно, более удобным. Хотя, как видно из приведенной выше цитаты, даже Черкесов, не говоря уже о Михайлове, доходил до критики норм закона. Правительство, в свою очередь, заявляло, что лишь исполнило волю законодателя, утвердив дозы потребления.

Несомненно, если бы удалось коренным образом, в духе академика Бабаяна, изменить Постановление № 231, ни наркоконтроль, ни кто бы то ни было еще не настаивал бы на корректировке примечания к статье 228. Но коль скоро так называемые «фармакологические» дозы изначально не прошли, уменьшить размеры, не меняя правовой основы этой конструкции, было бы достаточно сложно. Во всяком случае, попытку наркоконтроля кавалерийской атакой разрушить постановление Правительство отбило.

Дело несколько осложнялось тем, что изничтожение доз ставило ФСКН в оппозицию не только президентской администрации и Правительству, но и авторитетным международным инстанциям. Посетивший Россию в конце июня 2004 года директор Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мария Коста одобрил изменения российской уголовной наркополитики. «Необходимо осознать, что борьба с наркотиками не может сводиться только к

15 Список I Единой конвенции 1961 года, Список II, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 года № 681.

правоохранительной деятельности, — заявил он в интервью «Новым Известиям» 28 июня 2004 года — Речь идет о принятии законодательства, согласно которому наркомана не сажают в тюрьму и заставляют платить административный штраф от 10 до 20 долларов. Это более современный подход в борьбе с наркоманией, принцип которого считать наркомана не преступником, а больным человеком, нуждающимся в лечении». В таких условиях ФСКН предпочитала загребать жар чужими руками.

Действия противников реформы

Сразу же после вступления в силу изменений в УК с их жесткой критикой выступили депутаты Госдумы и репрессивно настроенная «общественность». С редкой оперативностью, уже 14 мая 2004 года, Государственная Дума подавляющим большинством голосов («за» — 391, «против» — 1, воздержались — 2) приняла обращение к премьер-министру с предложением «в кратчайшие сроки внести соответствующие изменения в указанное постановление». При этом отмечалось, что «размеры средних разовых доз для некоторых наркотических средств и психотропных веществ оказались чрезвычайно завышенными» и что «по мнению многих специалистов, это постановление открывает путь для более свободного и доступного распространения и потребления наркотических средств и психотропных веществ, создавая реальную угрозу здоровью нации».

Среди таких специалистов — бывший в то время главным подростковым наркологом России Алексей Надеждин. «В числе людей, которые лоббировали именно такой вариант постановления, были представители правозащитных организаций, то есть те, кто в первую очередь должен думать о защите прав, в том числе — и права человека на социально здоровое общество», — такую беседу вел с Надеждиным дружественный ФСКН сайт Наркотики.ру.

«Давайте не будем говорить здесь о правозащитных организациях, — ответил специалист, — потому что не понятно, чьи права они защищают и на чьи деньги существуют. Как показывает наша история, как правило, правозащитные организации — это мощнейший инструмент в идеологической и политической войне и противоборствах при противоречиях между различными государствами. Еще раз подчеркну, что принятие данных размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ — это огромная ошибка, которая приведет к массовому распространению наркомании и геноциду населения нашей страны. Я считаю, что размеры средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ должны быть немедленно пересмотрены».

В июне-августе 2004 года при активной поддержке ФСКН состоялся антинаркотический автопробег «Москва — Владивосток», организованный Душепопечительским центром святого Иоанна Кронштадтского (руководитель — иеромонах, профессор медицины Анатолий Берестов). Участниками автопробега было собрано, по их словам, более двухсот тысяч подписей за отмену постановления от 6 мая.

На антинаркотических форумах, совещаниях, брифингах, проходивших в 2004 — 2005 годах во многих регионах, новые законоположения подвергались жесткой критике как якобы препятствующее правоохранительной работе. Против уже состоявшегося реформирования УК выступали депутаты, главные наркологи, президентские полпреды и губернаторы. Так, на сентябрьском (2004 года) совещании органов правопорядка Приволжского округа против постановления о дозах выступил полномочный представитель Президента Сергей Кириенко, а вслед за ним — его подчиненные. «Вообще узаконение наркотиков в любых дозах недопустимо. Все представители правоохранительных органов в один голос сказали, что это полностью разваливает им всю

систему работы», — озвучил позицию большинства главный федеральный инспектор по Чувашской Республике Александр Муратов.

Что и кто стоит за отменой реформы

Очевидно, что законопроект, внесенный Правительством и принятый 6 июля 2005 года в первом чтении, стал следствием лоббистских усилий Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Прошедший год отчетливо показал, что 40-тысячное войско наркоплицейских не имеет в основе своей деятельности никакой концепции и внятной цели работы, если не считать таковой социалистическое обязательство сократить к 2010 году масштабы незаконного потребления наркотиков в РФ на 16-20% от уровня 2004 года. Эта цель, заявленная в Федеральной программе «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005-2009 годы» (государственным координатором которой является ФСКН), примечательна, в том числе, и потому, что в той же программе разработчики расписываются в невозможности посчитать наркоманов без миллионной погрешности. Ведомство судорожно ищет, к чему бы приложить руку, изобретает проблемы, чтобы затем успешно их решать, мечтая вернуться к золотым временам, когда можно было строчить липовые отчеты за счет отлавливания «нариков».

Согласно законопроекту предлагается отказаться от понятия «средней разовой дозы» и вернуться к ранее существовавшему порядку, при котором понятия крупного и особо крупного размера определялись в абсолютных цифрах. Разница с положением, существовавшим до 12 мая 2004 года, в том, что тогда, вне правового регулирования, размеры самовольно утверждались ПККН, теперь же в УК будет сохранена существующая бланкетная норма, наделяющая Правительство полномочиями по утверждению размеров. Это,

конечно, шаг вперед по сравнению с ситуацией, преодоленной в результате преобразований декабря 2003 — мая 2004 годов. Но если тогда был сделан рывок на километр вперед, теперь, испугавшись собственной смелости, власть отступает — хотя и не на исходные позиции.

Легализация наркотиков здесь ни при чем

Никто из тех, кто вовлечен сегодня в деконструкцию реформы, не хочет честно признать, что отмена доз объясняется исключительно ведомственными интересами (в первую очередь — наркоконтроля, во вторую — милиции), поэтому и Правительством, и депутатами повторяются лживые доводы, не выдерживающие никакой критики.

Во-первых, утверждается, что в силу различного воздействия наркотиков на организм человека нельзя уравнивать, например, 10 разовых доз марихуаны и 10 разовых доз героина. Но такое действительно необходимое разграничение достигается и при использовании понятия средней разовой дозы, что, в основном, удалось осуществить в Постановлении от 6 мая 2004 года. Для определения дозы героина использовалось низкопороговое количество 0,1 г (при том, что доза «системного» героинома намного выше), при расчете же дозы марихуаны брался довольно высокий показатель 2 г.

Во-вторых, указывается на рост передозировок, последовавший после вступления в силу новых норм УК. Такой рост действительно наблюдался во второй половине 2004 года. По мнению наркологов, это было связано, прежде всего, с одновременным выходом из мест лишения свободы примерно 30 тысяч наркозависимых, чьи приговоры были изменены в связи с принятием закона, смягчающего наказание. Известно, что вследствие продолжительной вынужденной ремиссии освободившиеся из заключения наркоманы зачастую не воспринимают ранее привычное для них количество наркотика, что

приводит к тяжелым последствиям. Очевидно, что данный фактор свидетельствует, скорее, о необоснованности лишения свободы людей, нуждающихся в лечении. По имеющейся информации, в первые месяцы 2005 года ситуация с передозировками стабилизировалась.

Наконец, заявляется, что введение в УК понятия «средняя разовая доза» было воспринято населением чуть ли ни как легализация наркотиков. Руководители наркоконтроля особенно любят повторять, что официальное определение дозы веществ, полностью запрещенных к употреблению, является недопустимым. Это чистая демагогия. Наркотики ни коим образом не легализованы: их потребление и хранение в любом количестве влечет административную ответственность, а наказание за сбыт ужесточено. Что касается средних разовых доз, то Правительство определяет не рекомендуемое наркоманам количество, а величину, используемую исключительно для целей Уголовного кодекса.

Проект постановления Правительства, которое, в случае законодательной отмены доз, должно заменить Постановление № 231, в общих чертах уже согласован ведомствами. Судя по всему, новые размеры будут чем-то средним между упраздненной таблицей Бабаяна и применяемыми сегодня. Хотя депутат Евгений Ройзман, лидер екатеринбургской группировки «Город без наркотиков», продолжает отстаивать концепцию, на которой с 1996 года держалась так называемая «борьба с наркотиками»: особо крупным размером, заявил он 6 июля в прениях по законодательству, следует считать «то, что может служить предметом сбыта». Руководствуясь принципом «каждый потребитель — он и есть сбытчик», Ройзман, по сути, прикрывает наркобизнес: если любой наркоман — наркоторговец, значит, можно сажать наркоманов и отчитываться ими по графе «особо тяжкие преступления».

В 2003 году было выявлено 181 700 наркопреступлений, в 2004

— 150 096. 9 месяцев действия отменяемого теперь закона спасли, как минимум 31 600 молодых людей от бессмысленного уголовного преследования. Более того, тем, кто по новым правилам был привлечен к ответственности за сбыт в количестве менее 10 доз, назначается наказание от 4 до 8 лет лишения свободы. Когда особо крупным считался любой размер, за те же количества (менее грамма героина) люди получали от 7 до 15 лет.

За два года сократилось не только число осужденных, сократились сроки. И вот теперь дружным депутатским голосованием принимается решение, увеличивающее человекоемкость тюрьмы.

Изменение законом о дозах статьи 228 УК знаменовало переход от исключительно карательной политики в отношении людей принимающих наркотики (каковыми могут быть как наркозависимые, так и несистемные и случайные потребители) к более взвешенной, гуманной и эффективной стратегии. Правоохранительные органы отнеслись к новым правовым реалиям, как к чему-то чужеродному. Президент и Правительство уступили давлению наркоконтроля. А Дума … . Примечание о средних разовых дозах принимала Дума третьего созыва, а отменяет Дума четвертого.

2006

Полграмма – и тысячи судеб

Российская наркополитика дала обратный ход: 11 февраля 2006 года утратило силу постановление Правительства РФ от 6 мая 2004 года № 231 о средних разовых дозах.[16] Восстановлена существовавшая ранее модель, по которой крупный и особо крупный размеры определялись в абсолютных величинах[17].

Определение размера изъятых наркотиков – основной элемент всей системы уголовной ответственности за их незаконный оборот. В отношении деяний, не связанных со сбытом, только от размера проходящего по делу вещества зависит, подвергнется ли нарушитель уголовному преследованию, либо наказание будет административным. Согласно статье 228 УК правонарушения, не связанные со сбытом наркотиков, оказываются преступлениями только в случае, если они совершены в крупном размере[18]. То есть, чем выше планка крупного размера, тем меньше преступников.

Сбыт наркотиков, равно как их производство в целях распространения, уголовно наказуемы в любом случае, независимо от количества. Но и здесь размер играет существенную роль,

16 *Прим. 2017.* Этим документом для целей Уголовного кодекса определялись средние разовые дозы потребления по каждому из запрещенных к свободному обороту психоактивных веществ. От десяти доз признавалось крупным размером, от пятидесяти – особо крупным. Такова была конструкция примечания 2 к статье 228 УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ: критерием, применяемым для установления уголовной ответственности, служили средние разовые дозы. Теперь этот порядок изменен.

17 *Прим. 2017.* Федеральный закон от 5 января 2006 года № 11-ФЗ вступил в силу 11 февраля.

18 *Прим. 2017.* Обращаю внимание — статья 2008 года, тогда размеры были только «крупный» и «особо крупный».

дифференциация очень важна: одно дело – передача одним наркоманом другому одной-двух доз, другое – поставка партии наркотиков весом в несколько килограмм, нельзя и за то и за другое наказывать одинаково, от 8 до 20 лет.

<...> Порочную практику, порождавшуюся несовершенством законодательства, призваны был остановить изменения, внесенные в УК в 2003 году. И, в основном, это удалось. Хотя подготовленные в спешке весной 2004 года размеры средних разовых доз не были достаточно глубоко проработаны для всех веществ списков (что видно из прилагаемой сопоставительной таблицы), по наиболее распространенным позициям – героину, марихуане, амфетаминам, кокаину – постановлением от 6 мая 2004 года были утверждены реалистичные уличные дозы (вместо бабаяновских условных фармакологических), позволившие уйти от оценки любого количества как якобы крупного размера.

В результате после вступления в силу новых значительно увеличенных размеров около 40 тысяч ранее осужденных было освобождено или получило существенное сокращение срока наказания, а за 2004 – 2005 годы благодаря «дозам» смогли избежать уголовного преследования как минимум 60 тысяч человек, которые, не будь поправок 2003 года, получили бы статью за хранение или приобретение без цели сбыта.

Естественно, что столь успешно проведенная реформа ударила по ведомственным интересам, прежде всего – по интересам Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН). Наркополиция, несмотря на бодрые отчеты, находится в бедственном положении. 40-тысячное воинство не оправдывает разбазариваемых на него ресурсов. При полутора уголовных делах в год на сотрудника (да и делах-то, в подавляющем большинстве, несложных, если вообще не липовых) более 12 миллиардов рублей в год – непозволительная роскошь.

Об этом говорил на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры 3 февраля 2006 года Генпрокурор Владимир Устинов:

«По численности эта служба самая большая в мире. Но, если бы количество сопровождалось соответствующим качеством. Сотрудниками органов наркоконтроля выявляется только треть общего количества преступлений. Остальные по-прежнему приходятся на милицию и другие правоохранительные органы. Среди оконченных расследованием уголовных дел лишь каждое четвёртое – дело наркоконтроля. По делам самые длительные сроки и самые низкие показатели качества следствия. Что же касается характера выявляемых преступлений, то среди них, как и прежде, больше тех, которые находятся на поверхности. Это приобретение, хранение, изготовление, перевозка наркотиков. А вот преступления глубинного характера, с которых начинается наркоцепочка и которые продуцируют приобретение, хранение наркотиков, выявляются редко. За весь год выявлено всего 124 случая незаконного производства наркотиков, 371 - склонения к потреблению наркотиков и чуть больше 3 тыс. случаев организации либо содержания притонов.»

При таких обстоятельствах вопрос о размерах стал для ФСКН вопросом выживания.

Несмотря на то, что концепция средних разовых доз была предложена в 2003 году Президентом РФ, и в публичных выступлениях того времени Президент отстаивал необходимость дифференцированного подхода к наркоманам и наркоторговцам, ФСКН переломила ситуацию в свою пользу.

Итог этого отступления – изменение УК и принятие постановления Правительства РФ от 7 февраля 2006 года № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228[1] и 229

Уголовного кодекса Российской Федерации».

Теперь, когда процесс возвратного пересмотра уголовной наркополитики завершен, когда по новым правилам утверждены новые количества для определения крупного и особо крупного размеров, можно, основываясь на цифрах, сделать два вывода:

1) с 11 февраля 2006 года для уголовного преследования людей, употребляющих наркотики, появились дополнительные основания;

2) по сравнению с ситуацией до 12 мая 2004 года, нынешнее положение все равно, несмотря на последние изменения, представляется не столь всеобъемлюще репрессивным, каковым оно было в эпоху применения Сводной таблицы академика Бабаяна.

Это подтверждает сравнительный анализ порога уголовной ответственности по основным веществам списка.

Количества наркотических средств и психотропных веществ, признаваемые крупным и особо крупным размерами (в граммах), в извлечениях

вещество	Таблица Бабаяна по состоянию на 1 марта 2003 года		Постановление от 6 мая 2004 года		Постановление от 7 февраля 2006 года	
	крупный размер	особо крупный размер	крупный размер	особо крупный	крупный	особо крупный
каннабис (марихуана)	0,1	500	20	100	6	100
гашиш	0,1	100	5	25	2	25
масло каннабиса (гашишное масло)	0,05	50	1	5	0,4	5
героин	любое количество до 0,005	0,005	1	5	0,5	2,5

опий	0,1	10	5	25	1	25
ацетилированный опий	0,05	5	1	5	0,5	5
маковая солома	0,2	250	100	500	20	500
экстракт или концентрат маковой соломы	0,02	2	0,5	2,5	1	5
метадон	0,01	1	0,5	2,5	0,5	2,5
бупренорфин	0,0012	0,12	0,003	0,015	0,005	0,025
морфин	0,01	1	0,1	0,5	0,1	0,5
кодеин	0,2	10	1	5	1	5
кетамин	0,02	1	1	5	0,2	5
кокаин	0,01	1	1,5	7,5	0,5	5
кустарно приготовл-е препараты из эфедрина	1 мл	100 мл	3	10	0,5	10
ЛСД	любое количество до 0,0001	0,0001	0,003	0,015	0,0001	0,005
мескалин	0,03	5	0,5	2,5	0,5	2,5
МДМА («экстази»)	0,02	1	0,5	2,5	0,6	3
метамфетамин, первитин	0,02	1,5	0,5	2,5	0,3	2,5
амфетамин	0,03	3	1	5	0,2	1
плодовое тело грибов, содержащих псилоцибин и (или) псилоцин	0,5	50	учитывалось только чистое вещество	учитывалось только чистое вещество	10	100
псилоцибин, псилоцин	0,01	0,1	0,05	0,25	0,05	0,25
эфедрон (меткатинон)	0,02	3	0,5	2,5	0,2	2,5
амобарбитал (барбамил)	0,6	30	1	5	1	5
глютетимид (ноксирон)	1,5	25	2,5	12,5	1	12,5
метаквалон	0,05	1	2	10	1	5

Если посмотреть и просчитать весь перечень, включающий 232 именования, можно убедиться, что снижение крупных размеров произошло только по 49 позициям, а по 140 – по формальному большинству веществ, они были увеличены.

Однако почти все из 140, размер которых был увеличен, – редкие в незаконном обороте вещества, тогда как снижение порога произошло по большинству реально присутствующих в незаконном обороте наркотиков.

Планка наказуемости (то есть то количество вещества, с которого ответственность за хранение становится уголовной) снизилась по сравнению с установленной 12 мая 2004 года, по героину в два раза (с 1 до 0,5 грамма), по опию в пять раз (с 5 до 1 грамма), по марихуане – с 20 до 6 грамм, по гашишу – с 5 до 2 грамм, по кетамину – в пять раз (с 1 до 0,2 грамма), по кокаину – в три раза (с 1,5 до 0,5 грамма), по ЛСД – в тридцать раз (с 0,003 до 0,0001 грамма), по первитину – с 0,5 до 0,3 грамма, по амфетамину – в пять раз (с 1 до 0,2 грамма), по первитину – с 0,5 до 0,3 грамма, по эфедрону – с 0,5 до 0,2 грамма.

То же самое по особо крупным размерам. Их увеличение произошло также по 140 позициям, снижение - по 29 пунктам. Но и здесь, хотя и в меньшем числе случаев, уголовная репрессия расширена по распространенным веществам, прежде всего – по героину, особо крупный размер которого сокращен в два раза (с 5 до 2,5 грамм), а также по кокаину, промедолу, ЛСД.

По всем веществам, входящим в Список I (в частности, это каннабис и его производные, героин, опий, маковая солома, метадон, ЛСД, МДМА, фенциклидин, эфедрон, катинон, метаквалон), крупный и особо крупный размеры вновь определяются с учетом примесей, независимо от их процентного содержания в смеси. Соответствующее примечание имелось и к Сводной таблице Бабаяна. То же правило восстановлено и в отношении кокаина

(находящегося в Списке II). В постановлении от 12 мая 2004 года такого примечания не было, что давало основания настаивать на определении веса чистого запрещенного вещества в смеси. Правда, по героину в большинстве случаев это, вопреки букве нормативного акта, не удавалось: следователи и эксперты ссылались на отсутствие необходимого оборудования.

Понижение порога по тем или иным веществам повлечет совершенно различные карательные последствия. Если изменение размера наказуемости по марихуане с 20 до 6 грамм в целом не приведет к существенному росту привлекаемых к уголовной ответственности, поскольку 5,99 грамма марихуаны – все-таки достаточное количество для неоднократного употребления, то между граммом и полграмма героина помещается множество наркозависимых. Значение здесь имеет не только то, что «разбодяженность» героина влияет на его вес, но, прежде всего, то, что системному героиноману требуется большая доза для более частого потребления. Учитывая хотя и сокращающуюся, но все же весьма высокую распространенность героина, промежуток между 0,5 и 1 граммом превращает в уголовников тысячи и десятки тысяч людей.

2008

Просвет в конце тоннеля

В сентябре 2014 опубликован второй доклад Глобальной комиссии по вопросам наркополитики.

На основе социологических, криминологических, экономических и других исследований в докладе доказывается, что полувековая мировая война с наркотиками превратилась в войну ради войны, не привела к снижению наркомании, наркотизма и преступности, а напротив, способствовала формированию мощных преступных сообществ, росту коррупции, что привело к бесчисленным человеческим жертвам и продолжает их множить. Люди становятся жертвами как самих наркотиков, так и борьбы с ними. Больше всего в сохранении режима запретов заинтересован наркобизнес, сверхдоходы которого – производное этих запретов. Вот только две цитаты из доклада:

«По данным 2005 года (берутся данные наиболее достоверного исследования. – *Л.Л.*)*, производство оценивалось в $13 миллиардов, оптовая индустрия – в $94 миллиарда, розничная – в $332 миллиарда*».

«*Прибыль от стремительно растущих цен на нелегальные препараты мотивирует криминальные группы заниматься наркобизнесом, а наркозависимые люди вынуждены совершать правонарушения, чтобы платить за наркотики».*

Гигантская разница между доходами производителей (крестьян, лабораторий) и доходами от продажи наркотиков – это цена риска. Такие доходы позволяют скупать полицию вплоть до инфильтрации и поглощения ее силами наркобизнеса. Запреты, жесткие уголовные санкции не приводят к декларируемым результатам – наркотиков и наркоманов меньше не становится. Спрос формируется как сам по себе – социальной отторженностью людей, в основном молодых, не

находящих места в жизни, так и агрессивным маркетингом, организуемым наркобизнесом. Одновременно и спрос порождает предложение, и предложение стимулирует спрос.

Выводы доклада подтверждают сказанное Львом Тимофеевым в работе «Наркобизнес: начальная теория экономической отрасли»: «*Запрет не останавливает рыночные операции, но лишь меняет условия, в которых они происходят, и сам становится решающим операциональным фактором. <…> Запретить рынок значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций*».

О необходимости пересмотра прогибиционистской политики в отношении психоактивных веществ, ревизии международных конвенций 1961, 1971 и 1988 годов, на которых эта политика держится, говорится давно. С начала 80-х такую кампанию вела созданная в Италии Транснациональная радикальная партия – маргинальная с точки зрения политического истеблишмента организация. За изменение вектора наркополитики выступали такие выдающиеся интеллектуалы? как, например, Габриэль Гарсия Маркес. Звучали голоса и в России. Но сегодня позволить себе здесь такое вольномыслие может разве что Владимир Познер.

Общественная комиссия, имеющая при ООН консультативный статус – Глобальная комиссия по вопросам наркополитики? – впервые вывела критику существующих подходов и рекомендации по их решительному пересмотру на столь высокий уровень.

Комиссия образована в 2011 году в составе 22 политических и общественных деятелей. Их оппоненты (во всяком случае в РФ) пытаются представить комиссию ничего не значащим собранием выживших из ума «отставников-фантазеров», как обозвал их директор ФСКН Иванов. Поэтому «фантазеров» надо назвать поименно.

Это бывший генсек ООН Кофи Аннан, бывший Верховный

комиссар ООН по правам человека Луиза Арбур, бывшие президенты Сесор Гавириа (Колумбия, либерал), Рут Дрейфус (Швейцария, социал-демократка), Фернандо Кардозо (Бразилия, социал-демократ, председатель Комиссии), Александр Квасьневский (Польша, социал-демократ), Рикардо Лагос (Чили, социалист), Жорже Сампойю (Португалия, социалист), Эрнесто Седальо (Мексика, социалист), бывший премьер-министр Греции Георгиос Папандреу (социалист), бывший госсекретарь США Джон Шульц (республиканец), бывший председатель Федеральной резервной системы США Пол Волкер, бывший мэр Праги Павел Бём, бывший министр иностранных дел Норвегии Торвальд Столтенберг, бывшая статс-секретарь Минздрава Германии Мария Касперс-Марк, бывший генсек НАТО Хавьер Солана, бывший генсек Международной торговой палаты Мария Каттаи, специальный докладчик ООН по ВИЧ Мишель Казачкин, пакистанская правозащитница Асма Джаханбир, банкир Джон Уайтед(США), предприниматель Ричард Бренсон (Великобритания) и два писателя – нобелевский лауреат Марио Варгас Льоса (Перу) и Карлос Фуэнтес (Мексика), скончавшийся в 2012 году.

Экс-президенты и другие бывшие высокопоставленные чиновники свободнее действующих в своих суждениях и, как никто другой, осведомлены об истинных «успехах» традиционной борьбы с наркотиками, о том, чего стоит эта борьба не только по строке бюджета.

В докладе Глобальной комиссии предложены системные изменения наркополитики, и все они заслуживают поддержки. Комиссия рекомендует:

– полностью декриминализовать потребление наркотиков и их хранение для личного употребления;

– сосредоточить усилия органов правопорядка на противодействии организованным криминальным структурам

наркобизнеса;

– не применять лишение свободы к мелким уличным продавцам, фермерам, курьерам, ограничиваясь альтернативными мерами наказания;

– отказаться от принудительного лечения наркомании как неэффективного, освободить наркологию от полицейских функций в целях формирования доверия пациентов к медицинским службам и мотивировки к лечению;

– обеспечить приоритетное финансирование социальных и медицинских антинаркотических программ;

– «разрешать и поощрять эксперименты по легальному регулированию оборота веществ, являющихся сейчас незаконными: каннабиса, а также листьев коки и некоторых психоактивных средств»;

– сделать максимально доступными для больных обезболивающие препараты, в том числе опиоидные;

– обсудить все это в 2016 году на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, дабы поменять репрессивную полицейскую политику на более гуманное и эффективное регулирование.

Авторы доклада не призывают взять и легализовать наркотики, как это представляется предвзятыми комментаторами. Речь идет об исследовании, путем практических экспериментов, в странах, которые сочтут это возможным, целесообразности изменения правового статуса легких наркотиков (легких не потому, что от них хорошо и никакого вреда – вред несомненен, но легких только по сравнению с тяжелыми). Голландия, например, проводит такой эксперимент с 1976 года, а Индия просто игнорирует требования конвенций о запрете каннабиса.

Доклад же вообще не о том – не о легализации. Предложенная комиссией стратегия – стратегия выхода из тупика агрессивной войны с наркотиками, только активизирующей и наркопреступность,

и наркотизацию. Чем более бесчеловечной война с наркотиками становится к людям, их принимающим, тем глубже загоняется в подполье эта социальная болезнь. Глобальная комиссия призывает отказаться от политики насилия и страха. И исходит она из того, что пакты и конвенции, гарантирующие права личности, имеют правовое первенство перед всеми другими международными договорами, в том числе перед Единой конвенцией о наркотических средствах.

Смягчение, очеловечивание наркополитики отнюдь не означает, что государства, международное сообщество расписываются в своем поражении, прячут голову в песок и умывают руки, отдавая молодежь на пожирание наркомафии. Речь идет о выработке реалистичной концепции. Популистская и утопичная политика, основанная на заклинании «мир без наркотиков», себя изжила. Но институты, созданные для борьбы за мир без наркотиков, разросшиеся и самодостаточные, существующее положение вполне устраивает. Рубить драконьи головы можно до бесконечности. Работы хватит на века. Звания, зарплаты, власть обеспечены (а с иной головой можно и договориться). Для демонстрации же достижений и оправдания своего существования в одну кучу с настоящими проблемами наркозависимости мешаются явления побочные, второстепенные, к наиболее опасным веществам приравниваются менее опасные, и борьба ведется там, где светлее.

Яркую иллюстрацию сказанного представляет антинаркотическая деятельность правоохранительных органов РФ. Борьба идет широким фронтом. Наряду с героином наркоконтроль занимается таблетками для похудения, анаболическими стероидами, ртутью и прочими ядами, кондитерским маком, технической коноплей и даже ее изображениями на пряжках, майках и зажигалках. Излюбленным местом дежурства полицейских являются кусты в местах произрастания дикорастущей конопли. Три года – за пакет конопли.

Раскрываемость особо тяжких преступлений обеспечивается провокациями: хватают наркомана и ловят на него других. Этакий горизонтальный метод борьбы с торговлей. Ловля мальков.

Отечественная наркология шагает под тем же флагом «мир без наркотиков», что в переводе на медицинский означает: «Каждого наркомана должно лечить до полного выздоровления». При этом официально признается, что из прошедших лечение в государственных наркологических клиниках годовая ремиссия достигается только у 5–7% «пролеченных» (и то, похоже, дикое преувеличение), а остальные возвращаются на круги своя. Юрий Шевченко, будучи министром здравоохранения при раннем Путине, с думской трибуны высказался по этому поводу так: «*Наркомания – болезнь неизлечимая! И если мы щадим больных, конечно же, даем надежду на излечение, то общество должно знать: наркомания – болезнь неизлечимая! Как только состоялась ломка, появилась явная зависимость, вылечить этого больного невозможно*». (В скобках: теперь Юрий Шевченко – священник РПЦ и дает надежду на излечение верующим.)

Вылечить якобы невозможно (нет денег, нет коек, некогда, некому), но при этом заместительная терапия, поддерживающая и социализирующая наиболее проблемных наркозависимых, выводящая их из криминального подполья, служащая как раз этапом при плавном переходе к окончательному освобождению от зависимости, – запрещена и заклеймена в РФ, с тяжелой руки покойного академика Бабаяна как «наркотический паек» заместительная терапия проводится героиновым наркоманам во всем мире (метадоновые, бупренорфиновые и другие программы) – в том числе в Беларуси, Иране, Китае. Но не в России.

В таких условиях принудительное лечение наркомании, постепенно вводимое в РФ «вместо наказания», хуже любого наказания, хуже лишения свободы. В отличие от наказания

уголовного, принудительное лечение не ограничено никакими сроками и фактически не регламентировано законом. При этом лечение наркомании разрешено в РФ только в государственных медицинских учреждениях (где вылечить, как признал министр, никого не могут). Негосударственная наркология вправе осуществлять постлечебную реабилитацию. Но это, как правило, платно.

Сартр писал: «*Институциональный психиатр, обращающийся с принудительно госпитализированными пациентами, занят делом, добродетельность которого настолько самоочевидна, что оправдывает самые подлые средства. Он обманывает, принуждает, лишает своих жертв свободы, загоняет их препаратами в ступор и разрушает ткани их мозга электрошоком. Уменьшает ли это доброту его работы? Ни в коей мере. Он сражается со злом*».

Глобальная комиссия ставит знак равенства между уголовным наказанием и принудительным лечением наркоманов, рекомендуя отказаться и от того, и от другого.

Реакция ФСКН на доклад Глобальной комиссии была предсказуемо примитивной. Директор Иванов ограничился тем, что посоветовал «сторонникам легализации» летать самолетами, пилотируемыми наркоманами, и ложиться на стол к хирургам-наркоманам. С чего это он? Нигде в докладе нет и не могло быть и намека на отказ от предрейсовых осмотров и профессиональных ограничений для употребляющих наркотики, равно как и алкоголь. Как тут дискутировать?

2014

Ответы на вопросы журнала «Индекс безопасности»[19]

1. Почему после 50 лет попыток проблема наркоторговли до сих пор остается нерешенной?

Существующий антинаркотический дискурс имеет более чем столетнюю историю, считая от первой попытки глобального запрета опия – Шанхайской конференции 1909 года. Так что разрешить проблему нелегального наркобизнеса не удалось не только за 50 лет действия Единой конвенции ООН, но и за целый век.

Было бы странно ожидать, что сегодняшняя антинаркотическая политика, определяемая Конвенцией 1961 года, способна решить проблемы, ею же созданные и поддерживаемые.

Прежде всего, о какой наркоторговле идет речь? Списки веществ, объявленных наркотиками 50 лет назад, разрастаются с каждым годом и конца этому не видно. Ни один из международных договоров, ни российское законодательство не содержат никаких отличительных признаков наркотиков. Определения их и в основных конвенциях 1961, 1988 годов и в федеральном законе идентичны: наркотические средства – это **вещества, включенные в Списки** (или, еще лучше, - «занесенные в Списки», согласно переводу Единой конвенции). Получается, что превращение некоего

19 В сокращенном виде опубликовано в № 3 за 2011 г в формате полемики с общественным деятелем этатистского направления Ю.В.Крупновым под заголовком «Война с наркотиками — проиграна?». Публикация была вызвана обнародованным в 2011 году первым докладом Глобальной комиссии по наркополитике, образованной при ООН под руководством бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана.

растительного или синтетического вещества в наркотик – действие магическое, или – политическое. «Чем шире рамки определения, тем шире поле для спекуляций», - пишет по этому поводу Нильс Кристи в книге «**Удобный враг**. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии».

Оговорюсь сразу: речь не о том, что проблемы наркомании и наркотизма не существует. Дело в концепции ее решения: политике запрета и войне с наркотиками.

Потребление психоактивных веществ сопровождает человеческую историю. Последствия этого часто неблагоприятны. Некоторые из таких веществ формируют зависимость, что создает между поставщиком и потребителем отношения особого рода (последний зависим от первого). Вмешательство в эти отношения государства с запретами и санкциями преподносится как забота о здоровье и нравственности, но обусловлено, как правило, интересами контроля в разных его проявлениях.

На почве борьбы с наркотиками выросли мощные структуры – и международные, и национальные. Даже если оставить за скобками коррупцию и сращивание наркополиции и наркобизнеса, приходится признать, что антинаркотические институты (пусть самые честные) заинтересованы в сохранении поля борьбы, как и наркобизнес заинтересован в расширении нелегального рынка. Запрет стимулирует развитие этого бизнеса. Повышаются трансакционные издержки, растет цена риска, растут прибыли. Растет разрыв между первой продажной ценой, получаемой крестьянином, выращивающим мак или коку, и доходами лиц, контролирующих рынок сбыта.

Поэтому в так называемой войне с наркотиками не будет победителей. Интересы воюющих сторон не в победном завершении столетней войны (не в полной победе над наркотиками и не в полной их легализации), а в ее продолжении.

Сюда просятся строки Брехта:

Война удачей переменной
Сто лет продержится вполне,
Хоть человек обыкновенный
Не видит радости в войне…

2. В чем принципиальная разница подходов к борьбе с наркотиками?

Политика - искусство нюансов. Между полюсами, обозначенными оппонентом[20], существуют различные варианты. Поиском наиболее рационального и ответственного занималась Глобальная комиссия по наркополитике.

В докладе Комиссии нет призывов к тотальной легализации наркотиков. И раздавать марихуану пионерам никто не предлагает. Речь идет о корректировке, местами существенной, установок и методов современной антинаркотической политики. Это надо делать не только из-за ее неэффективности, но и из-за той цены, которой она требует. Цена эта - миллионы молодых жизней, загубленных и засушенных в тюрьмах из-за войны с наркотиками, умерших от болезней и передозировок из-за отсутствия человеческого отношения к больным наркоманией.

Были опиумные войны, но не было конопляных войн, амфетаминовых, псилоцибиновых и сибутраминовых. Есть опийная наркомания, тяжелая, трудноизлечимая форма аддикции. И

20 Отвечая на тот же вопрос, Юрий Крупнов пишет: «Исторический опыт однозначно свидетельствует, что либеральная политика по отношению к обороту наркотиков, тем более их легализация всегда вели лишь к взрывному росту наркомании. Необходимость жесткой ограничительной политики очевидна и из логики и природы наркомании».

есть представляющие определенную опасность формы злоупотребления марихуаной, амфетаминами, галлюциногенами. Но все это смешано сегодня в одну кучу.

Доклад Глобальной комиссии по наркополитике именно об этом: о необходимости дифференциации мер контроля за веществами, попавшими под одну гребенку. Самыми распространенными в мире наркотиками являются производные каннабиса (марихуана и гашиш), а не героин. Если говорить о России, потребление героина, по сравнению со второй половиной 90-х, сократилось. Популярность же марихуаны только увеличилась. В некоторых регионах (например, на Камчатке) героин стал редкостью, основной наркотик – марихуана. В Петропавловске-Камчатском молодых людей, в основном студентов, сажают на восемь, десять и более лет за сбыт нескольких грамм марихуаны – не за системный наркобизнес, а за спровоцированную органами перепродажу по горизонтали (равный - равному, без извлечения прибыли). Такое творится не только на Камчатке. По всей стране сажают людей за выращивание конопли для собственного употребления: при чем здесь борьба с наркобизнесом? Ведь выращивающий для себя не отдает свои деньги преступным синдикатам. Средства от ожирения и для накачки мышц могут быть вредны и должны контролироваться, но при чем здесь наркомания? Между тем наркоконтроль организует проверочные закупки анаболиков у качков и китайских таблеток для похудения у аптекарш, и сажают их за «сбыт в особо крупном».

Если бы усилия, затраченные в одной только России на борьбу со списками наркотиков, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, а также прекурсоров и аналогов, обратить против героина и кустарных опиатов и против злоупотребления аптечными легальными кодеиносодержащими препаратами, можно было бы приставить к каждому торговцу героином по несколько нарко- и просто полицейских.

Через российские тюрьмы прошли сотни тысяч людей, никак не связанных с афганским наркотрафиком.

Дело еще и в том, что опийная наркомания – тяжелое психическое расстройство. И дифференциация «борьбы» необходима не только в отношении веществ, но и в отношении субъектов их незаконного оборота. Для этого не достаточно лозунга «лечение вместо наказания». Нужна реальная, эффективная наркология, а не полиция в белых халатах. Ссылаясь на опыт Швеции[21], следовало бы говорить не о заимствовании уголовной ответственности потребителей, а о развитой, доступной и гуманной системе наркологической помощи, существующей там. В Швеции применяется и заместительная терапия (замена нелегального героина легальным медицинским синтетическим опиоидом), запрещенная, кстати, из европейских государств, только в РФ. Даже в Беларуси она разрешена.

Как раз в Голландии за десятилетия либеральной политики в отношении каннабиса число опийных наркоманов существенно сократилось, средний возраст потребителей героина увеличился. Это означает, что не только героиноманы стали жить дольше (благодаря государственным программам защиты их здоровья), но и появление молодых потребителей героина сократилось.

Заботой о здоровье граждан прикрываются, как правило, политические, бюрократические или экономические интересы. Причиной упомянутых опиумных войн была, в частности, агрессивная иностранная наркоэкспансия. Но что стало их результатом? Передел рынка. В 1838 году, перед началом первой опиумной войны, англичане нелегально ввезли в Китай около 3 тысяч тонн индийского опия. К концу XIX века опий поставлял уже сам Китай, в империи производилось от 12 тысяч тонн в 1896 году

21 В настоящее время официальная наркополитика в Швеции — более жесткая, чем в других странах Европы.

до 22 тысяч тонн в 1905.

Что касается организаторов афганского наркотрафика и транснациональной наркопреступности, невозможно понять, зачем им легализация, если именно благодаря прогибиционистской политике их доходы сегодня столь велики; станут ли они выше в случае легализации? И зачем им мощно финансировать и организовывать движение за легализацию наркотиков? В интересах афганских крестьян?

3. В чем состоят основные сложности и недостатки в работе существующих структур по борьбе с наркотиками?

Главным злом международной антинаркотической стратегии и таких ее крупных образцов как американская, китайская, российская системы борьбы с наркотиками (при своеобразии каждой из них) является пренебрежение правами человека во имя самодостаточной борьбы. В этих государствах созданы мощные, в том числе специализированные, службы, тратятся колоссальные ресурсы (при чем заявляется, что их крайне недостаточно). В этих государствах наибольшее (и в абсолютном, и в относительном выражении) число заключенных за наркотики. Но вряд ли там меньше проблем с наркотиками, чем, например, в Канаде, Германии, Испании, Австралии – государствах, придерживающихся более сдержанной, хотя и не ультралиберальной (как в Швейцарии), линии.

Оправдывая репрессивную наркополитику, ее адепты говорят о том, как наркотики (не уточняя, какие) убивают молодежь. Но они не считают жертв войны с наркотиками. А это, образно говоря, мирное население, дети и женщины, а не боевики.

Принципы и методы работы полицейских органов в России являют весьма характерный образец подмены реальных действий по сокращению распространения наркотиков ведением эффектной (но

не эффективной) перманентной войны в интересах бюрократических «раковых корпусов».

Это следствие того, о чем говорилось ранее: размытости объекта борьбы и отсутствия ее дифференциации. В сочетании с традиционным плановым правоохранительным хозяйством (так называемой «палочной системой») это приводит к наращиванию показателей и - очковтирательству. Так, например, заявляется о приоритете раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, преподносятся соответствующие успехи. Отчетность выглядит убедительно. Но что стоит за словами «тяжкое преступление»? Бензобак героина? Не обязательно. Тяжким преступлением признается хранение свыше двух с половиной грамм героина без цели сбыта или разовой дозы курительной смеси, вчера еще легальной.

71,3 % привлеченных за наркотики (71673 человека – *здесь и далее данные Судебного департамента при Верховном суде РФ*) осуждены в 2010 году за действия, не связанные со сбытом, т.е. за хранение, приобретение, выращивание для собственного употребления в так называемых крупном и особо крупном размерах.

Но и остальные осужденные, в подавляющем большинстве, не наркоторговцы. Припечатанные громкой статьей 228-1 УК (сбыт и производство наркотиков), это те же рядовые потребители, зачастую случайные и неопытные, клюнувшие на провокацию.

Методы работы органов правопорядка известны: раскрытие преступлений по разнарядке, коррупция, фальсификация доказательств, принуждение к сотрудничеству, шантаж. И в целом правовой нигилизм.

Суды работают в том же фарватере. Из 98 725 представших перед судом в 2010 году по делам о наркотиках (статьи 228, 228-1, 231 УК) оправдан 141 человек – 0, 1%. В применяемой обычно укрупненной статистике это выглядит просто – 0.

Важно и то, что 64 % дел по антинаркотическим статьям (в отношении 63 570 человек) рассмотрены в том же году **в особом порядке**, без судебного разбирательства, что предполагает признание обвиняемым вины в полном объеме (так называемая «сделка о признании»). Весь такой суд занимает минут 15. Где тут отличить виновного от невиновного… Адвокаты, с одной стороны, дознаватели и следователи – с другой склоняют обвиняемых воспользоваться возможностью такого профанного правосудия, чтобы не гнить, как они говорят, полгода в СИЗО, и обещая меньший, а то и условный, срок. Благодаря «сделке» повышается пропускная способность следственных органов и судов.

Особый порядок – не российское изобретение. На включение его в наш УПК настаивала Американская ассоциация юристов, принимавшая некоторое, в том числе финансовое участие в подготовке российского кодекса. В США дела о наркотиках сопровождаются сделкой в подавляющем большинстве.

Статистика показывает продолжающееся в последние несколько лет сокращение показателей преступности в РФ (можно говорить только о показателях, а не о реальном положении дел). А значит борьба с наркотиками, превращенная в борьбу с молодежью, будет усиливаться. При этом просто полиция конкурирует с наркополицией, также борющейся за отчетность.

В зоне риска находятся в РФ все молодые люди. Не только потому, что значительная часть их экспериментирует с разного рода легальными и нелегальными препаратами и растениями. Но и потому, что клуб, улица, подъезд и даже вузовская аудитория, превращенные в поле антинаркотической борьбы, превратились в зоны риска, имея в виду риск стать жертвой правоохранительных «рейдов».

Объединение деятельности антинаркотических структур РФ и Китая , а также далеких от демократии государств Средней Азии в

рамках Шанхайской организации сотрудничества обозначает тенденцию создания анклавных надгосударственных полицейских институтов, что есть укрупнение и закрепление на уровне международного права вышеописанной и подобных ей практик.

Россия стоит перед выбором между рациональной стратегией Совета Европы и «гонкой вооружений», предлагаемой одновременно Штатами и азиатскими партнерами по ШОС. С позиций права выбор должен быть предрешен, поскольку высшей ценностью и целью существования государства Конституция России признает права и свободы личности, а не государственные, общественные, а тем более ведомственные и не понятно чьи еще интересы.

Прошу не толковать все вышесказанное как отрицание реального вреда наркотиков и как пропаганду легких наркотиков, которые, по моему убеждению, так же должны подлежать разумному государственному контролю и ограничениям оборота.

4. Как Вы оцениваете деятельность конкретных [международных] структур по борьбе с наркотрафиком? (ЮНОДК, Комиссия по наркополитике и т. д.)

Согласно статье 15 Конституции России международные договоры являются частью национальной правовой системы и имеют верховенство над федеральными законами, что традиционно воспринимается как завоевание демократии. Подобная норма в последней постсоветской редакции Конституции РСФСР была сформулирована лучше: приоритет перед российскими законами имели лишь «общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека». Действующая же Конституция ставит все международные договоры, в которых участвует РФ, в равное положение. Из-за чего выходит, что Единая конвенция о

наркотических средствах и другие антинаркотические, антикоррупционные и антитеррористические межгосударственные соглашения, в том числе принятые в рамках упоминавшейся выше ШОС, по юридической силе ничем не уступают международным пактам о правах человека. Это примерно то же, как если бы законы о наркотических средствах или экстремистской деятельности приравнивались к Конституции. К сожалению, авторы Конституции 1993 года об этом не подумали.

Следствием сего стало наделение международных полицейских структур статусом, мало чем отличимым от статуса Европейского Суда по правам человека и Гаагского трибунала. Чьим решением руководствоваться – Европейского Суда или Международного комитета по контролю наркотиков – власти вольны каждый раз решать в зависимости от политической конъюнктуры. Между тем, деятельность глобальных и региональных антинаркотических органов вызывает много вопросов, особенно с правозащитной точки зрения.

Так, например, в ежегодных докладах Международного комитета по контролю наркотиков (МККН) проблемы прав человека практически никогда не затрагиваются. В 200-страничном докладе за 2010 год права человека упоминаются лишь в предисловии председателя комитета Хамида Годсе, да и то вот в таком интересном контексте: *«В целом все обстоит не так плохо. Правительствами накоплен определенный опыт в деле профилактики и лечения наркомании. Широкое признание получила необходимость решения связанных с наркотиками проблем на основе сбалансированного применения мер по сокращению как предложения, так и спроса. Существуют региональные и международные механизмы содействия развитию сотрудничества в области контроля над наркотиками. Неправительственные организации играют все более важную роль в привлечении внимания*

к необходимости обеспечения равноправного доступа к болеутоляющим лекарственным средствам. Международные и неправительственные организации постоянно указывают на необходимость уважения прав человека при принятии мер по сокращению предложения и спроса. Организованные преступные группы очень динамичны и постоянно изыскивают пути наименьшего сопротивления. Лишь объединив все усилия и поддерживая сотрудничество, международное сообщество может добиться реального прогресса…». Получается, все довольны: и правительства, и преступные сообщества, и с правами человека не так плохо.

Насилия, пренебрежения личными правами со стороны должностных лиц, ведущих борьбу с наркотиками, ни МККН, ни Управление ООН по наркотикам и преступности (УКНП/ЮНОДК) предпочитают не замечать.

К счастью, Россия ратифицировала Европейскую конвенцию по защите прав человека и основных свобод и в силу этой конвенции признает приоритет Европейского Суда по правам человека. А ЕСПЧ в этой области не склонен потрафлять полиции. В постановлении от 11 июля 2006 года по делу «Яллох против Германии» Европейский Суд признал применение рвотного средства к предполагаемому перевозчику наркотиков недопустимой жестокостью. В нескольких постановлениях по жалобам против России (от 15 декабря 2005 года по делу Ваньяна, от 26 октября 2006 года по делу Худобина и др.) ЕСПЧ осудил постановление обвинительных приговоров по делам о наркотиках на основании полицейской провокации.

ООНовские структуры никак не отреагировали на эти решения, продолжая укреплять исключительно силовую составляющую антинаркотической политики государств. По программам ЮНОДК огромные средства годами направляются на «обучение» сотрудников полиции среднеазиатских государств и Афганистана и поставки в

эти страны спецоборудования. При этом, как отмечает известный американский эксперт по внешней политике Нэнси Любин, «*количественные показатели (такие как количество прошедших обучение и поставленное оборудование) ничего не говорят о том, как на самом деле были использованы обучение и техника. Применяются ли они против контрабанды наркотиков, или для подавления местной политической оппозиции, или для облегчения провоза наркотиков самими правительственными чиновниками и прочими*.».

Программы ЮНОДК крайне непрозрачны. Их бюджет и оценки результатов недоступны внешним наблюдателям. То же относится к проектам Бюро международной антинаркотической и правоохранительной деятельности США (МАР).

Помимо нарушения гражданских прав и свобод при участии международных агентств, наносится серьезный ущерб природе и сельскому хозяйству. Независимые экологи многократно заявляли об опасности выведенного на деньги ООН Институтом генетики Узбекистана грибка, уничтожающего посевы опийного мака и заодно все прочее на своем пути. Точно также колоссальный вред растительности и местным жителям наносят гербициды, распыляемые с самолетов, например, в Колумбии для уничтожения плантаций коки. Деньги на это выделяет МАР.

Под знаменем войны с наркотиками международные организации, жирующие на этой войне, поддерживают тоталитарные режимы и фактически финансируют ужесточение политического контроля, полицейского насилия, репрессий в отношении этнических и религиозных меньшинств.

И все же мир меняется. То, о чем писали интеллектуалы в 60-е и 70-е, о чем говорила в 80-е и 90-е маргинальная (с точки зрения

«реальной политики») Транснациональная Радикальная Партия, провозглашено теперь с верхних этажей истеблишмента.

В докладе Глобальной комиссии по наркополитике нет призывов к тотальной легализации. Пафос доклада – в бесперспективности ставки исключительно на силовые методы и в необходимости соблюдения прав человека, о чем уже говорилось выше.

А радикализируют содержание доклада сами его противники, искажающие и содержание и смысл послания. К тому же, как сговорившись, все СМИ называют из 19 членов комиссии только троих - Кофи Аннана и бывших латиноамериканских президентов, и это тот случай, когда недоговоренное является ложью.

Авторитет комиссии настолько высок, что противникам ее доклада приходится замалчивать присутствие среди авторов не только бывших, но и действующих политиков высокого ранга, выдающихся писателей, экономистов, правозащитников. Это нынешний премьер-министр Греции Георгиус Папандреу, это и председатель Консультативного совета при Президенте США по экономическому восстановлению Пол Волкер, и одна из авторов современной немецкой антинаркотической стратегии Марион Касперс-Мерк. Это крупнейшие латиноамериканские писатели Карлос Фуэнтес и лауреат Нобелевской премии Марио Варгос Льоса. К ним вполне бы мог присоединиться и Габриэль Гарсиа Маркес, не участвовавший в работе комиссии в силу возраста, но всегда выступавший против прогибиционизма. "Невозможно представить себе искоренение насилия в Колумбии без искоренения наркомафии, но и искоренение наркомафии невозможно без легализации продажи и покупки наркотиков, цены на которые тем выше, чем строже запреты", - говорил он на Конгрессе представителей интеллигенции и ученых в Антиокии в 2003 году.

Среди авторов доклада бывший президент Колумбии Сезар Гавирия, последовательный борец с кокаиновыми картелями, при

котором была уничтожена преступная империя Пабло Эскобара, и бывший госсекретарь США в администрации Рейгана Джордж Шульц (республиканец!), а также известные правозащитники: спецдокладчик ООН по казням Асма Джахангир и бывшие верховные комиссары ООН Луиза Арбур (по правам человека) и Торвальд Столтенберг.(по делам беженцев). Вряд ли все эти люди заказаны наркомафией.

5.«Стоит ли отменить всеобщий запрет на наркотические вещества, оставив нелегальными только тяжелые наркотики?»

Неправильно идти по пути наращивания ужесточений, из года в год повышая сроки и расширяя списки. Закручивание гаек тоже имеет предел, иначе резьба сорвется. Где-то нужно и ослабить.

Так, за последние десять лет, помимо усиления ответственности за некоторые преступления, Уголовный кодекс РФ претерпел существенные изменения в сторону смягчения и даже декриминализации отдельных деяний. Из этого не следует, что поощряется, например, обман потребителей, ответственность за который исключена из УК, и что клевета и оскорбление, исключение которых будет рассматриваться нынешней осенью, являются благом. В начале 2000-х были снижены санкции за квалифицированные виды краж не потому, что они не представляют опасности, а потому что ответственность за них была завышенной. И в 2001, и в 2003, и в 2011 годах гуманизация УК инициировалась Президентом России.

В XVII веке в России ввели смертную казнь за продажу табака, а нюхателям и жевателям его повелено было рвать носы и губы. Легализация табака произошла при Петре I.

Существуют разные точки зрения на оправданность создания каскада водохранилищ на Волге, Ангаре и других реках, затопивших тысячи гектаров земли и поселений. Но даже самые суровые

критики этих давно реализованных решений не призывают одномоментно слить воду, чтобы исправлением ошибок не принести еще большего вреда. Так и с наркополитикой.

Дифференциация запретов и санкций должна, как видится, затронуть многие контролируемые вещества, а не одну только марихуану. Причем смягчение запретов в отношении одних веществ (производных каннабиса, некоторых галлюциногенов, анаболиков, амфетаминов) должно идти параллельно усилению контроля других (табака, кадеиносодержащих препаратов, ингаллянтов).

Нет никаких разумных оснований держать коноплю в одном списке с опийным маком. Вред ее сильно преувеличен, впрочем как и незаменимость ее как лекарственного средства, проповедуемая некоторыми сторонниками легализации.

Теория «входных ворот» является спекулятивной. Действительно, многие героиноманы курили и продолжают курить марихуану, точно так же, как практически все они курили и продолжают курить табак.

Подавляющее большинство куривших в молодости марихуану не умерло затем от героина, а стали взрослыми людьми: женились, родили детей, работают, пьют водку.

Действительно, за запретом ряда известных синтетических каннабиноидов следует появление их легальных модифицированных аналогов. Никакой заинтересованности производителей этой химии в легализации марихуаны нет. Напротив, это подорвало бы их бизнес.

6. Кто должен возглавлять (возглавить) войну с наркотиками?

Хотелось бы отойти от милитаристской терминологии. Война наркотикам объявлена еще сто лет назад и стала мировой спустя полвека. Но, как известно, штыками можно воевать, сидеть на них

нельзя. В первую очередь надо решать социальные, экономические, политические задачи, выбивать почву из-под ног наркобизнеса. Это требует значительных капиталовложений, но вряд ли станет дороже войны.

Если без красивых слов, то у нас в России воюет, понятное дело, наркоконтроль. В Аниках-воинах нет недостатка. Но чтобы решать проблемы наркотизма и наркомании, главным не должно быть силовое ведомство. Конечно, глядя на Минздравсоцразвития, язык не поворачивается предложить ему что-либо возглавить. Впрочем, никто и не предлагает. Но всерьез предлагается передать ФСКН реабилитацию и даже лечение наркоманов. Что одновременно и абсурдно, и логично. Абсурдно понятно почему. Логично же, потому что все деньги на антинаркотическую деятельность, кто бы что ни возглавлял, съедает наркоконтроль. Так пусть он и лечит.

Если серьезно, более эффективно было бы перенести центр тяжести на региональный и местный уровни. Но это обусловлено не только передачей соответствующих полномочий, но и их финансированием, и формированием реальных федеративных отношений, и созданием подлинного местного самоуправления. Имею в виду не только медико-социальную сферу, но и вопросы правонарушений, которые в максимально возможной мере должны разрешаться не уголовно-репрессивными методами, а в единой системе пробации и восстановительного правосудия. Под пробацией понимается здесь социальная адаптация и социальный патронаж: помощь в получении образования, трудоустройстве, обеспечении жильем, получении документов, а также организация доступа к лечению, точнее – преодоление препятствий в получении медицинской помощи и других проявлений стигматизации различных (в том числе, по степени их проблемности) групп людей, допускающих немедицинское употребление наркотиков.

Как отмечается в пособии «Наркология» (под редакцией

Л.Фридмана, Н.Флеминга, Д.Робертса и С.Хаймана), одним из основных проявлений болезненного пристрастия к наркотическим веществам является создание репутации наркомана, изменение его положения в обществе и снижение самооценки. Это и подлежит исправлению.

Большую часть мер пробации следует возложить на негосударственные некоммерческие организации (включая религиозные) и **местные сообщества**, действующие на основе государственного и муниципального социального заказа.

2011

Тест на лояльность

Сохраняя видимость законности, московские чиновники организуют[22] тестирование школьников на наркотики. Вроде как добровольное, но добровольность здесь только фигура речи. Это то же, как если бы школьникам предложили добровольно признаться в любви к Путину: отказавшийся участвовать попадает под подозрение, как Корделия.

Доводов против тестирования множество. Вот некоторые.

1. Тотальные проверки на наркотики попирают презумпцию невиновности. Ибо не всякое выявленное употребление запрещенного вещества говорит о болезни, но всякое - о правонарушении, а значит, это не медицинское, а правоохранительное освидетельствование.

2. Нарушаются физическая неприкосновенность, личная автономия и человеческое достоинство учащихся. Тестирование хуже выворачивания карманов "на воровство", так как в поисках наркотиков полиция в белых халатах шарит не в одежде, а в организме человека. Дети приходят в школу учиться, а не сдавать анализы. Если смириться с тестами на наркотики, то вскоре придется сдавать кал "на нарушение Великого поста" (чем патриарх Кирилл Гундяев хуже генерала наркополиции Виктора Иванова?).

3. Тест-полоски - полная профанация, пустая трата времени и денег. Цитирую признанного специалиста по химической экспертизе веществ адвоката Константина Кузьминых: "Экспресс-тесты могут лишь ориентировать на наличие в биологических жидкостях человека наркотиков, но не доказывают факт их употребления. Положительный результат экспресс-теста должен быть подтвержден

22 *Прим. 2017*. Статья написана до принятия Федерального закона о медико-социальном тестировании и профилактических медицинских осмотрах учащихся.

путем исследования методами тонкослойной, газовой, жидкостной хроматографии, хромато-масс-спектрометрии. Так, например, по данным судебно-медицинского бюро Санкт-Петербурга, в 1994-1998 гг. такое подтверждение было получено лишь в 48% случаев, когда с помощью экспресс-тестов в биожидкостях людей были выявлены наркотические средства... Было установлено, что у подростков при повышении гормонального статуса наблюдаются положительные результаты экспресс-тестирования на каннабиноиды, которых на самом деле эти подростки не употребляли. В ином случае были получены положительные результаты экспресс-тестов на барбитураты и фенциклидин, в то время как методом хроматографии при исследовании в лаборатории в моче был выявлен препарат трентал, которые обследуемое лицо и употребляло".

4. Выявлены будут случайно подзалетевшие, а не проблемные подростки. Последние знают уже способы обмануть проверяльщиков. Мочиться же в присутствии понятых - директора и завуча - никого не заставишь.

5. Говорят о врачебной тайне: дескать, узнают только родители. Цена этой тайны известна: о любом обращении за наркологической помощью (кроме платной анонимной) врачи сообщают в полицию и наркополицию. Родители же родителям рознь. Тем, чьи дети предоставлены сами себе, сообщать бесполезно. Болеющие же за детей обойдутся без подсказок. На худой конец, тест-полоски продаются в каждой аптеке.

6. Ради чего? Говорят, чтобы сразу вылечить, пока не поздно, при раннем выявлении. Хорошо бы. Только для начала надо упразднить существующую и создать новую наркологию. В изданном Общественной палатой РФ докладе Рабочей группы по совершенствованию антинаркотической политики и реформе системы наркологической помощи читаем: "В настоящее время для больных алкоголизмом и наркоманией финансируемая из

государственного бюджета наркологическая помощь - бесполезный институт. Сейчас наркологические больные знают, что посещение наркодиспансера повлечет только ограничение его в правах, поэтому они не обращаются за бесплатной наркологической помощью. Бюджетная наркология, не ориентированная на реабилитацию больного, остается частью репрессивной государственной машины, какой она была в советское время... Если больной приходит к врачу, а врач, как и все общество, рассматривает его как безвольного негодяя, то необходимой помощи этот больной не получит".

7. Даже если встать на позицию борцов с наркотиками до последнего патрона, бесполезность тестирования останется очевидной. Упорство, с которым оно проталкивается, раскрывает политические (идеологические и полицейские), а отнюдь не здравоохранительные цели. Не говоря уже об экономической заинтересованности производителей тестов.

8. Вместо точечной и человечной работы с конкретными детьми, оказавшимися в сложной жизненной ситуации (как из благополучных, так и из неблагополучных семей), повальное тестирование обернется массовой пропагандой наркотиков, фиксируя подростковое сознание на запретной теме.

2011

Еще раз о тестировании

Странное дело: тестирование на наркотики намерены ввести вроде как для охраны здоровья, однако лоббирует его полицейское ведомство. А в бюрократическом мире немыслимо, что бы какой-нибудь начальник клал яйца в чужую корзину. Наркоконтроль

отчитывается не вылеченными больными, а уголовными делами. Выявить их потенциальных фигурантов – вот цель тестирования.

И пусть шеф ФСКН Виктор Иванов уверяет, что он против принудиловки: он говорит это, потому что нет разницы между добровольными и обязательными тестами. Отказ от этой процедуры автоматически включит отказника в «группу риска». Более того, власти интереснее добровольное тестирование. Если оно обязательно, уклоняются в основном боящиеся выявления потребители наркотиков. Если добровольно, «добровольцев» все равно поведут строем сдавать анализы, как водят их на диспансеризацию, тоже, между прочим, не обязательную. Зато под вывеской добровольности проявят себя начинающие любители качать права и прочие несогласные, контролировать которых полицейскому режиму намного важнее. Наверное, поэтому столь тяжело продвигавшаяся по вертикали власти идея тестирования нашла-таки в преддверии выборов поддержку у президента.

О последствиях положительного результата экспресс-теста, конфиденциальности этой информации и правах ребенка говорится в письме матери, пришедшем на один правозащитный сайт еще до шумихи, поднятой Госсоветом 18 апреля: *«...сообщили из техникума (сын там учится, ему 16 лет), что, возможно, они курят траву. После сообщения из техникума я сводила его на сдачу анализов, моча показала употребление марихуаны и амфетамина. Пошла в инспекцию по делам несовершеннолетних, посоветоваться, что мне делать и как мне можно помочь. Инспектор направила к наркологу, я привела сына к наркологу и сказала сдать мочу. Анализ показал то же, что и в первый раз. Нарколог начала задавать ему вопросы, он отвечать отказался, тогда вызвали милицию. Я думала, что его там напугают и ничего страшного не будет. Там меня попросили выйти и начали на него давить, что посадят за хранение, что теперь будет осведомителем и вообще они сами будут давать ему*

марихуану, а он им будет все сообщать, там составили протокол и мы его подписали. Когда мы пришли домой, он мне все рассказал. Естественно, мы поговорили и сразу все решили, что такого больше никогда не повторится. На следующий день ему звонит сотрудник милиции, он не берет трубку, он звонит мне и просит прийти. Мы пришли, он снял у него отпечатки пальцев и опять давил при мне. У меня там случилась истерика, я рыдала и ругалась. Посоветуйте, пожалуйста, как сейчас себя вести. Я не могла предположить, что такое произойдет, я думала с ним побеседуют и все. А он еще учится в колледже автотранспортном. Могут ли отчислить?».

Аргументов против повального тестирования высказано уже столько и столькими, что не хочется повторять: от нарушения презумпции невиновности до пустой траты денег. Насчет последнего можно добавить, что в Татарстане, где «в порядке эксперимента» в 2008 году протестировали 299 тысяч учащихся, признаки употребления героина, кустарных опиатов и кодеинсодержащих лекарств обнаружены у 220 человек (примерно 0,07%). Забор мочи съел 30 миллионов рублей республиканского бюджета. Легко подсчитать, что на выявление одного проблемного подростка, и без того наверняка известного всей округе, потрачено 136 тысяч рублей. Лучше бы эти деньги потратили на его лечение. Во всяком случае, он мог бы месяца два-три чувствовать себя человеком в приличном реабилитационном центре. По мнению профессора В.Д. Менделевича, «эффективность» (как понимает ее ФСКН, т.е. выявляемость) могла бы быть достигнута в случае еженедельного принудительного тестирования всех подростков. На это потребовалось бы 2 миллиарда 377 миллионов 500 тысяч рублей в год (на примере одного российского региона). Неудивительно, что президент Татарстана Рустам Минниханов назвал эксперимент провальным: «Наше тестирование – это деньги на ветер. Мы их

тратим для отчетности... Сплошную форму тестирования надо отменить и искать другие формы... Нужна точечная работа».

С тем же тестированием, наркосудами и прочими сомнительными идеями ФСКН носится уже несколько лет. Никаких свежих мыслей, никакого рывка, хождение по кругу. Ведомством руководят некомпетентные люди. 20 апреля 2011 года в эфире «Эха Москвы» Виктор Иванов дважды заявил, что за употребление наркотиков налагается административный штраф в размере «600 рублей в среднем». В действительности же еще с начала года штраф по этой статье составляет от четырех до пяти тысяч рублей.

2011

Бескомпромиссная борьба с наркобизнесом

Александра Пантелеймоновна Махнева, ветеран Великой Отечественной войны и труда, инвалид, работавшая до пенсии медицинской сестрой (наверное, и во время войны) осуждена Уссурийским горсудом Приморского края на 3 года 6 месяцев условно за сбыт нескольких упаковок снотворного "нозепам".

Когда это произошло, точно неизвестно, так как на сайте суда в опубликованных решениях все даты незаконно замазаны (по закону не должны публиковаться фамилии свидетелей, а в Уссурийске вместо этого замазывают даты). Но было это дело недавно, судя по дате публикации.

Осужденная Махнева признана виновной в продаже двух блистеров нозепама по 10 таблеток в каждом за 100 рублей (две проверочных закупки, прибыль составила 200 рублей) и одного блистера за 50 рублей (третья закупка). При обыске было обнаружено еще 10 таблеток и кошелек с 40 рублями, из которых одна купюра достоинством 10 рублей оказалась меченой и вместе с таблетками изъята. Лекарство выписывалось Махневой по медицинским показаниям.

Нозепам не наркотик. Но активным действующим веществом этого препарата является оксазепам, включенный в Список сильнодействующих веществ, утвержденный постановлением правительства от 29 декабря 2007 года № 964.

Оперативно-розыскные мероприятия проводились Уссурийским отделом наркоконтроля. "Добровольным" закупщиком был некий Владимир Михайлов, знакомый внука Махневой, о котором она знала, что он наркоман, поэтому и продавала ему успокоительные таблетки. По каждой закупке были проведены экспертизы таблеток.

Подверглась экспертизе и 10-рублевая банкнота. Итоговая закупка и обыск в жилище Махневой сопровождались оперативной видеозаписью. По делу допрошены врач, понятые, сотрудники наркоконтроля, эксперт.

На следствии и в суде Махнева говорила, что продавала Владимиру таблетки из жалости и по бедности. Проработав много лет в психиатрической больнице, она знала, что назепам прописывают наркоманам для облегчения ломки. Деньги тратила на продукты, так как живет одна на скудную пенсию. Вину признала полностью.

Суд решил, что исправление Махневой "возможно без изоляции от общества, но в условиях контроля", и обязал ее не менять места жительства. "Денежные средства в сумме 10 рублей, изъятые у Махневой А.П." по распоряжению суда возвращены "по принадлежности в Уссурийский отдел УФСКН". 10 таблеток, изъятые при обыске, уничтожены.

Доблестные же наркополицейские разом раскрыли четыре преступления по статье 234 УК — два тяжких и два средней тяжести (три преступления сбыта и одно - хранение в целях сбыта). Для чего и проводили три проверочных закупки, а не одну. И что им с того, что Верховный суд РФ неоднократно признавал повторные закупки незаконными, если результатов первой достаточно для возбуждения уголовного дела. Практика нескольких закупок у одного лица по-прежнему распространена по всей стране. Ведь это улучшает показатели отчетности.

А у Махневой неплохие перспективы. Она наверняка будет освобождена от наказания по амнистии в честь 70-летия Победы.

2011

Навязчивый сервис

25 октября 1990 года Комитет конституционного надзора СССР (предшественник Конституционного Суда) признал не соответствующим советской Конституции административное и уголовное наказания за употребление наркотиков, а также любое принуждение к лечению алкоголизма и наркомании. В заключении Комитета говорится, что положение Основ законодательства о здравоохранении, согласно которому *"граждане СССР должны бережно относиться к своему здоровью"*, неконституционно. Такая обязанность *«не предусмотрена ни Конституцией СССР, ни международными актами о правах человека и не может обеспечиваться мерами принудительного характера»*.

В этом Конституция России ничем от Конституции СССР не отличается. Обязанности быть здоровым в ней нет.

В действующих Основах законодательства об охране здоровья граждан, принятых Верховным Советом в 1993 году, есть нормы, обязывающие к заботе о здоровье государство и медицинских работников. Обязанности индивида заботиться о себе Основами не установлено.

21 октября 2011 года Госдума приняла в решающем втором чтении проект федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», долженствующего заменить старые Основы. В статье 27 проекта, посвященной обязанностям граждан в сфере охраны здоровья, названа первая из них: *«граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья»*. Советское отношение к человеку, его телу как собственности государства возвращается. Слово сказано. Достаточно сказать «обязанность», как будет введена и ответственность.

Думается, что это чуть ли не основной маркер тоталитаризма: принудительное встраивание частного в общее – то, что Мишель Фуко назвал «властью нормализации», опирающейся на тюрьмы и медицинские службы.

Помимо общей нормы, к обязанностям граждан законопроект относит прохождение медицинских осмотров и диспансеризации *«в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации»*, т.е. не только законом, но и другими федеральными нормативными актами. А порядок проведения медицинских осмотров, диспансеризации, диспансерного наблюдения и перечень включаемых в них исследований будет утверждаться Минздравом. Решит министерство включить в диспансеризацию тестирование на наркотики – будь добр, мочись в баночку.

Кроме того, закрепляется обязанность граждан, находящихся на лечении (как стационарном, так и амбулаторном), *«соблюдать режим лечения, в том числе определенный на период временной нетрудоспособности»*. Т.е. больные обязаны будут выполнять все, и самые бредовые, предписания медиков. Назначат сто прививок - делай. Пропишут антибиотики – пей.

Принцип добровольного мотивированного согласия на медицинское вмешательство в проекте сохранен, но с примечательным исключением, которого нет в еще действующих старых Основах. Обращаясь в конкретную поликлинику, граждане по самому факту обращения будут считаться согласившимися на все, что будет им там предоставлено. При этом предполагается, что граждане выбирают поликлинику, где они предпочитают наблюдаться, лечащего терапевта и т.п. Это, конечно, весьма актуально в какой-нибудь Ивановской области, где пенсионеры по три часа добираются до единственной поликлиники на два района к единственному на район участковому. Конечно, в Москве или Петербурге выбор (или его видимость) есть. Но так как свобода

выбора не должна быть безграничной, авторы проекта разрешают выбирать поликлинику не чаще, чем раз в год, и подписывать *«на срок их выбора информированное добровольное согласие на медицинские вмешательства, которые включены в перечень, устанавливаемый уполномоченным федеральным органом исполнительной власти»*.

Похоже, принудительное лечение вводится не только для наркоманов и педофилов, но и для всех больных.

2011

Сажать пожизненно: за граммы? за килограммы?

7 февраля 2012 года принят во втором чтении новый пакет поправок в УК. После недавней «медведевской» либерализации, для симметрии, в Кодекс вносятся ужесточающие изменения.

Последнее существенное смягчение, осуществленное «президентским» законом от 7 декабря 2011 года, затронуло в наибольшей мере предпринимательские статьи (уклонение от уплаты налогов, банковские преступления и т.п.). Но так как природа не терпит пустоты, освободившееся тюремное пространство будет, в случае окончательного принятия законопроекта, заполнено за счет антинаркотических статей. И переполнено – статьи о наркотиках, в отличие от налоговых, справедливо называют сейчас «народными». Так что результатом очередного витка перманентного пересмотра УК станет рост тюремного населения.

Произведено это будет комплексным путем.

1. Отбытый срок возможного УДО за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, устанавливается в размере не менее 3/4 срока вместо нынешних 1/2 для тяжких и 2/3 для особо тяжких (статья 79 УК). Тяжкими и особо тяжкими преступлениями признаются, помимо сбыта, и не связанные со сбытом действия — приобретение, хранение, изготовление, переработка, перевозка в крупном (в новой редакции) и особо крупном размерах. При установленных по антинаркотическим статьям астрономических сроках это приведет к увеличению на несколько лет пребывания в неволе очень большого числа осужденных[23].

2. Ужесточается ответственность как за сбыт и производство

23 *Прим. 2017*. Так все и вышло. К гадалке, как говорится, не ходи.

наркотиков, так и за незаконные действия, не связанные со сбытом. Статьи 228 и 228.1 УК в новой редакции будут изменены таким образом:

Вместо существующего деления веществ в зависимости от их количества (размера) на три категории (небольшой, крупный и особо крупный) устанавливается четыре категории: небольшой, значительный, крупный и особо крупный размеры. Определять их будет, как и раньше, Правительство, - и по-прежнему без каких-либо внятных критериев. Сама по себе дифференциация ответственности в зависимости от количества может только приветствоваться, если бы эти количества определялись адекватно, т.е. отражали реальную общественную опасность преступлений наркобизнеса: значительный действительно был бы значительным, а особо крупный - особо крупным, если бы ответственность за несколько доз не была такой же, как за целый склад. Сейчас особо крупным размером героина считается любое количество, превышающее 2,5 грамма (не по активному веществу, а с учетом примесей — по всему весу смеси). Хотелось бы верить в разумность Правительства, как она была проявлена в 2003 году при замене Сводной таблицы Бабаяна[24] с ее микроскопическими «крупными размерами» правительственным постановлением № 231. Тогда размеры были приведены в

24 *Прим. 2017*. «Таблицей Бабаяна» называли Сводную таблицу заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков (ПККН) об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном владении или обороте. Бессменным председателем ПККН был академик Э.А.Бабаян. Статус ПККН был неопределенным, ни в одном законе такой орган не упоминался, но Сводная таблица применялась по всем делам о наркотиках, вплоть до 12 мая 2004 года, когда вступило силу Постановление Правительства РФ № 231 — первый в РФ нормативный правовой акт, определивший критерии отнесения изымаемых из незаконного оборота наркотиков к крупному и особо крупному размерам.

соответствие с применяемыми в большинстве государств (и европейских, и азиатских – в Иране, например, и в Китае).

Но у России, как известно, свой путь. Постановление № 231 продержалось около двух лет. И тенденция последнего десятилетия, похоже, противоположная: пороговые значения размеров необоснованно занижаются. Последний пример – в конце 2010 года в Перечень были включены так называемые курительные смеси, так для них крупным размером определили свыше 0,05 грамм, особо крупным — свыше 0,25 грамма смеси (именно смеси, без выделения активного компонента).

Ответственность по статье 228 (без сбыта) за значительный размер устанавливается, по проекту, до 3-х лет (как в настоящее время для крупного размера), за крупный размер – от 3 до 10 лет (как сегодня за особо крупный), за особо крупный - от 10 до 15 лет. Повторю, какими будут размеры – неизвестно. Как решит Правительство.

По статье 228.1 (сбыт) предусматривается такая градация:

за небольшие количества, без квалифицирующих признаков, как и было, от 4 до 8 лет (часть первая);

за те же небольшие количества, но при сбыте, совершенном «в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательном учреждении, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга», а также «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет")» - от 5 до 12 лет (новая часть вторая). Тем самым большая часть деяний, наказуемых сегодня по части первой, переходит в часть вторую, из тяжкого преступления – в особо

тяжкие. Применение терминов, нигде в законодательстве не конкретизированных – «административное здание», «сооружение административного назначения», «помещение, используемое для развлечений и досуга», – дает возможность расширительного толкования этого пункта;

за значительный размер устанавливается срок от 8 до 15 лет (часть третья);

за крупный – от 10 до 20 лет (часть четвертая);

за особо крупный – от 15 до 20 лет, либо пожизненное лишение свободы (часть пятая).

Пожизненное лишение свободы вводится также за контрабанду наркотиков и их аналогов в особо крупном размере (часть четвертая статьи 229.1). Это при том, что именно за это преступление два месяца назад наказание от 3 до 7 лет было повышено, и стало от 15 до 20 лет.

Появляются две новые статьи для уголовного преследования за прекурсоры. (Прекурсоры - ненаркотические и непсихотропные вещества, используемые при производстве наркотиков). Уголовно наказуемыми признаются хранение и приобретение в крупном размере (статья 228.3) и сбыт (статья 228.4) прекурсоров, включенных в Список 1 Таблицы 4 Перечня наркотиков и прекурсоров. В этот список входят, в частности, ангидрид уксусной кислоты (10% и выше), эфедрин. Торговля ими влечет в крупном размере до 5 лет, а в особо крупном - от 4 до 8 лет.

Все это приведет лишь к тому, что доля сидящих по «двести двадцать восьмым статьям» будет увеличиваться, но не подвигнет ни на йоту в лучшую сторону ситуацию с наркотиками. Хотя Россия – член Совета Европы, а не один из Соединенных Штатов, российская наркополитика калькирует американскую. В США уже несколько десятилетий сажают за наркотики миллионы людей, но это не решает проблемы. Европа идет по другому пути, сокращая тюремное

население, что не только не увеличивает рост наркомании, но и – благодаря приоритету лечения и реабилитации наркозависимых – ведет к сокращению заболеваемости наркоманией. Отказ от криминального клеймения потребителей наркотиков возвращает в социум ранее подвергавшихся стигме.

2012

Защита по делам о наркотиках и суд присяжных

к выступлению на учебно-методическом семинаре для адвокатов «Технологии защиты по уголовным делам, связанным с наркотиками» в Краснодаре 26 января 2017 года

Как всем здесь известно, с 2013 года по делам о наркотиках, за сбыт наркотиков в особо крупном размере - часть 5 статьи 228.1 - и за контрабанду в особо крупном размере - часть. 4 статьи 229.1 введено пожизненное лишение свободы. И поэтому теперь на эти статьи распространилась юрисдикция суда присяжных. Однако как видно из судебной практики за прошедшие четыре года из более 6 тысяч дел по этим составам лишь единицы заявили такое ходатайство. Вопрос - почему?

Посмотрим на практику.

Волков осужден Самарским областным судом 22 января 2016 года по части 4 статьи 229.1, части 1 статьи 30, части 5 статьи 228.1 . Дело рассматривалось с участием присяжных заседателей. Вещество - «спайс», чего-то там «производное». Вердиктом установлена виновность Волкова, но присяжные признали его **заслуживающим снисхождения**. Отягчающих обстоятельств по приговору нет. Назначено наказание **16 лет** лишения свободы.

Далее. В. осужден Мосгорсудом 14 августа 2015 года по части 5 статьи 228.1 с участием присяжных. Вещество - амфетамин. Признан виновным, **заслуживающим снисхождения**. Отягчающих обстоятельств по приговору нет. Учился в колледже. Согласно приговору нуждается в социальной реабилитации. Приговор суда - **18 лет** лишения свободы. Такое вот снисхождение и такая вот социальная реабилитация.

Попов, Брянский областной суд. Тоже присяжные. Приговором от 27 июля 2016 года согласно вердикта Попов признан виновным по статьям 229.1, ч.5. 228.1, по единодушному мнению присяжных **не** заслуживает снисхождения. И здесь - **16 лет** лишения свободы.

И в то же время: дело Исмаилова рассматривалось Верховным Судом республики Дагестан, обвинялся по части 4 статьи 229.1 + часть 5 статьи 228.1 + часть1 статьи 228. 3 октября 2013 года **оправдан** присяжными по всем статьям, и даже по страховочной 228, за непричастностью его к совершению преступления. Прокуратура внесла, конечно, в Верховный Суд РФ кассационное представление об отмене оправдательного приговора. 13 января 2014 года Верховный Суд РФ оставил оправдательный приговор в силе.

Также Бердник и Преин полностью **оправданы** по вердикту присяжных приговором Иркутского областного суда от 1 апреля 2014 года по части 5 ст. 33 + часть 4 статьи 229.1 и по части 5 статьи 33 + часть 1 статьи 30 + часть 5 статьи 228.1. Верховный Суд РФ оставил оправдательный приговор в силе.

Как вы догадываетесь, по уголовным делам по тем же статьям, рассмотренным судами областного уровня без присяжных, то есть судьей единолично, **нет** ни одного оправдательного приговора. Из нескольких десятков просмотренных приговоров по ч. 5 статьи 228.1 и ч. 4 статьи 229.1 только по одному в качестве особой милости было назначено 10 лет. Все остальные — от 14 до 19 лет.

Особенность дел по антинаркотическим статьям — тех из них, по которым обвиняемый не признает вины или признает ее лишь в небольшой части и где защита доказывает его невиновность — **особенность** этих дел в том, что основным предметом судебного следствия является **допустимость доказательств, то есть как раз то, к чему присяжных не допускают.** Доказательства могут казаться настоящими, если только их слегка не поскрести. Но это как раз делать и не дают. Например, на видеозаписи хорошо видно, как обвиняемый передает кому-то какой-то пакет. Или зачитывается протокол изъятия у задержанного денежных купюр с заранее переписанными номерами. Или оглашаются признательные показания, данные в присутствии адвоката и подтвержденные подписью подозреваемого. Свидетели — сотрудники полиции, понятые дают изобличающие показания. Такие доказательства иногда бывают достоверными, но далеко не всегда. Защита иногда **имеет** достаточные аргументы, показывающие **подложность** этих доказательств или незаконность их получения, - например, проверочная закупка это не законное ОРМ, а незаконная провокация, потому что законная проверочная закупка, как говорит Европейский Суд, не может быть по «тыку» взятого в тиски другого наркомана, задержанного днем ранее. Но - чрезвычайно сложно убедить присяжных **в недопустимости** такого рода доказательств. И не потому, что защитник не имеет убедительных доводов, он их как раз имеет. **А потому что УПК,** как толкует его Верховный Суд, **запрещает обсуждать в присутствии присяжных вопросы допустимости доказательств**. По статье 334 УПК присяжные разрешают только 3 или 4 вопроса:

-доказано ли, что имело место деяние;

-доказано ли, что деяние совершил подсудимый;

-виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;

-и в случае если виновен — четвертый вопрос: заслуживает ли

снисхождения.

Все остальные вопросы, включая вопрос о допустимости доказательств, обсуждаются в судебном заседании **без** присяжных. Главное же - в Постановлении Пленума от 22 ноября 2005 года **прямо прописан запрет на сообщение присяжным информации о применении незаконных методов следствия** (*чего не было, напомню, в УПК РСФСР. Адвокаты Краснодарского края реально это помнят, потому что ваш край в числе 9 избранных регионов имеет суд присяжных с 1994 года. И те, кто постарше, могут сравнивать суд присяжных до и после 2002 года*).

Так вот что мы имеем. Сами события или деяния, — например, организованная торговля спайсами, — как правило, действительно имели место быть. Кто-то это организовывал, зачастую, при том, заблуждаясь насчет легальности товара, а кто-то был, например, водителем, курьером, дизайнером сайта и т. п. Присяжных в таких случаях не всегда можно убедить, а иногда и не нужно убеждать в том, что ничего не было и сидящие на скамье подсудимых не причастны к нехорошему делу. Допустим, причастны. Но при этом присяжным столь же очевидно, что эти ребята - или решившие подзаработать, или наркозависимые - не заслуживают очень строгого наказания. И они, присяжные, честно на вопрос о причастности — отвечают «причастен», о виновности — отвечают «виновен», **но** признают обвиняемых заслуживающими снисхождения (*а заслуживающими особого снисхождения признавать обвиняемых УПК теперь, кстати, также запрещает*). Но они, присяжные, понятия, естественно, не имеют, что это их «заслуживает снисхождения» ровным счетом ничего обвиняемому не дает. Как видно из приведенных мною выше примеров «снисхождение» не работает. Судья оказывает «снисхождение», назначая при санкции от 15 до пожизненного «гуманные» 16-18 лет. Значит, выбирая суд присяжных, защита должна говорить именно о невиновности

обвиняемых. Даже если они что-то продали, или получили по почте неведомо откуда. Я к этому вернусь в конце.

Сергей Пашин, благодаря которому с 1994 года в России вновь появился суд присяжных, о нынешнем положении суда присяжных в России пишет так: «*Присяжных заседателей считают компетентными решить, нанес ли подсудимый жертве смертельный удар ножом в сердце, но почему-то отказывают им в способности понять, приковывал ли оперуполномоченный подозреваемого к батарее, лупил ли его резиновой палкой по почкам*».

И далее: «*Устранение присяжных заседателей от полноценного решения* ***вопроса о виновности*** *во всех ее гранях и проявлениях, обессмысливает суд присяжных, превращает представителей народа в объект манипуляции, орудия объективного вменения*».

Очень точно говорит Пашин про пресловутое *«мнение присяжных* ***о фактах****, которые их заставляют устанавливать в терминологии «виновности».*

Повторю еще раз: в делах о наркотиках (в отличие, например, от дел об убийстве), ключевое — это не сам факт передачи наркотиков из рук в руки, а правовая его оценка. Вопрос о доказательствах, именно с точки зрения их допустимости, является в этих делах основным. Потому что в значительной части эти дела строятся из фальшивого материала: из полицейских провокаций, подброшенных наркотиков, принуждения к признанию вины, принуждения к добровольному сотрудничеству, злокачественной экспертизы, показаний анонимных свидетелей. По всей стране по 228-м статьям творится такое, что мало назвать незаконными методами. Это - преступления.

И вот, после всего сказанного — есть вообще смысл просить суда присяжных по делам о наркотиках? Раз говорить о допустимости доказательств нельзя, раз возглашаемое присяжными «заслуживает

снисхождения» ровным счетом ничего обвиняемому не дает, те же астрономические сроки, что и когда присяжные решают «без снисхождения», те же сроки, что без присяжных?

И все же во многих случаях присяжные — лучший выбор. Потому что из нескольких десятков рассмотренных ими дел о наркотиках уже как минимум есть **два оправдательных приговора**. Тогда как профессиональными судьями, рассматривающими дело «единолично», **не вынесено ни одного** оправдательного приговора по части 5 статьи 228.1.

Факт, что в природе есть оправдательные приговоры суда присяжных по делам о наркотиках, приговоры, и главное, что это **приговоры-не-отмененные** Верховным судом и вступившие в законную силу. И эти оправдательные приговоры важны не только сами по себе, не только как луч надежды в темном царстве, — они могут стать примером и образцом.

Давайте посмотрим внимательно на известные нам оправдательные приговоры, устоявшие в Верховном Суде. Это важно, потому что это уже позиция Верховного Суда, который не поддержал, не принял объемные возражения прокуратуры.

В Определении ВС по делу Бердника и Преина от 16 июля 2014 года читаем: *«Согласно ч. 1 статьи 389.25 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен, в том числе по представлению прокурора, лишь при наличии таких **существенных** нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора (применительно к рассматриваемому уголовному делу) на представление доказательств либо повлияли на содержание постановленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов».*

В Определении от 13 января 2014 года по делу Исмаилова, оставляя оправдательный приговор в силе, Верховный суд признал, что:

- первое: в присутствии присяжных могут выяснятся фактические обстоятельства задержания и досмотра, в ходе которого были изъяты наркотики. А значит не может быть обойден вопрос законности задержания, досмотра, изъятия веществ;

- второе: если такие значимые доказательства, как видеосъемка проверочной закупки, изъятия у задержанного денег и осмотра его машины не приобщены к материалам дела, вопрос о судьбе видеозаписи так же может обсуждаться перед присяжными;

- третье: прокуратура указывала, что в присутствии присяжных не должен был задаваться вопрос - является ли свидетель (лицо, осуществившее перевозку груза, в котором находились наркотики) сотрудником наркоконтроля (якобы эти сведения — юридические). Верховный суд не счел это нарушением;

- четвертое: по статье 335 УПК с участием присяжных запрещается, в том числе, исследовать факты, является ли подсудимый хроническим алкоголиком или наркоманом, как «вызывающие предубеждение присяжных в отношении подсудимого». Но по мнению Верховного суда сведения о наркотической зависимости обвиняемого могли быть оглашены, так как они оглашались в интересах защиты.

Вернемся к делу Бердника и Преина. Показательно, что Верховный Суд не отказался исследовать достоверность обстоятельств, на которые как на нарушения ссылалась прокуратура в своем представлении. И поймал прокурора на вранье и фальсификации: « *... некоторые доводы апелляционного представления* ***не основаны*** *на материалах уголовного дела. В ходе судебного разбирательства подсудимый Преин Д.В.* ***не озвучивал*** *в присутствии присяжных заседателей информацию о наличии у него*

ребенка, что подтверждается протоколом судебного заседания. Об этом же никогда ***не говорил*** *его защитник. Ни на чем* ***не основано*** *заявление государственного обвинителя о доведении адвокатом Соболевым А.Ю. до присяжных заседателей информации о нахождении Преина Д.В. в момент допроса на предварительном следствии в наркотическом опьянении*».

Как вы понимаете, на подтасовки в представлении прокурора Верховный Суд обратил внимание не по собственному усердию, а благодаря добросовестной работе защиты.

Самое же важное для нас — опять возвращаюсь к определению по делу Исмаилова — подтверждение Верховным Судом РФ правовой позиции Верховного Суда Республики Дагестан **об отсутствии противоречий в вердикте присяжных по данному делу.** Присяжные признали доказанным факт перевозки наркотиков как таковой, но виновность в этом Исмаилова признали не доказанной. А также, признав доказанным хранение наркотиков Исмаиловым, признали при этом не доказанным приготовление к сбыту и участие Исмаилова в контрабанде. Вердикт присяжных является ясным и понятным. Таков вывод Верховного Суда.

Вот на такой результат надо настраиваться, работая с присяжными по делам о наркотиках. Достижим он, конечно, не во всех случаях, но тогда не надо и близко подходить к присяжным. Надо забыть про «заслуживает снисхождения» — эта опция в таких делах не работает.

А должно быть так:

- Доказано ли, что посылка, содержащая наркотические средства (например, производное наркотического средства такого-то) в особо крупном размере, была доставлена из Парижа в Москву? — Да, доказано.
- Доказано ли, что посылку заказал обвиняемый Иванов? — Да, доказано.

- Виновен ли Иванов в контрабанде наркотиков в особо крупном размере? — Нет, не виновен.

Такой вовсе не алогичный вердикт отвечает принципу справедливости.

Как донести это до сознания и сердца присяжных? Мысль простая: вот перед вами человек, человек в клетке, молодой человек. Даже если все доказано не липовыми доказательствами, этот студент, сын, внук, возлюбленный впутался, да, в безобразное дело. Но он не совершил **такого** посягательства на общественное здоровье и нравственность, **такого** особо тяжкого преступления, за **которое было бы справедливым наказание**15-20 лет лишения свободы. Вам предстоит ответить именно на этот и только на этот вопрос, без вариантов. Вы, присяжные, если бы от вас это зависело, дали бы ему лет 5, максимум 7 лет. Но это не в вашей компетенции. Вы, присяжные, должны понимать, что признавая подсудимого виновным и даже заслуживающим снисхождения, вы голосуете за минимум 15, а как правило 16-18 лет лишения свободы.

Тут еще такой момент. Из-за того, что присяжные лишены возможности рассматривать доказательства во всей их полноте, то есть видеть не только, **что** доказывает доказательство, но и **как** оно это делает, откуда взялось это доказательство, можно ли ему доверять, - из-за всего этого сами присяжные становятся по сути неполноценными судьями. Я бы сказал так — задача адвоката в суде присяжных **защитить не только обвиняемого, но защитить и самих присяжных**, чтобы они не были использованы и обмануты.

Вот собственно и все.

Мы хорошо знаем из истории, как почти 140 лет назад, присяжные, не сомневаясь в том, что молодая женщина стреляла в петербургского градоначальника (а с тем что она действительно стреляла, никто не спорил), единогласно признали ее невиновной в совершенных ею действиях. И вряд ли вердикт присяжных был бы

таковым, если бы не защитник, присяжный поверенный Петр Акимович Александров.

Работа защитника в суде присяжных — это как хождение по тропке в горах. Убедить присяжных в невиновности подзащитного и в то же время обезопасить оправдательный приговор от грозящей ему отмены — это, особенно в России, искусство канатоходца.

2017

Почему они торгуют наркотиками?

Еще в 2002 году судья Верховного Суда РФ Владимир Дорошков, выступая в Государственной Думе, заявил, что среди выявленных крупных наркоторговцев преобладают начальники отделов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (тогда ФСКН еще не было).

Прошло 10 лет. В 2011 году, как и в предыдущие годы, за организацию сбыта наркотиков были осуждены разного ранга руководители региональных и местных подразделений ФСКН, в Астраханской, Волгоградской, Свердловской и других областях. Взяты под стражу начальник Череповецкого отдела ФСКН Советов и ряд его подчиненных. Рыба, гниющая с головы, сгнила до хвоста. Где начальники, там и рядовые оперы.

И это при том, что латентность таких преступлений весьма велика.

Конечно, в ФСКН есть много честных офицеров, не берущих взятки, не сажающих невиновных, не торгующих наркотиками. Но широкомасштабные нарушения законности приобрели там системный характер. Речь идет не об отдельных лицах, а о состоянии всей организации, нуждающейся в коренном переустройстве.

Почему они торгуют наркотиками?

Вовлечение сотрудников наркоконтроля в незаконный оборот наркотиков, помимо общих причин коррупции, является следствием сращивания антинаркотической полиции с той самой сетью незаконного оборота, с которой они должны бороться. Такое сращивание имеет совершенно законную сторону, так как закон об ОРД допускает привлечение граждан к осуществлению оперативных мероприятий, достижение же количественных показателей «борьбы» невозможно без использования многочисленной армии потребителей

и распространителей, оказывающих «добровольное содействие» органам. Практически все уголовные дела о сбыте наркотиков создаются на основе проверочных закупок (как правило, мало отличимых от провокаций), для проведения которых используются наркоманы: наркоманы-закупщики, наркоманы-понятые, наркоманы-свидетели. Криминальная агентура фактически является рабочим звеном наркоконтроля. А чтобы агенты «работали», их кормят наркотиками и закрывают глаза на их преступления. Наркоманское окружение охватывает и заглатывает сотрудников наркополиции, особенно молодых, находящихся на низовой оперативной работе (зачастую имевших личный опыт употребления наркотиков).

В этой среде имеют место быть фиктивно уничтожаемые, произвольно используемые наркотики и вымогаемые в особо крупном размере деньги. Наркотики и деньги определяют отношения по горизонтали - между профессионалами-ментами и «волонтерами»-наркоманами. По вертикали же, от начальства к подчиненным, отношения определяются планом по раскрытию преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких.

Но полицейские, вовлеченные в сеть незаконного оборота, не хотят и не могут сдавать как реальных торговцев (по причине их платежеспособности и мстительности), так и свою прикормленную полевую агентуру (тем более, что последние и сами собой амортизируются и ротируются). Поэтому показатели успешной борьбы с наркотиками создаются за счет провокаций и фальсификаций, фабрикации уголовных дел.

Имитация антинаркотической работы становится тем более распространенной, что (при всей серьезности проблемы) рост наркомании, говоря языком статистики, стабилизировался. Волна, вызванная бешеным распространением героина в 90-е – начале 2000-х годов, уменьшилась. Первичная заболеваемость опиоидной зависимостью, по данным ННЦ наркологии, снизилась с 38 (в 1999

году) до 15 человек (в 2009 году) на 100 тысяч населения; или с 55 тысяч человек в 1999 году до 22 тысяч человек в 2009. Та же динамика сохранялась и в 2010 году, число больных с впервые установленным диагнозом снизилось за год на 5% (более свежих данных ННЦ не дает). В результате из числа героинозависимых все больший их процент вовлекается сегодня в сотрудничество с полицией, а тяжесть уголовных репрессий все больше испытывают молодые люди – ситуационные, эпизодические потребители конопли, амфетаминов, «курительных смесей», а то и случайные жертвы.

Фиктивное противодействие наркоторговле сопровождается отнюдь не фиктивными, а самыми жесткими карательными мерами, бьющими по тем, кто заслуживает разве что штрафа или кратковременного ареста. Подавляющее большинство из сотен тысяч репрессированных за наркотики не представляет реальной общественной опасности. Это подростки, студенты, вчера еще дети, которым нужно дружелюбное внимание, позитивная социальная среда, милосердное правосудие, а не 5, 10 или 15 лет в колонии за проступок, который мог бы не повториться.

Вместо борьбы с наркобизнесом идет борьба с его жертвами. И законодательство способствует такой подмене. При этом закон не ставит достаточных препятствий злоупотреблениям властью, произволу в органах наркоконтроля. Эти проблемы возникли не сегодня, но не заметно, что бы что-либо делалось для их решения. Похоже, лакуны, туманности, противоречия законов удобны их усердным исполнителям. Удобно иметь выбор, на какой закон сослаться. Удобно недоумевать: а где в законе сказано, что это делать нельзя?

Вот некоторые болевые места, где федеральные законы и правительственные постановления стимулируют антиобщественные

тенденции в деятельности наркоконтроля:

1. ФСКН создана еще в 2003 году (сначала она называлась ГНК), но по сей день не существует закона, регулирующего ее деятельность. Процессуальные полномочия наркополиции закреплены в УПК и КоАП, отдельные функции Службы зафиксированы в ФЗ о наркотиках. Но нет закона, определяющего права и обязанности сотрудников ФСКН, подобно тому, как это сделано в ФЗ «О полиции».[25]

2. Не регламентирована процедура проверочной закупки. Запрет провокации, т.е. подстрекательства, склонения, побуждения к совершению преступлений со стороны оперативных органов, о котором говорится в статье 5 закона об ОРД, фактически бездействует. В законе нет никаких признаков разграничения законной проверочной закупки и незаконной провокации; в итоге все провокации маркируются как проверочные закупки.

3. УПК (статья 60) не содержит запрета на привлечение в качестве понятых внештатных сотрудников и стажеров оперативных органов, а также лиц, задержанных за административные правонарушения. Кроме того, не запрещено регулярное использование одних и тех же понятых.

4. УПК (статья 75) относит к недопустимым доказательствам показания, данные обвиняемым в ходе досудебного производства в отсутствие защитника, если эти показания не подтверждены обвиняемым в суде. Поскольку недоброкачественность адвокатуры представляет собой проблему не меньшую, а то и большую, чем недоброкачественность противной стороны, следователи повсеместно «обеспечивают» участие адвоката, по сути играющего

25 *Прим. 2017*. Проект закона о статусе органов наркоконтроля был внесен Правительством в Государственную думу 4 апреля 2016 года — за один день до подписания Президентом указа о ликвидации ФСКН. На следующий день проект из Думы, естественно, исчез.

роль понятого, легализующего добываемые показания.

5. Привлечение к уголовной ответственности за приобретение и хранение наркотиков возможно лишь при их крупном (например, для героина свыше 0,5 г) или особо крупном (свыше 2,5 г) размере. Градация ответственности за сбыт также зависит от размера изъятого. Но предусмотренные Постановлением Правительства РФ от 7 февраля 2006 года № 76 пороговые величины ничтожны. К тому же размеры определяются для большинства веществ не по активному компоненту, а по всему весу смеси, независимо от ее реального наркотического воздействия. Это дает возможность, не сажая крупных торговцев, создавать иллюзию раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений. Даже в Иране, где за торговлю наркотиками применяется смертная казнь, крупный размер героина начинается с 16 грамм, а хранение меньше этого не наказуемо.

6. Наиболее вопиющая ситуация сложилась вокруг так называемых курительных смесей, запрещенных в 2010 году. Крупный размер для них отсчитывается с 0,05 г, а особо крупный – с 0, 25 г. Как правило, смеси заказывают в интернет-магазинах, расположенных за границей, и приобрести невозможно менее 1 грамма. В результате покупатель привлекается к ответственности за контрабанду в особо крупном размере, за что наказание с 8 декабря 2011 года астрономическое: от 15 до 20 лет лишения свободы, а с 2 марта 2012 года – вплоть до пожизненного. Теперь за 1 грамм курительной смеси, приобретаемой для личного употребления, минимальное наказание - 15 лет (для сравнения - такое же наказание предусмотрено в УК только за террористический акт на объектах атомной энергии). Этот абсурд усугубляется еще и тем, что юные «контрабандисты» заказывают психоактивные вещества, рекламируемые как легальные (их действительно нет в списках), а получают ту же уголовную статью – вещество оказывается «аналогом» или «производным» запрещенных веществ. Тем самым

покупатели, не имеющие никакого отношения к реальному наркотрафику и даже уверенные в ненаказуемости своих действий, становятся материалом для воздушных замков борьбы с «контрабандой в особо крупных размерах».

7. Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не препятствует существованию ведомственных экспертных органов, в том числе в ФСКН. Карманные эксперты без труда превращают 4 грамма марихуаны в 6 (ведь хранение менее 6 грамм не влечет уголовной ответственности). Это служит искусственному накручиванию тяжести преступлений и увеличению сроков за деяния, не признаваемые в большинстве государств тяжкими.

8. И последнее, о чем уже не раз было говорено. «Лечение вместо наказания», введенное законом от 7 декабря 2011 года и преподнесенное как акт гуманизации, на самом деле ухудшило положение привлекаемых за преступления небольшой тяжести (хранение без цели сбыта), за что обычно назначалось условное наказание или штраф. Теперь же приговаривать к лишению свободы будут больше, правда, с предоставлением отсрочки до пяти лет изъявившим желание лечиться от наркомании. Это насквозь фальшивая альтернатива, применительно к реально больным – мышеловка, а для тех, кто в лечении не нуждается - капкан.

9. Существующее лечение неэффективно, реабилитационное пространство не развито (процент воздерживающихся от наркотиков в течение года среди пациентов, получивших курс лечения в наркологических клиниках, не превышает 8%). Между тем, основанием отмены отсрочки и направления в колонию являются не только рецидивы наркомании, но и систематическое употребление спиртных напитков, бродяжничество и попрошайничество (при том, что ни пьянство, ни бродяжничество не являются правонарушениями). Человека, соскочившего с наркотиков, будут

сажать за то, что он пил пиво.

Еще хуже становится положение привлеченных к ответственности, но не нуждающихся в лечении – например, эпизодически употребляющих марихуану. Именно они составляют большинство среди привлекаемых по части 1 статьи 228. Раз лечить их не от чего - будут сажать.

Угроза оказаться за решеткой для рядового потребителя увеличивается. А значит повышаются коррупционные расценки за непривлечение к ответственности: стоимость свободы для платежеспособных и принуждение к добровольному сотрудничеству для прочих.

Наивны представления непричастных и непривлекавшихся граждан, что так или иначе наркоманов надо «давить». Но чем больше у борцов возможностей посадить мелкую сошку, тем неприкосновенней становятся реальные фигуранты этого бизнеса. Чем больше юридических условий для имитации противодействия наркобизнесу, тем крепче спайка его с полицией. Не только спайка, но и смешение.

2012

Борьба с наркотиками бывает опаснее самих наркотиков

Вопросы[26]*: Анастасия Кузина*

МК: Осень серьезно оживила работу ФСКН. Сначала эта служба захотела контролировать «веселящий газ». Потом вышло постановление о введении нового понятия «значительный размер» и пожизненного наказания за «особо крупный». И последняя новость - ЕСПЧ высказал серьезные претензии к работе Госнаркоконтроля. О том, что происходит с ФСКН, какие инициативы нас ожидают и помогут ли они справиться с наркопреступностью, рассказывает эксперт Института прав человека, руководитель Программы «Новая наркополитика» Лев Левинсон.

Начали мы разговор с желания ФСКН контролировать «веселящий газ» (популярность которого была бы гораздо ниже, если бы высокие чиновники меньше говорили о нем по телевизору).

– Многие действия наркоконтроля объясняются желанием оправдать свое существование, – *так прокомментировал Лев Семенович.* – Поэтому они непрестанно расширяют перечень запрещенных веществ. Трудно понять, почему ФСКН занимается ядами, средствами для похудения и анаболическими стероидами. Это, конечно, вещества, злоупотреблять которыми, возможно, и вредно, но они не имеют никакого отношения к наркомании и даже не являются психоактивными. Цианистый калий уж точно не вызывает зависимости.

---

26 Интервью газете Московский комсомолец 26.11.2012.

Теперь дошло до «веселящего газа». Но смеяться не хочется. Потому что газ этот, то есть закись азота, широко применяется в медицине и промышленности. И значит, снова пойдут дела медиков и химиков. Немедицинское употребление газа вряд ли безопасно, но этого недостаточно для того, чтобы бороться с ним, как с героином.

МК: Ну и как думаете — включат?

— А закись азота давным-давно включена Постоянным комитетом по контролю наркотиков в перечень одурманивающих веществ, и никто этот перечень не отменял. Только вот контроль над этими веществами возложен на Роспотребнадзор, который уголовных дел, все же, не возбуждает.

Есть в УК и статья 151, которая наказывает за вовлечение детей в употребление одурманивающих веществ. Но эта статья не подведомственна ФСКН. А наркополиция пытается, похоже, перетащить одурманивающие вещества в те списки, по которым ей можно задерживать, вести дела и отчитываться о проделанной работе.

Надо сказать, что создание самостоятельного полицейского ведомства по борьбе с наркотиками, да еще такого большого, было ошибкой. Следователь полиции — обычной - может вести дела по сотням статей УК. А наркоконтроль ограничен в своих возможностях несколькими статьями. Теперь представьте себе возникновение федеральной службы по борьбе с педофилами: с областными управлениями, райотделами, экспертными подразделениями и множеством генералов. Сколько педофилов потребуется, чтобы обеспечить их всех работой.

МК: Кстати, об отчетах. Говорят, у нас сидит ужасно много человек по «наркостатьям»?

— Посмотрим для начала судебную статистику. В прошлом году по «антинаркотическим» статьям УК было осуждено более 103 тысяч человек. Для сравнения: в 2004 году по тем же статьям их было около 69 тысяч, то есть, на треть меньше.

Берем статистику тюремную. На конец 2011 года лишение свободы отбывало около 125 тысяч осужденных за наркотики - это 16,5 % от общего числа заключенных. А в 2004 по ним сидело около 43 тысяч, в три раза меньше! И это составляло около 6 % тогдашнего тюремного населения.

И это – на фоне общей гуманизации УК, ведь заключенных в России становится меньше. На 1 сентября этого года численность тюремного населения сократилась до рекордно низкого числа – 717 тысяч человек. Меньше заключенных после распада СССР не было никогда, а в 1998-2000 годах их было более миллиона. Только вот сидящих и преследуемых за наркотики медведевская гуманизация 2011 года не коснулась.

МК: И не коснется?

— Не коснется. Напротив. С 1 января следующего года размеры наркотических средств для целей УК будут дифференцированы иначе. В настоящее время есть крупный и особо крупный размеры. А будет введен еще значительный, и за сбыт в особо крупном предусмотрено пожизненное наказание. 1 октября Постановлением № 1002 была утверждена новая сетка размеров.

По новому закону градация такая – значительный, крупный и особо крупный. Вводимый «значительный размер» соответствует действующему пока «крупному размеру». Единственное исключение — дезоморфин, по которому пороговая величина снижена на порядок — с 0,5 г до 0,05 г, крупный размер для него (бывший особо

крупный) стал 0, 25 г (был 2,5 г), а особо крупный — 10 г.

Кроме того, значительным будут считать с нового года размер для амфетамина — 0,2 г, гашиша — 2 г, героина — 0,5, кетамина — 0,2 г, d-Лизергида (ЛСД, ЛСД-25) — 0, 0001 г, марихуаны и конопли — 6 г (после высушивания), «курительных смесей» на основе активного компонента JWH-073 (и других номеров JWH, кроме JWH-018, включенных в Перечень, и их производных) — 0,05 г, JWH-018 — 0,01 г.

То, что сегодня меньше крупного (а по новой редакции, меньше значительного) никак в УК не называется. Но за сбыт этого, условно говоря, небольшого количества также предусмотрена уголовная ответственность, а за приобретение и хранение — административная.

МК: Такое деление хуже и лучше?

— Само по себе новое деление лучше, так как нацелено оно на то, чтобы наиболее строгое наказание назначалось дельцам крупного наркобизнеса за большие партии наркотиков. Сейчас, например, особо крупный размер героина считается от 2,5 граммов до бесконечности. Ответственность - что за граммы, что за тонны одинаковая. И отчетность - по одной статье. Усилия же и качество работы - разные. Понятно, как именно можно отчитаться за раскрытые особо тяжкие преступления с особо крупным размером.

Надо отдать должное Правительству: новые особо крупные размеры не занижены и в целом соответствуют и международным рекомендациям, и предложениям Совета по правам человека при Президенте, направленным в Правительство весной этого года. Наказание от 15 лет до пожизненного за сбыт, производство и контрабанду наркотиков будет назначаться за более 1 кг героина, 100 кг марихуаны, 10 кг гашиша, 1,5 кг кокаина, 200 г амфетамина и т. п.

МК: А станет ли лучше людям с наркозависимостью, которые сидят за дозу героина?

— Ни на йоту им лучше не будет. Ведь оттого, что за особо крупный наказание по новым статьям с 1 января будет в два раза строже, прочим привлекаемым сроки не сократятся, а наоборот - тоже увеличатся.

Пока, по-старому, сбыт в крупном размере – это от 5 до 12 лет (т.е., за 0, - 2,5 граммов героина, к примеру). По-новому же это количество будет значительным размером, и наказание за него – уже от 8 до 15 лет. Судьи все же в большинстве своем назначают наказание ближе к нижней планке. Поэтому о реальном ужесточении закона свидетельствует не пожизненное наказание, а то, какой минимум может по закону назначить суд.

Логика законодателей такова: если появилось пожизненное наказание, это должно подтянуть вверх всю цепочку, то есть, ужесточая за особо крупный размер, ужесточают и за небольшой. Тут ведь еще введен такой, говоря юридическим языком, квалифицирующий признак: если сбыт даже в небольшом размере произошел "в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательном учреждении, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещении, используемом для развлечения или досуга", - это я дословно цитирую закон, - наказание независимо от количества будет уже не от 4 до 8 лет, а от 5 до 12. Даже за одну дозу.

Никто бы не спорил, если бы в списке «особых мест» были только образовательные учреждения, СИЗО и колонии. Так нет, смешали все в кучу - и распространение в школе, и сбыт в каких-то

непонятных "сооружениях административного назначения".

Этого мало: с марта 2012-го специально для осужденных по наркостатьям условно-досрочное освобождение применяется теперь не раньше отбытия 3/4 срока (ранее УДО применялось к осужденным за наркотики на общих условиях – не менее половины срока за тяжкое и 2/3 за особо тяжкое преступления). Наконец, буквально на днях принят закон, запрещающий назначать условное наказание при опасном и особо опасном рецидиве. Что это значит? Изымут у судимого несколько граммов героина – опасный рецидив.

МК: Наверно, имеется в виду, что человек с несколькими граммами героина — потенциальный убийца нескольких человек. Такое профилактическое наказание.

— Тюрьма не профилактирует. Эти люди все равно выходят на свободу, не освобождаясь ни от зависимости, ни от асоциального поведения. В том-то и дело, что звучит устрашающе – «особо крупный размер», «особо тяжкое преступление», «особо опасный рецидив». Расстреливать их! Но таких «особо опасных» - десятки и сотни тысяч. И в основном это - жертвы. Прежде всего, жертвы государственной антинаркотической политики. Наркозависимые были, конечно, кем-то когда-то вовлечены, кто-то предложил, кто-то продал, кто-то организовал поставки, кто-то контролировал. Но каковы бы ни были причины болезни, наркоман лишен эффективной медицинской помощи. Наша наркологическая служба сегодня преимущественно учитывает и надзирает. По сути, это - полицейская структура.

МК: А сегодня сидящие по «наркостатьям» - именно наркоманы?

— Как раз не всегда. Большинство сидящих за наркотики - вовсе не наркоманы, в медицинском смысле. Больш**а**я их часть – это молодые люди, употребляющие марихуану, амфетамины для развлечения, под влиянием окружения, в компаниях, эпизодически, экспериментирующие с различными запрещенными и не запрещенными препаратами. Для них – а это за последние 10-15 лет сотни тысяч – борьба с наркотиками уж точно опаснее самих наркотиков. Взрослея, они без помощи ФСКН прекрасно преодолели бы увлечение психоактивными веществами. А попав под каток репрессий, они криминализируются, десоциализируются, им ломают жизнь.

Попавшего под наркоманскую статью студента выгоняют из вуза, с работы, шлейф этот тянется за ним всю жизнь. Недавно додумались до запрета заниматься педагогической деятельностью не только имеющим, но и имевшим судимость, хоть 30 лет назад, по большому списку преступлений, в том числе, связанных с наркотиками. И если человек был судим, тем более, если отсидел, на работу его не берут, полиция смотрит на него, как на материал, чтобы сшить любое уголовное дело. «Наркоман? Судимый? Так это он, значит, и украл, и убил, кому же еще?»

МК: А как вы прокомментируете решение ЕСПЧ о «контрольных закупках»?

— Грядущее ужесточение УК вредно для общества не столько само по себе, сколько в сочетании с системой раскрытия и расследования преступлений (гонка за показателями, план по выявлению), оперативно-розыскными традициями и обвинительным судом. Сегодня царица доказательств в делах о наркотиках – это проверочная закупка[27]. На ней строятся почти все дела о сбыте.

27 *Прим. 2017*. Прошло 5 лет, и то «сегодня» вдруг стало вчерашним днем.

Казалось бы, так и должно быть: есть понятые, меченые деньги, наркодилер, положенный лицом в грязь. Иногда есть даже картинка для телезрителя. Только вот Европейский суд почему-то, уже несколько раз признавал «*непоправимо подрывающими справедливость суда*», т.е. неправовыми, дела, основанные на проверочных закупках. Европейский суд назвал эти мероприятия провокациями.

Неправильно было бы отрицать проверочную закупку как таковую. Но она должна быть завершающим звеном в цепи оперативно-розыскных мероприятий, доказывающих, что человек торгует наркотиками. Это контроль переговоров и переписки, наблюдение, показания свидетелей, а при самой закупке – аудио и видео фиксация. Контрольная закупка нужна для закрепления, а не для создания доказательств.

МК: А на деле?

— На деле же происходит следующее. Человека, однажды попавшегося с наркотиками, берут и вежливо предлагают оказать добровольное содействие полиции или, на выбор, сесть лет на восемь. Предпочтя первый вариант, волонтер звонит. Кому? Другу по несчастью, то есть, такому же, как он, наркоману. Звонит, упрашивает поделиться дозой.

Тому же, кто находится этажом выше в иерархии наркоторговли, доброволец звонить не будет, потому что наверняка с ним не знаком, а если знаком – побоится. Да и выход на «следующий уровень», на оптовика имеет один из десятка-двух сообщающихся между собой наркоманов. Бывает и так, что оптовик сам работает в полиции. К нам на сайт правовых консультаций приходят тысячи писем, так что можно представить себе, что в таких случаях происходит…

Место закупки заняли закладки.

Так что, как правило, выявление сбытчиков происходит по горизонтали, на уровне «равный равному», а не по вертикали наркобизнеса. Именно такие ситуации Европейский суд назвал «провокациями преступлений». Когда нет доказательств, что обвиняемый приискивал покупателей, и что преступление было бы совершено и без подстрекательства, организованного полицией.

МК: А правда, что ЕСПЧ указывал на это неоднократно?

— Трижды. В 2005 году ЕСПЧ принял такое постановление по делу «Ваньян против России». В России ничего не изменилось. В 2007 – по аналогичному делу Худобина. Тогда в закон «Об оперативно-розыскной деятельности» включили запрет провокации. Но суды не признавали провокацию провокацией. И вот 2 октября 2012 года – намного более подробное и жесткое решение по делу Веселова, Золотухина и Дружинина.

Европейский Суд не только вновь подтвердил, что недостаточно одних только проверочных закупок, если нет других доказательств. Но и пришел к выводу, что российское законодательство, на словах запрещая провокацию, на деле не содержит никаких против нее гарантий, не предусматривает никакого внешнего контроля за проведением проверочной закупки, а оперативным органам не дано никаких ограничительных инструкций, каким образом им надо действовать, чтобы не допустить провокации при проведении контрольных закупок.

Справка «МК». Помимо позора Российское правительство получит еще и материальные проблемы. Дела Веселова, Дружинина и Золотухина – разные, но они были объединены ЕСПЧ в силу похожести: никто из них ранее не был замечен в наркоторговле, в каждом деле присутствовал полицейский агент, все три дела были основаны на контрольной закупке.

Теперь Россия выплатит им по 15 тысяч евро. Есть подсчет, что в ЕСПЧ находится не меньше 150 аналогичных дел.

— В преддверии этого решения Верховный Суд РФ взялся, наконец, за разбор провокаций. В нескольких определениях по надзорным жалобам, рассмотренным в сентябре, провокационными, а потому незаконными, были признаны неоднократные закупки. Это когда полиция имеет достаточные доказательства и возможность пресечь преступную деятельность, и, тем не менее, продолжает совершать закупки. Делается это для того, чтобы увеличить число раскрытых преступлений, а, соответственно, и показатели раскрываемости.

Принято критиковать наше правосудие, но применительно к делам о наркотиках Верховный Суд - единственный орган, хоть как-то сдерживающий, сокращающий репрессивную политику.

2012

Вредный законопроект

На днях в Думу членом Совета Федерации Максимом Кавджарадзе и десятью примкнувшими к нему членами внесен проект федерального закона «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации». Изменение небольшое. Сенаторы предлагают в перечень отягчающих наказание обстоятельств (статья 63 УК) внести еще один пункт (под буквой «р» - в порядке алфавитной очередности) : «совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ».

Такого не было даже не в самом либеральном УК РСФСР 1960 года.

Как отягчающее обстоятельство опьянение рассматривается в уголовных законах некоторых исламских государств. А в Иране, по Закону об исламских уголовных наказаниях употребление алкоголя само по себе , независимо от последствий, считается преступлением и наказывается «в размере восьмидесяти ударов кнутом независимо от пола виновного» (статья 174).

Во многих более нормальных государствах закреплено обратное. Опьянение рассматривается как смягчающее и даже, в отдельных случаях, как исключающее ответственность обстоятельство, или же просто не влияет на назначение наказания. По УК Испании 1995 года не подлежит уголовной ответственности «тот, который во время совершения преступления находился в состоянии сильного алкогольного отравления, под действием токсических или одурманивающих средств, психотропных веществ и других, и не имел намерение совершить преступление или не предвидел и не

должен был предвидеть возможности его совершения, а также находился под влиянием синдрома абстиненции из-за влияния таких веществ, что препятствовало пониманию им противоправности деяния или руководству своими действиями» (статья 21).

УК штата Техас (США) также рассматривает опьянение, как смягчающее обстоятельство: «Доказательство временной невменяемости, вызванной опьянением, может быть представлено для смягчения наказания» (статья 8.04).

Согласно УК Республики Сан-Марино, «если деяние совершается в состоянии алкогольного опьянении либо в наркотическом состоянии, судья, принимая во внимание обстоятельства совершения деяния а также личность субъекта, может уменьшить наказание на одну степень» (статья 9). Как смягчающее обстоятельство рассматривается состояние опьянения и в УК Австрии.

По УК Норвегии, «не принимается во внимание неведение вследствие опьянения по собственной вине. В таких случаях преступника судят, как если бы он был трезв» (параграф 42). Так же устанавливается : «бессознательное состояние в результате опьянения по собственной вине (вызванное алкоголем или иными средствами) не исключает наказания» (параграф 45).

Можно найти примеры, когда опьянение включено в перечень отягчающих факторов. Помимо исламских государств, это республики бывшего СССР, в том числе Армения, Латвия, Литва, Молдова. Однако, в отличие от законопроекта членов Совета Федерации, такая норма в кодексах всех этих государств не является безоговорочной: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами, не освобождается от уголовной ответственности. Причины опьянения, его степень и влияние на совершение преступления, принимаются во внимания при назначении наказания» (статья 24 УК Молдовы).

«Судебная инстанция вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность» (статья 77 того же кодекса).

В российском УК, нет такой оговорки. Перечень отягчающих обстоятельств обязателен к применению, любое отягчающее обстоятельство должно быть учтено в назначаемом наказании.

Не уверен, что сейчас в России целесообразно добиваться отнесение опьянения к смягчающим обстоятельствам. Вполне достаточно того, как это выражено в УК РФ: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности» (статья 23). Т.е. опьянение само по себе не влияет на приговор ни в ту, ни в другую сторону. А конкретные обстоятельства разрешает суд.

В России около 30% преступлений совершаются в состоянии опьянения. По данным Судебного департамента и Росстата в 2010 году в состоянии алкогольного опьянения совершено 28 %, наркотического - 1,5 %. Признание опьянения отягчающим обстоятельством, как того требует группа Кавджарадзе, коснется почти каждого третьего осужденного. Следствием этого станет рост тюремного населения, во-первых, из-за увеличения числа осужденных к реальному лишению свободы (так как при отягчающих обстоятельствах и отсутствии смягчающих у суда нет оснований назначить условное или другое наказание, не связанное с лишением свободы), во-вторых, из-за более продолжительных сроков лишения свободы, ведь при отягчающих обстоятельствах суд не может применять смягчающие коэффициенты. Прежде всего это не даст развиться введенному год назад праву суда снизить категорию преступления на одну ступень, т.е. при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих обстоятельств признавать особо тяжкое преступление тяжким, тяжкое - средней тяжести и т.п.

(статья 15 УК). А от категории преступления зависит основной рычаг сокращения отбываемого срока – условно-досрочное освобождение. Да и вообще, при отягчающих обстоятельствах суду сложнее, даже в исключительных случаях, назначить срок «ниже низшего», напротив, он должен назначать наказание выше нижнего предела.

Внесение законопроекта группой сенаторов не гарантирует ему зеленый свет в Думе, в отличие от президентских и правительственных внесений. Но так как сомнительно, что первоисточник - Кавджарадзе и его коллеги, нельзя исключать опасность , что эта инициатива силовиков просочится через Парламент [28]

2012

28 *Прим. 2017*. В результате законопроект был принят в той редакции, которая предлагалась нами как приемлемый компромисс (ФЗ от 21 октября 2013 года № 270-ФЗ). Текст сенаторов был ко второму чтению радикально изменен. Совершение преступления в состоянии опьянения не было включено в перечень императивных отягчающих обстоятельств. Вместо этого статья 63 УК была дополнена новым пунктом, наделяющим суд правом «в зависимости от характера и степени опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного», признать совершение преступления в состоянии опьянения отягчающим обстоятельством. Это позволило избежать значительного роста сроков не только и не столько по делам о наркотиках, но по преступлениям против личности, кражам, грабежам, разбою, хулиганству — то есть по самым массовым статьям УК, по которым примерно каждое четвертое преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения. Как показывает практика прошедших после этого лет, суды практически не пользуются своим правом ужесточения.

Мания принуждения

Любой нарколог знает, что лечение наркомании даже в самых гуманных и комфортабельных условиях сопряжено с принуждением. И любой честный нарколог знает также, что принудительное лечение неэффективно. Потому что принуждение в процессе лечения и принудительное лечение - это разные вещи.

Есть разные методы лечения, и есть разные мнения об этих методах, в том числе о степени терапевтического принуждения. Но, будь принуждение хоть мягкое, хоть жесткое, оно ничего не даст без мотивации к лечению, без личного выбора больного. Влияет ли на этот выбор страх перед государственным насилием? Влияет. Исследования российского социолога Франца Шереги показывают, что на решение больных наркоманией пройти лечение давление полиции повлияло в 3% случаев, уговоры врачей - в 1%, **приняли решение самостоятельно - 42%**, повлияли семья или любимый человек - 39%.

Нельзя отвергать принуждение со стороны семьи (хотя оно бессмысленно без согласия больного на такое принуждение). Нельзя не согласиться с тем, что палаты в клиниках запираются на замок и на окнах есть решетки. Но совершенно недопустимо и бессмысленно — это принуждение со стороны государства, то есть лечение как наказание под страхом еще большего наказания за уклонение от него.

Под гуманистические выступления руководителя ФСКН Виктора Иванова (в духе "не все же сажать") в России предпринимаются попытки ввести принудительное лечение наркомании. То есть реанимировать советскую лечебно-исправительную модель. И она может стать еще хуже советской, хотя и та была отнюдь не хороша.

Важной частью ее была система лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП). Там "лечили" алкоголиков - лагерным режимом.

Об эффективности того "лечения" в газетах, конечно, не писали. В документах же с грифом "для служебного пользования" регулярно отмечалось, что она "остается низкой", что "поддерживающее лечение плохое", что "медицинские карты заполняются врачами шаблонно... выбор конкретных методов лечения не вытекает из врачебных записей и не обоснован индивидуальными особенностями больного", что руководителями ЛТП "игнорируется мнение лечащих врачей при решении вопросов о трудоспособности больных, в результате чего они, не пройдя противоалкогольного лечения, направляются на объекты, остаются без медицинского контроля", что, с другой стороны, "во многих ЛТП недостаточен уровень квалификации врачей... на должность врачей-наркологов принимались лица, не имеющие специальной психиатрической и наркологической подготовки". Это цитаты из закрытого совместного приказа Минздрава СССР и МВД СССР №768/116-ДСП 1986 года.

Обратите внимание на слово "объекты". Это были предприятия, где больные эксплуатировались на тяжелых и почти не оплачиваемых (после вычетов за содержание) работах. Фактически ЛТП были трудовыми лагерями: охрана с овчарками, робы с фамилиями на нашивках, за побег - уголовная статья.

Для чего я цитирую этот архивный документ? В законопроектах, послуживших поводом для написания этой заметки, ни о каких ЛТП или чем-либо подобном не говорится ничего. Но именно к этому они подводят. Вплотную.

В Думе находятся на рассмотрении два правительственных законопроекта, связанных с наркологической тематикой. Первый, пока только внесенный проект (назовем его наркологическим), в некоторой части не так уж плох: вводит цивилизованные определения лечения наркомании, медико-социальной

реабилитации, наделяет суд правом обязать наркозависимого, осужденного за какое-либо преступление к наказанию, не связанному с лишением свободы, пройти курс лечения от наркомании (сейчас суд может возложить такую обязанность только при условном осуждении). Это правильно, так как тем самым будет стимулироваться более частое назначение судами наказаний, не связанных с лишением свободы (реальным или условным). Но все же это мелочи.

Основная тема проекта - принудительное лечение во всей своей красе. Правда, слова "принуждение" и производных от него в тексте нет, оно заменено изящным эвфемизмом "побуждение". Раскрывается это понятие как "комплекс правовых и организационных мероприятий, направленных на создание дополнительных стимулов для лиц, больных наркоманией, принимать решение о лечении и медико-социальной реабилитации по поводу наркомании".

Помимо обязательного (читай - принудительного) лечения наркоманов, за употребление наркотиков, согласно законопроекту, могут быть назначены обязательное обследование, обязательные "профилактические процедуры" и обязательное "медицинское и социальное восстановление". За уклонение от всех этих мер вводится отдельная статья - штраф до 5 тысяч рублей или арест до 15 суток.

В то же время число наркологических коек постоянно сокращается. В 1995 году их было 34 тысячи, в 2000-м - 30 тысяч, в 2011-м - 26 тысяч. Последние 10 лет только и говорится, что наркоманов надо лечить: собираются специальные заседания Госсовета, создан ГАК, аналогичные антинаркотические комитеты работают во всех регионах, прошли десятки круглых столов в Общественной палате и т.п., да и сама великая и могучая ФСКН в лице своих многочисленных генералов постоянно говорит о

необходимости развития реабилитационного пространства. Но деньги наркологии выделяются по остаточному принципу. От большого пирога государственного антинаркотического бюджета Минздраву перепадают крохи. Все съедают ФСКН, МВД и другие силовые и несиловые ведомства, вовлеченные в борьбу, вплоть до Роскосмоса, отслеживающего оттуда произрастания конопли в глуши, где не ступала нога человека.

Законопроект внесен правительством - значит, промчится через Думу, как правительственный кортеж. Между тем речь в нем идет о системе понуждения (профилактике, лечении, реабилитации) сотен тысяч человек. И уж как минимум о сотне тысяч подпадающих под ответственность за уклонение от лечения. Где их будут лечить? Кто и за какой счет займется профилактикой и социальным восстановлением?

Ответ надо искать в финансово-экономическом обосновании к законопроекту (ФЭО): "Принятие проекта федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" не потребует дополнительных расходов из федерального бюджета". Где ж деньги, Зин?

<...>

2013

Как один наркоман трех генералов прокормил

За три завершающих сессию июльских заседания Государственная дума приняла 94 закона (десятка два в первом чтении, остальные - чохом, во втором и третьем). Разбираться в этом ворохе мало кому охота, особенно когда значительная часть законов закамуфлирована под названием «О внесении изменений в некоторые (*вариант*: отдельные) законодательные акты».

Известно мнение, что законы в России не работают. Но это смотря какие. Про закон «Об актуарной деятельности», принятый в те же дни (на полста страниц про эту деятельность), сказать не могу, будет ли он работать и какой от него вред. На законы же правоохранительной тематики стоит обращать внимание. Тем более что законы эти, хотя хорошего в них мало, работают очень хорошо. Запреты множатся, полномочия органов расширяются. Органов много, все они большие и важные, и между ними идет безудержная гонка полномочий. Каждый набирает себе побольше разных «требовать», «предупреждать», «приостанавливать», «удалять», «не допускать», «запрещать», пожирать.

Вот и прокуратура приобрела право на беспрепятственное получение любых персональных данных, включая сведения о состоянии здоровья. Об этом 5 июля принят в окончательном виде закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных».

Появление закона объяснялось необходимостью приведения законодательства об охране здоровья и о персональных данных в соответствие с законом о прокуратуре. Поправки эти, дескать,

технические, все права у прокуратуры и так есть. Но, как выяснилось, то, с чем приводится в соответствие, само введено в закон о прокуратуре тем же самым законом. Звучит оно так: *«Органы прокуратуры* ***в связи с осуществлением*** *ими в соответствии с настоящим Федеральным законом прокурорского надзора вправе получать в установленных законодательством Российской Федерации случаях доступ к необходимой им для осуществления прокурорского надзора информации, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами, в том числе осуществлять обработку персональных данных».*

А вот что было (и остается) в законе о прокуратуре и чего ей показалось мало: *«Статистическая и иная информация, справки, документы и их копии, необходимые* ***при осуществлении*** *возложенных на органы прокуратуры функций, представляются по требованию прокурора безвозмездно».*

Почувствуйте разницу. «При осуществлении» запрашивается информация, нужная для принятия мер прокурорского реагирования по уже существующему поводу. «В связи с осуществлением» такая привязка отсутствует. Информацию о гражданах намерены использовать для изыскания поводов их преследования.

Прокуратура тем самым приобретает черты сыскного агентства. Понятно, что лишившись следственных функций, она переживает не лучшие времена. И теперь она всячески укрепляет и надстраивает свои надзорные полномочия. Но в случае нового закона арифметически понимаемый ведомственный интерес превращает так называемый общий надзор (надзор за соблюдением законов) в контроль над частной жизнью. «Око государево» подглядывает в замочную скважину.

Даже смешно писать, но, похоже, тяжесть прокурорской длани обрушится на все тех же *наркоманов* (в кавычках и без), которым придется, помимо полиции и наркополиции, кормить еще и не столь

многочисленную, но знающую себе цену гвардию прокурорских работников, выстраивающихся в очередь за списками наркоучета.

Из процесса возбуждения уголовного дела — а это в РФ средство решения всех проблем — прокурор фактически исключен. На поле УПК орудует Следственный комитет. Но у прокуроров осталось по недосмотру право возбуждения производства по делу о любом административном правонарушении. Естественно, возбуждать они могут только там, где сами что-нибудь обнаружат. Поэтому и понадобились им списки наркоманов.

Не пройдут они и мимо ВИЧ-инфицированных, особенно иностранцев. Случаев выявления и выдворения таковых становится все больше. Иностранный гражданин или лицо без гражданства при диагностировании у него ВИЧ-инфекции подлежит по закону безоговорочному выдворению. Правда, Конституционный суд признал по сути неконституционной императивность этой нормы, обязав применять ее с исключениями — исходя из соображений гуманности, интересов детей, состояния здоровья человека, подпадающего под выдворение. Но об этом решении КС не говорят ни в СПИД-центрах, ни в миграционной службе, ни в полиции[29].

С принятием небольшого закона о праве прокуратуры использовать по своему усмотрению персональные данные, вновь встает тема полномочий прокуратуры. Должна ли она быть, как и была, «всем в одном»? Либо — противоположная позиция — прокурор должен поддерживать государственное обвинение в уголовном процессе, а прокурорский надзор полностью заменен судебным контролем?

---

29 *Прим. 2017*. За прошедшие после написания статьи 4 года в отношении иностранцев с ВИЧ произошли существенные изменения, улучшающие их положение. Постановлением Конституционного Суда от 12 марта 2015 года отказ в выдаче разрешения на временное проживание иностранцев с ВИЧ, имеющих семью в России, и их выдворение из РФ, признаны не соответствующими Конституции.

Я не сторонник отмены общего надзора. Суд не только исторически в России не приспособлен к такой роли, но и не может по природе своей инициировать проверки соблюдения законности. Надзор нужен, но он должен быть направлен на деятельность государственных и муниципальных органов, выявляя нарушения ими прав человека. Прокурорский надзор не должен распространяться на коммерческие и негосударственные некоммерческие организации, и тем более не должен вторгаться на территорию частной жизни.

2013

Его беспокоило не только как они сидят, но и нужно ли это

Речь на вечере памяти Валерия Абрамкина 25 января 2014 года

По всей стране работают сегодня Общественные наблюдательные комиссии. Сотни, а с учетом ротации, тысячи членов этих комиссий — тысячи правозащитников - посещают СИЗО и колонии. Наверное, можно сказать, что эти места стали более открытыми, чем они были, когда и Валерия Федоровича Абрамкина не всегда туда пускали. Во многом благодаря этому человеку тюрьму власть приоткрыла общественному контролю, хотя худо-бедно и больше по ковровым дорожкам (но это кто как в комиссиях умеет и хочет работать).

Хочу сказать о том, о чем не раз говорил с Валерием Абрамкиным. Вот над чем стоит задуматься. Граждан наблюдателей пускают сегодня в тюрьму, и в то же время суд становится все более закрытым. Я говорю о зале судебного заседания, о здании суда. Имея в виду, что публика в зале суда, посещение суда людьми, не являющимися стороной в процессе, но обеспокоенными тем, что там происходит, есть часть публичности, открытости судопроизводства. Ведь граждане, по Конституции, вправе участвовать в отправлении правосудия. Воплощается это конституционное предписание в присяжных, воплощалось раньше в народных заседателях и может воплощаться в гражданах, присутствующих в суде. Как молящиеся есть участники богослужения, так и публика в судебном заседании участвует в процессе.

В чем, в связи с этим, видится послание Валерия Абрамкина тем

тысячам правозащитников, которые входят сейчас в общественные комиссии, созданные по тому закону, в многолетней работе над которым его участие было очень важным (хотя получилось в итоге не совсем то, что им предлагалось, нами писалось). Среди тюремных правозащитников - речь не о всех, речь о тенденции — господствует представление, что круг их заботы и компетенции ограничен тюремным двором, оградой колонии, стенами СИЗО. Как, почему и для чего государство лишает людей свободы? Нужно ли России как стране столько заключенных? Влияет ли рост или сокращение тюремного населения на преступность? Случится ли катастрофа, если число заключенных уменьшится вдвое, втрое, в десять раз? Именно эти вопросы определяли направленность трудов Абрамкина. Именно таков мессидж Абрамкина. Поэтому, например, одна из его книг, изданная еще в 1996 году, «В поиске выхода» имеет подзаголовок «Преступность, уголовная политика и места заключения». Поэтому и его организация называется Центром содействия реформе уголовного правосудия. На этой стезе им было не только сформулировано, но и достигнуто многое.

Реформа и гуманизация УК, осуществленные с принятием федеральных законов от 9 марта 2001 года и 8 декабря 2003 года — это прежде всего заслуга Валерия Федоровича. Это было медленно преодолевающее сопротивление, упорное поступательное движение. Могу свидетельствовать: идеи, с которыми Абрамкин выступал на заседании Палаты по правам человека при президенте в 1996 году, стали нормами УК в 2001 и 2003 годах. И в основном благодаря этому заключенных в России по сравнению с 2000-м годом стало на сегодня на 300 тысяч меньше. Назову лишь некоторые такие изменения. Это положения УК о назначении наказания при рецидиве (была убрана планка минимального наказания при опасном и особо опасном рецидиве); исключение института неоднократности (когда повторное совершение однотипного

преступления, например кражи, безоговорочно признавалось особо тяжким преступлением независимо от того, что украдено); снижение минимального срока, необходимого для УДО; опять же по кражам - разграничение квартирных краж и краж нежилых помещений и хранилищ; введение снижающих коэффициентов назначения наказания несовершеннолетним и в целом сокращение оснований лишения их свободы. Назову лишь одну линию снижения: с 17 с половиной тысяч заключенных несовершеннолетних на январь 2001 и около 2 с половиной тысяч сегодня. И это правильно. Это в основном заслуга Абрамкина.

Но радоваться сегодня особенно не приходится. Уголовное законодательство вновь планомерно и равно бессмысленно ужесточается. И главное, остается то, чего Абрамкин победить не смог — инквизиционный уголовный процесс и отсутствие законных инструментов предотвращения фальсификаций и пыток.

Последнее напрямую связано с законом об общественном контроле в местах принудительного содержания, из которого в окончательной редакции был вычеркнут контроль без предупреждения, в том числе посещение без предупреждения помещений, где содержатся задержанные.

2014

«Кстати, навесили Правде чужие дела...»

Объективная истина, введению которой в уголовный процесс посвящен законопроект депутата Ремезкова[30], тут же подверглась осмеянию и поруганию. Говорят о недостижимости истины, боятся, что обращаться за ней придется к патриарху Кириллу. Но когда речь идет об УПК, вопрос "что есть истина" не онтологический, а процессуальный. И разговор об истине вполне уместен.

Я никогда не был сторонником упоминания в законе каких-либо истин и всегда соглашался с профессором П.А. Лупинской, одним из авторов УПК 2002 года, любившей повторять принцип римского права: "То, чего нет в материалах дела, не существует в мире".

Настаивая на исключении истины из УПК, Полина Абрамовна Лупинская имела в виду «истину» советского уголовного процесса. Но истина истине рознь.

Необходимость установления истины утверждалась и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, и - более решительно - в демократической Концепции судебной реформы 1991 года; не открещиваются от истины и процессуальные законы, действующие в правовых государствах. Сам по себе поиск истины следствием и судом не отрицает и не умаляет презумпцию невиновности и вполне совместим с состязательным судопроизводством.

Оценивая объективную истину как знамя обвинительного уклона, критики законопроекта вспоминают об отрицании презумпции невиновности сталинским "правосудием по Вышинскому". Но ведь и

30 *Прим. 2017.* Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» находится на рассмотрении с 2014 года, на конец 2017 года никаких решений по нему не принималось.

объективная истина точно так же отвергалась Вышинским. Профессор Александр Ларин, один из авторов Концепции судебной реформы, писал: "В 30-х – 50-х годах властно утверждался тезис о том, что истина, понимаемая как достоверное знание, в уголовном процессе во многих случаях недоступна, да и не обязательна, и чтобы осудить обвиняемого, достаточно установить "максимальную вероятность" его вины". Поэтому, резюмирует Ларин, "единственное, чему может служить отрицание объективной истины, это оправдание следственных и судебных ошибок, следственных и судебных преступлений".

И в самой Концепции 1991 года, разработанной Борисом Золотухиным и Сергеем Пашиным, истина возвышалась как цель справедливого суда: "Благодаря судебному процессу закон применяется не механически, на манер клейма, а по правде и совести. Суд не только устанавливает, но и очеловечивает истину".

Из всего этого, однако, отнюдь не следует, что проект, внесенный из Следственного комитета за подписью депутата Ремезкова, заслуживает рукоплесканий. В проекте дается истине такое определение: *"объективная истина – соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения"*. При этом "объективная истина", то есть нечто относящееся к философии права, помещается в законопроекте в одном ряду с такими терминами, как "жилище", "близкие родственники", "задержание подозреваемого", "приговор" и другие формально определяемые понятия. Включение истины в такой технологический ряд на первый взгляд странно. Но, всматриваясь в дефиницию, начинаешь понимать, что для авторов проекта истина - это не высшая правда, не выяснение и проявление того, что произошло на самом деле, а средство легализации *"установленных по уголовному делу*

обстоятельств", иными словами - доказательств, добытых любым путем, лишь бы они *соответствовали действительности*.

Объективной истиной объявляется та бумажная "действительность", из которой шьется уголовное дело. Но эта "действительность" настолько фальшива, выморочна, настолько не соответствует происходившему в реальности, так разит парашей, что шитый белыми нитками балдахин истины, назови ее хоть абсолютной, не прикроет ее срам и смрад.

Истина судебной реформы 1860-х годов, истина свернутой судебной реформы 1990-х годов, «буржуазная истина» состязательного процесса - это одно. Советская истина, воспроизводимая в законопроекте Ремезкова, - совсем другое: Проект соответствует духу и смыслу таких вот откровений советских правоведов[31]: "*Для вынесения только законных и обоснованных приговоров по любому уголовному делу в нашей стране созданы необходимые условия: суды укомплектованы до конца преданными советскому народу и социалистическому строю судьями, созданы подлинно демократические советские законы, все участники уголовного судопроизводства - лица, производящие дознание, следователи, прокуроры и судьи вооружены марксистско-ленинской теорией и работают под постоянным руководством КПСС*".

Различие двух истин - концептуальное. Оно замечательно выражено Ю.В. Кореневским: "В русском дореволюционном и иностранном процессе критерием истины признавалось **внутреннее убеждение судьи**. В СССР *"подлинной гарантией истины"* предполагался объективный критерий (*"лежащий за пределами сознания объективный критерий"*), руководствуясь которым *"можно отделить истинное от ложного, убедиться в достоверности выводов"*. Таким критерием советская теория считала **практику**".

31 В.П.Радьков, 1959.

Цитаты, приведенные Кореневским в этом фрагменте, взяты из основополагающего сочинения коммунистической юстиции "Теория доказательств в советском уголовном процессе".

Объективная истина грозит закрепиться в УПК не сама по себе, а в совокупности с уничтожением наиболее значимых элементов состязательности. Таковым, например, изначально был запрет поворота к худшему при пересмотре приговора, вступившего в законную силу. Теперь статья 405 УПК, ранее называвшаяся "Недопустимость поворота к худшему", называется "Поворот к худшему".

И вот проектом об объективной истине окончательно разрешается возвращать дело на доследование для восполнения неполноты обвинения, исправления недопустимых доказательств, предъявления более тяжкого обвинения. В первоначальной редакции УПК доследования не было вовсе. "Возвращая дело на доследование, суд говорит, что он вынесет обвинительный приговор, и предлагает следователю добыть что-нибудь для обоснования обвинения. Доследование вместо оправдания означает фактический сговор между судом и обвинительной властью", - писал выдающийся российский юрист Юрий Стецовский.

Одновременно укрепляются самые сомнительные процессуальные институты. Недавно была расширена преюдиция, то есть обязательность для суда обстоятельств, установленных иным, ранее вынесенным приговором. Все выше процент уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, означающем, что при полном признании вины приговор выносится без судебного следствия, то есть без проверки судом доказанности вины подсудимого. Особый порядок применяется уже примерно по 65% дел, в том числе по тяжким преступлениям.

В сочетании с особым порядком принцип установления объективной истины будет, что уж говорить, прочно привязан к

практике как основному критерию истинности. Боюсь, на сцене правосудия это будет выглядеть, например, так. По групповому преступлению один из обвиняемых, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве, сознается в сотне преступлений, которые он по фабуле не мог совершить один. Допустим, что все это выдумка, оговор, самооговор, но бумага все стерпит. Дело этого обвиняемого будет выделено в отдельное производство и слушаться отдельно — в особом порядке, без исследования доказательств по существу обвинения, фактически в протокольной форме. Приговор по делу этого гражданина вступит в законную силу и станет обязательным (преюдициальным) для суда, слушающего в общем порядке дело прочих обвиняемых, не признающих вины. Установленные первым приговором обстоятельства - совершение "бандой" преступлений (вымышленных) - это и будет объективная истина новейшего разлива.

Хотя особый порядок судопроизводства при согласии обвиняемого с обвинением не имеет отношения к правосудию, отказываться от него, несмотря на свет истины, никто не собирается. Однако сделка с правосудием — принадлежность той самой англосаксонской (англо-американской) модели, от которой радетели истины предлагают отказаться во имя возвращения к корням континентальной (романо-германской) модели. В результате скрещивания двух этих систем взращивается некая англо-континентальная химера: **установление истины судом без судебного следствия**. Как сочетается вводимое законопроектом в качестве общего правила *"всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности"* с особым порядком? А ведь речь идет о большинстве уголовных дел!

В США особый порядок компенсируется состязательностью сторон на всех стадиях дела. В РФ же некоторая состязательность

присутствует только в суде. Следствие лишено и намека на состязательность, права и возможности следователя и защитника несопоставимы, доказательства замешены на пытках - если не испанским сапогом, то самим выдерживанием в СИЗО. Теперь же, если законопроект будет принят, то и о состязательности в суде вряд ли можно будет говорить. Особенно когда обвинение в зале суда поддерживается овчарками.

2014

Дяденька, реабилитируйте!

Намерения наркоконтроля собирать наркоманов в не столь отдаленные сельскохозяйственные коммуны и социализировать их там по методу Макаренко, озвученные на днях руководителем ФСКН Виктором Ивановым, еще раз подтвердили: все речи о государственном приоритете реабилитации не имеют под собой никакой ясной программы и институциональной основы. Есть, мол, столько брошенных не обрабатываемых земель, где наркоманы могли бы, выкорчевывая пни, выдавливать из себя наркотики. Иванов говорил об этом на совещании в Пскове, потому что в Псковской области много медвежьих углов. На встрече директора ФСКН с Патриархом обсуждали что-то вроде исцеления наркоманов на монастырских скотных дворах. С мастерами культуры можно говорить о силе искусства. С мастерами спорта — о спортивных секциях. И все будет правильно. Реабилитацию наркоманов можно вставить, как Ляпис-Трубецкой своего Гаврилу, в любой контекст.

Да, и деревня, и монастырь могут быть местом реабилитации, удачные примеры чему имеются во многих странах. Но, во-первых, заниматься этим уж точно должна не полиция, а то выйдут все те же советские ЛТП — колонии для алкоголиков. Во-вторых, Минфин удавится, но денег на такие коммуны не даст.

Есть ли потребность в реабилитации наркозависимых? - Колоссальная. Пойдет ли российский наркоман по доброй воле лечиться и реабилитироваться? - Не пойдет, если не будет у него доверия к врачу и клинике.

Не раз говорилось, что на всю РФ — 4 (четыре) государственных реабилитационных центра. Плюс еще несколько реабилитационных отделений при наркологических больницах и диспансерах. Для

жителей региона пребывание в таком центре, как правило, бесплатное или льготное. Но хотя вместимость таких центров очевидно не отвечает потребностям в лечении, не все реабилитационные койки заняты, давки, даже на бюджетные места, нет. Потому что наркоман и его осведомленные близкие не доверяют государственной наркологии. Не из-за того, что плохи врачи. В СИЗО или колонии врачи могут быть очень хорошие, но трудно представить человека с воли, желающего там лечиться.

В Федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» говорится, что государство гарантирует больным наркоманией лечение и реабилитацию. Но лечение ограничивается снятием абстиненции и в конечном счете сводится к контролю. Основная же причина недоверия больных наркологической службе в том, что она канатом притянута к полиции, сведения о пациентах передаются в органы, анонимного лечения не существует, во всяком случае бесплатного или за скромные деньги. Диспансеры заняты наркоучетом, выдачей справок, больные там — редкость. Попадание в наркодиспансер — не важно, в качестве больного или профилактируемого (то есть употребившего наркотики, но не нуждающегося в лечении) означает пожизненное клеймение. Вдобавок теперь, с 2012 года, медицинским организациям вменено в обязанность передавать в органы внутренних дел данные о лицах, «вред здоровью которых причинен в результате противоправных действий» (раньше это было оставлено на усмотрение врача). Наркоконтроль лоббирует создание единой базы, содержащей данные о всех, так или иначе коснувшихся наркотиков.

На этом фоне, как ни старается директор ФСКН петь тоненьким голоском, его речи о гуманизации наркополитики — лукавство. Как бы ни была хороша идея «лечение вместо наказания», разница между ними не велика, если и лечение и наказание находятся по

сути в одних руках.

Как смягчение уголовной репрессии презентовалась введенная два года назад отсрочка отбывания наказания при согласии осужденного на добровольное лечение и реабилитацию. Начинание по мысли правильное. Только взялись за него не с того конца. Как говорил гоголевский помещик Петух, «где ж бывает телега о трех колесах?». Новоявленная отсрочка — телега об одном колесе. Это колесо — статья 82.1 УК.

Последнее время законодатель работает так, будто урегулировать любые отношения, решить любую проблему можно Уголовным кодексом. По этой статье к больным наркоманией, осужденным к лишению свободы, может быть применена отсрочка отбывания наказания на срок до 5 лет, если они изъявят «желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию». Такую отсрочку суд вправе предоставить только впервые осужденным по части 1 статьи 228 (приобретение и хранение наркотиков в значительном размере без цели сбыта), по части 1 статьи 231 (культивирование наркосодержащих растений) и по статье 233 (подделка рецептов), то есть за преступления небольшой тяжести[32].

Отсрочка больным наркоманией — пустышка, такой же симулякр, как и крестьяне-наркоманы. ФСКН — полицейское ведомство, а отсрочки и коммуны — прикрытие полицейской

32 *Прим. 2017*.Федеральным законом от 28 декабря 2016 года категория лиц, к которым может быть применена отсрочка, была несколько расширена. Теперь получить отсрочку по этой статье могут не только впервые судимые по этим статьям, но также имеющие по ним судимость, но не отбывавшие по предыдущей судимости лишение свободы. Только законодатель и здесь «дал петуха»: по буквальному смыслу статьи 82.1 она не может быть применена к ранее осужденным за приобретение и хранение без цели сбыта, если они отбывали лишение свободы, но при этом вполне применима к отбывавшим ранее наказание по всем прочим статьям, включая и сбыт наркотиков.

операции, которую наркоконтроль проводит перманентно, доказывая свое право на существование.

По многолетней практике большинству осужденных, впервые привлеченных за хранение наркотиков, суды не назначают реальное лишение свободы, применяя, как правило, условное осуждение, иногда — штраф, обязательные или исправительные работы. Под стражу по части 1 статьи 228 попадают уже имеющие судимость по наркотическим или иным статьям, а также, когда эта статья вменяется по совокупности с более тяжкими преступлениями. Из чего следует, что ежегодно на отсрочку может претендовать максимум тысячи две привлеченных к уголовной ответственности, по части же 1 статьи 231 в чистом виде и без рецидива сидит пару десятков, а по 233 — всего один (по статистике за 2013 год).

Казалось бы, мотивировать к лечению хотя бы несколько тысяч — и то благо. Так, да не совсем. Испокон веку в УК была и остается статья 73, дающая возможность суду, назначая условное осуждение, возложить на осужденного обязанность пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании. При уклонении от сего суд вправе продлить испытательный срок, при злостном же уклонении — заменить условное осуждение реальным. В отличие от новой отсрочки условное осуждение может быть назначено по любой статье УК. Правда, в статье 73 говорится о лечении, реабилитация не упоминается, но и она может быть назначена, потому что суд «может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению».

«Условка» и отсрочка существуют теперь одновременно, В чем же разница между условным осуждением и отсрочкой исполнения приговора? При условном осуждении суд может обязать пройти лечение и не спрашивает обвиняемого, чего ему больше хочется — сидеть или лечиться. При отсрочке, наоборот, требуется изъявить

желание, лечение называется добровольным. Только вот обвиняемый не знает наперед, намерен ли суд «впаять» ему реальное лишение свободы. А так как отсрочка относится только к преступлениям небольшой тяжести, к тому же совершенным впервые, обвиняемый надеется, и не без оснований, что пронесет. Если суд убежден, что человека надо лечить, а он молчит и не изъявляет желания, суд ведь все равно может приговорить к условному и обязать лечиться.

При условном осуждении суд, сочтя лечение обязательным, волен предписать стационарное или ограничиться амбулаторным, или же, не прибегая к медицине, запретить условно осужденному в течение испытательного срока посещать определенные заведения. При отсрочке же требуется обязательное прохождение трех ступеней: лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации. Оно бы и хорошо, да неисполнимо. И непонятно. Судьи спрашивают Верховный суд — что такое социальная реабилитация? существует ли какой-нибудь нормативный акт, чтобы понять, что мы должны назначать? можем ли мы вообще применять сейчас эту статью? Статья действует, — отвечает ВС, — нормативных актов нет, разъяснить ничего не можем, работайте...

Выходит, появление в УК «наркоманской отсрочки» не имеет никакого позитивного смысла, скорее, напротив, косвенно склоняет к «наказанию вместо лечения». Сажать всех, кто не попросит о лечении, и тех, кто просто не нуждается в таковом?

Сначала в УК медико-социальная реабилитация значилась как единое целое и писалась одним словом через дефис. Что было правильно: социальная реабилитация больных невозможна без медицинского участия. Иначе получается «город без наркотиков» с наручниками и избиениями. Перетягивая канат — кто будет осваивать реабилитационный бюджет — Минздрав и ФСКН разорвали дитя надвое. И добились, что вместо одной, научно обоснованной медико-социальной, реабилитаций стало две,

медицинская и социальная. ФСКН рассчитывает на социальную часть. Вот почему наркоман приобретает в видениях директора ФСКН образ то псковского землепашца, то монастырского трудника, то крымского винодела.

Выбьют финансирование, чтобы, как говорит Иванов, «очистить мегаполисы от наркопреступности». Наркополицейские оперируют категориями отлова и изоляции. Так после войны зачищали города от безруких и безногих инвалидов и свозили их на Валаам. Покончить с преступностью — это сказки. Но чтобы ее сократить в больших и малых городах — закрыть бы ФСКН[33].

2015

Почему не работает отсрочка

Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ в УК введена статья 82.1 «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией». В соответствии с этой статьей осужденному к лишению свободы по части 1 статьи 228, части 1 статьи 231 и статье 233, если он признан больным наркоманией и изъявил желание добровольно пройти курс лечения и реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания на срок до 5 лет.

По данным Судебного департамента при ВС РФ в 2015 году отсрочка больным наркоманией была предоставлена 106

33 *Прим. 2017*. Так оно и вышло. Генеральское планов громадье обрушилось вместе с ФСКН. Наследовавшее ей МВД претензий на реабилитацию не имеет. Медико-социальная реабилитация, слава богу, остается в ведении Минздрава. Только денег нет.

осужденным. При том, что по вышеназванным составам преступления, по которым допускается отсрочка, по части 1 статьи 228 (приобретение / хранение без цели сбыта в значительном размере) всего в 2015 году осуждено 43 580 человек. Кроме того 439 человек осуждено в 2015 году по части 1 статьи 231 (культивирование наркосодержащих растений), и 11 человек — по статье 233 (подделка рецептов). Итого за преступления небольшой тяжести по наркотикам в 2015 году осуждено 44030 человек, из которых отсрочку получило 106 осужденных. Даже если вычесть из общего числа осужденных тех, кто осужден не впервые, очевидно, что статья 82.1 почти не применяется.

В чем причина фактического бездействия статьи 82.1, принятие которой преподносилось как значительный шаг в гуманизации уголовного закона.

Во-первых, отсрочка больным наркоманией предоставляется только впервые осужденным за преступления небольшой тяжести. Из массовых статей, связанных с наркотиками, это только часть 1 статьи 228 . Однако, и до появления статьи 82.1 ранее не судимым реальное лишение свободы за преступление небольшой тяжести не назначалось, к ним применялись условное осуждение, либо штраф, обязательные или исправительные работы. Во-вторых, и без нововведенной отсрочки при условном осуждении суд вправе возложить на условно-осужденного обязанность пройти лечение и реабилитацию (часть 5 статьи 73 УК). По существу, разница в словах. При условном осуждении возлагается обязанность, а при отсрочке лечение как бы добровольное, но и в том и другом случае уклонение от лечения и реабилитации влечет реальное наказание. По существу же разница в том, что условное осуждение суд вправе назначить по любой статье любой категории тяжести. А отсрочку — только при небольшой тяжести.

Наличие отсрочки исполнения приговора больным наркоманией

может быть оправданным только при включении этого института в целостную концепцию лечения вместо наказания. Эта концепция может быть воплощена лишь при смене приоритетов государственной антинаркотической политики: с репрессивной на социо-защитную. Потому что мало прописать пройти лечение и реабилитацию, надо еще, чтобы это лечение и реабилитация были эффективными, современными, многовариантными, а главное — сформировалось доверие больных к системе наркологической помощи.

2016

раздел второй
Скорее практика, чем теория

Чудесные путешествия Нильса Кристи

Он умеет писать интересные, волнующие книги по криминологии и пенитенциарному праву. Достигается это не за счет упрощения, разукрашивания судебными казусами или тюремными байками. Нильс Кристи пишет строго и сдержанно. Но его мысль не знает заасфальтированных и прямоезжих, решительно прорубленных сквозь леса дорог, а ходит тропками, с оглядкой, прислушиваясь, обозревая окрестности, ища понять, чем живет этот лес, каково разнообразное устройство его жизни. Он понимает, что протянутое из точки в точку шоссе не дает представления об окружающем. В книгах Кристи каждый шаг поверяется жизнью. Это относится и к исследованию скандинавской борьбы с наркотиками «Удобный враг», написанному в соавторстве с Кеттилем Брууном.

В те же 80-е годы прошлого века вышла книга Кристи «По ту сторону одиночества», рассказывающая об экспериментальных деревенских общинах для тех, кого называют «душевнобольными» - сообществах необычных людей. Убежденность в том, что есть возможность решать проблемы вне дискурса «учреждения», помимо дихотомии «персонал - пациенты» (равное «администрация - заключенные») привела Нильса Кристи в поселения, существующие вопреки стандартным дисциплинарным предписаниям. Там он увидел Маргит Энгель, врача-психиатра, отказавшуюся от традиционных медикаментозных, изоляционных методов, основанных на отчуждении и наблюдении за «больными», и предпочетшей обретение общего языка с необычными людьми, совместные с ними будни и человеческий контакт. Такие искания близки Кристи. Социология в его руках, в том числе и социология преступности - не инструмент обслуживания власти, а исследование средств разрешения конфликтов внутри сообщества. Постигать это искусство приходится через осмысление многовекового опыта

принуждения, запретов, стигматизации.

К сути проблемы наркотиков Кристи продвигается через соотнесение их с простыми и естественными, традиционными вещами и занятиями, которые для него, обеспокоенного урбанизацией, собственно и есть искомое «средство», путь из городов отчаяния:

«Щепотка кокаина, быстрый вдох - и результат налицо. Сделка - и мгновенная прибыль. Такой вид опьянения хорошо подходит нашему теперешнему ритму жизни. Не то, что раньше, когда все было связано с природой и сменой времен года. Когда день начинался с восходом солнца, темнота знаменовала наступление ночи, а календарный месяц соответствовал лунному циклу. То было циклическое время, когда праздники отмечали окончание работ и главные события в жизни человека - и ожидались с нетерпением».

Вместо циферблата - линейное время, стремящееся в пустоту будущего. Это знак наркомании. Гонка обязательного образования к унифицированной цели при неравенстве стартовых условий, где отстающий вроде как «сам виноват». Сокращение жизненного срока трудоспособности: вступление в рабочую жизнь все позже, взросление в вынужденной бездеятельности. Пустота отпусков. Все это причины наркомании.

Общая вера миллионов превращает облатку в тело Бога и дарует благодать. Чего не может произойти с кусочком брынзы или колбасы. Таково учение, таково слово говорящих «как власть имеющие». И точно так же массовый страх перед веществами, названными властной волей «наркотиками», порождает мистических чудовищ. Наркоманы назначены быть прокаженными - будем верить, что XX-го, а не XXI-го века. Век большой, и есть время излечиться от полицейской зависимости.

«Удобная общественная проблема, - пишет Кристи, - это такая проблема, в процессе борьбы с которой за жертв агрессии никто не

заступается, а агрессоры покрываются славой, и потери в войне несут по большей части слабейшие слои общества, в то время как на жизнь большинства это никак не влияет».

Именно поэтому торговцев наркотиками, а не производителей табака или владельцев винных лавок, обыватель с такой готовностью поставил бы к стенке. Но, как показывает Кристи, страшное звание «наркомафии» носят обычно те же неудачники и маргиналы - такие же отщепенцы, как и их покупатели.

Правда не нужна. Книга Кристи и Брууна написана более 20 лет назад. С тех пор мало что изменилось. Как в 1984-м, так и в 2005 году глобальная антинаркотическая стратегии поддерживается вымыслами, достойными тех, какими пичкали настоятели доверчивых прихожан в XIV век: о ведьмах и людях с песьими головами.

Вот типичная проповедь российского антинаркотического священнослужителя (заместителя председателя Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Александра Федорова, интервью компании «Гарант» 6 апреля 2004 года): «Что касается вероятности смерти от первой же сигареты с марихуаной, вероятность, я думаю, все-таки не 10%, и моментально смерть не наступит. Но человек, который принимает решение закурить первую сигарету с марихуаной, должен четко осознавать, что это как раз и будет его первый шаг к смерти.» И далее о табаке: «Никотин, как таковым наркотиком не является. Ни в одном из списков наркотических средств и психотропных веществ его нет. Это другая вредная привычка, которая не является заболеванием, но может повлечь за собой негативные последствия и соответствующие заболевания в виде рака легких».

Борьба с наркотиками остается процветающей индустрией, требующей все возрастающих вложений, но не выдающей никакого продукта, кроме статистических отчетов. Как известно, холодная

война, может продолжаться десятилетиями. Всемирный поход против наркотиков движется зигзагами: то объявляется о некоторых успехах, то вновь сообщается о наступлении наркокартелей. Так Моисей сорок лет водил свой народ. Важен был процесс движения, а не достижение цели.

Трудно сказать насчет израильтян, но конечные цели «антинаркотиков» весьма сомнительны. Кристи пишет: «Некоторые из так называемых экспертов начинают толковать о вреде опьянения. Как говорится в официальной пропаганде против самых опасных наркотиков, "вперед, к обществу всеобщей трезвости!". А мне бы хотелось сказать: "вперед, к обществу всеобщего опьянения!"».

Как пел другой Нильс в другой скандинавской книжке:

Гусиная страна,
Ты издали видна!
Привет тебе, Лапландия,
Гусиная страна!

Несет меня в Лапландию
Домашний белый гусь,
И скоро я в Лапландии
На землю опущусь!

2005

Свидетелю нельзя будет посмотреть в глаза

Принят Федеральный закон от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». По новому закону суд, рассматривающий уголовное дело, может вынести решение о допросе свидетеля или потерпевшего посредством видеоконференц-связи. Для этого судом должно быть дано поручение в другой суд по месту нахождения допрашиваемого лица об организации допроса, в том числе об удостоверении личности свидетеля/потерпевшего, взятии подписки о разъяснении его прав, обязанностей и ответственности.

С одной стороны, это кажется разумным, так как явка участников процесса из других городов зачастую проблематична, что препятствует полноценному исследованию доказательств. С другой стороны - и это представляется более важным, - судебное слушание в таком случае еще более профанируется и формализуется.

Как показывает практика, качество установленной в судах видеосвязи оставляет желать лучшего. Стороны, смотрящие в мониторы, плохо видят друг друга, звук отстает от изображения. Между тем суть судопроизводства в судоговорении. Зал суда является местом встречи сторон. Именно поэтому законом искони установлены строгие процессуальные ритуалы: от облачения судей в мантии до полновластного обеспечения судьей порядка в зале заседания. Приговор может быть постановлен на основании только тех доказательств, которые рассмотрены в судебном заседании; все документы дела, сколько бы их ни было, должны быть оглашены судьей (казалось бы, намного проще не зачитывать тома технических бумаг, а предоставить желающим возможность с ними ознакомиться).

Также и присутствие участников процесса в сакральном пространстве суда чрезвычайно важно, потому что судья принимает решение не только по установленным фактам и в соответствии с законом, но прежде всего руководствуясь внутренним убеждением и совестью. Вот почему, например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод сказано: "Каждый задержанный или заключенный под стражу незамедлительно доставляется к судье". Присутствие свидетеля и потерпевшего перед судьей (а равно перед обвиняемым и публикой в зале) не менее значимо. Если же допрашиваемый находится за экраном, убивается эмоциональная составляющая процесса, столь же важная, как и правовая.

Конечно, волокита в российских судах стала притчей во языцех. Та же Конвенция гарантирует право на разбирательство дела в разумный срок. Сплошь и рядом свидетелей не могут найти, потому что не ищут. Но новый закон не решит этой проблемы. Он послужит лишь повышению пропускной способности судов; скорость рассмотрения дел будет обеспечиваться за счет качества.

Уголовное судопроизводство (в отличие от гражданского) должно быть не массовым, а исключительным явлением. В российских судах слишком много уголовных дел. Сотни тысяч людей осуждены в нашей стране ни за что.

Суд – дорогое удовольствие. Как важнейший общественный институт, суд не должен быть дешевым и суррогатным.

2011

Тройное наказание

1 июля 2011 года вступает в силу Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Новым административный надзор назвать нельзя: это хорошо забытое старое. Поднадзорные были у нас и в царской России, и в советской. До 1 января 2010 года считался действующим указ о надзоре, принятый Президиумом Верховного Совета СССР в 1966 году. Но действовал он в четверть силы, так как устарел и не вписывался в конституционное поле.

Вернуть себе поднадзорных милиция очень хотела. Добивалось этого и тюремное ведомство. Закон шел тяжело, но в конце концов объединенные усилия двух мощных лоббистов – МВД и ФСИН - взяли верх. Через пару месяцев к задержанным, подозреваемым, обвиняемым, осужденным, каковых в РФ миллиона два, прибавятся многочисленные поднадзорные.

Когда в 2010 году в УК появилось новое дополнительное наказание – ограничение свободы, по своему характеру идентичное надзору, - казалось, этого хватит. Но поскольку ограничение свободы применяется судом при вынесении приговора и может быть назначено не по всем тяжким и особо тяжким преступлениям, уголовно-исполнительная система и полиция не получили полного для себя удовлетворения.

По новому закону административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел «наблюдение за соблюдением» лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод (свободы передвижения, выбора места жительства, неприкосновенности жилища и т.п.), а

также за выполнением определенных обязанностей (регулярная, до четырех раз в месяц, явка в полицию).

Административный надзор налагается на следующие категории бывших заключенных с непогашенной или неснятой судимостью:

1) отрицательно характеризующихся (не желающих "встать на путь исправления") освобождаемых из числа осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления и за преступления против несовершеннолетних (кроме сексуальных преступлений);

2) всех, независимо от характеристики, освобождаемых, если они осуждены при опасном или особо опасном рецидиве или за преступления за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего.

Бывшие осужденные за преступления первой группы, если они не были признаны злостными нарушителями и не получили надзор при освобождении, могут получить его в случае совершения в течение одного года двух и более административных правонарушения против порядка управления (вроде неповиновения полиции), посягающих на общественный порядок и общественную безопасность (например, мелкое хулиганство) и на здоровье населения и общественную нравственность (употребление наркотиков и др.).

Таким образом, тюремщики и полиция получили мощный инструмент контроля поведения, управления и манипулирования.

Административный надзор есть не что иное, как повторное наказание, налагаемое на ранее его отбывших не за новое преступление или правонарушение, а за неправильное поведение. Для многих, получивших по приговору суда дополнительно к реальному сроку ограничение свободы, административный надзор становится по сути третьим наказанием. И длиться оно может до

шести или восьми лет, то есть в течение всего срока судимости по тяжким и особо тяжким статьям[34].

Одновременно Федеральным законом № 66-ФЗ внесены изменения в УК, ГПК, УПК, УИК и КоАП.

УК дополняется статьей 314-1, карающей поднадзорного за неприбытие в определенный срок без уважительных причин к избранному им месту жительства, а равно за самовольное оставление места жительства. За это назначаются до года лишения свободы. При этом никого не волнует, будет ли у отсидевшего человека работа и что у него с семьей.

В замкнутый круг административного надзора попадают в первую очередь наркозависимые, освобождающиеся из колоний по отбытии срока по части второй статьи 228 УК (не связанные со сбытом хранение, изготовление, перевозка в так называемом особо крупном размере), по статье 228-1 УК (производство, сбыт и другие действия, связанные со сбытом). Продолжая употреблять запрещенные вещества (ведь никакого действенного лечения в колониях не бывает), страдающие зависимостью будут привлекаться к ответственности за правонарушения, посягающие на здоровье населения, и планомерно направляться по знакомому им маршруту. Люди, нуждающиеся в медико-социальной реабилитации, вернутся в колонии.

Для упрощения этого круговорота закон наделяет сотрудников органов внутренних дел правом в то время суток, когда поднадзорному будет запрещено судом пребывание вне дома (квартиры), беспрепятственно входить в его жилище. Ни судебного решения, ни даже санкции прокурора на это не потребуется. То, что в квартире кроме поднадзорного проживают люди, которых не за что лишать неприкосновенности их жилища, законодателя не волнует.

34 *Прим 2017*. С 2013 года срок погашения судимости по тяжким и особо тяжким преступлениям увеличен соответственно до 8 и 10 лет.

Вдобавок ко всему закон имеет обратную силу. Хотя по Конституции закон, отягчающий ответственность, обратной силы не имеет, Конституция отдыхает. По заявлению полиции суд будет ставить под надзор всех отбывших наказание при опасном или особо опасном рецидиве с непогашенной судимостью. Особо опасный рецидив — звучит угрожающе. А на самом деле это такие же люди вокруг, на работе и дома.

2011

Подзаборные поднадзорные

Человек в представлении бюрократии - это учетная единица, особенно если он вышел из колонии с повешенным на него административным надзором. Даже термины изобретены - подучетный, поднадзорный.

В СССР система административного надзора за бывшими з/к работала как часы. В постоветской же России в течение двадцати лет надзора не было и вышедший за ворота зоны "по звонку" мог, как и все, жить своей жизнью. Только в 2011 году появился закон, восстанавливающий надзор за освобождаемыми, если они показали себя злостными нарушителями, а также за теми, кто, отбыв наказание по тяжким и особо тяжким статьям, совершает по два раза в год такие правонарушения, как хулиганство, употребление наркотиков, неповиновение законным требованиям.

Есть две точки зрения на административный надзор. Одни считают его защищающим общество от эксцессов, другие же -

повторным наказанием за одно и то же преступление, что запрещено Конституцией. Первые, понимая, что правы последние, пошли на хитрость: постановку под административный надзор включили не в УПК, а в ГПК (а затем в выделенный из ГПК Кодекс административного судопроизводства). Дескать, раз это у нас судопроизводство не уголовное, а гражданско-административное, то и вопрос о повторном наказании ставиться не может.

Как и любой репрессивный институт, административный надзор имеет тенденцию к росту, основания для его назначения постепенно расширяются, охватывая новые категории освобождаемых.

Об этом - принятые недавно Думой в третьем чтении дополнения в закон "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы", относящие к поднадзорным всех отбывших наказание по "террористическим" и "экстремистским" статьям. Надзор же состоит в запрете на несколько лет посещения определенных мест, участия в массовых мероприятиях, выезда за пределы населенного пункта, а также в обязательном пребывании дома в ночные часы. Суд вправе назначить одно или все перечисленные ограничения, но обязательной для всех поднадзорных является явка в полицию от одного до четырех раз в месяц.

До сего времени полиции затруднительно было применять закон об административном надзоре к освобожденным, не имеющим никакого места жительства, и таким образом бездомные избегали должного полицейского попечения.

Законодатель озаботился их судьбой. Конечно, депутатам и в страшном сне не привиделось бы обязать государство как-то обеспечить бездомных крышей над головой. Денег нет. Зато теперь поднадзорные бездомные закреплены, так сказать, каждый под своим забором. Подзаборные поднадзорные не вправе покидать "место фактического нахождения", каковым по новому закону

считается муниципальная единица. В выборе места обитания такой бродяга обладает полной свободой. Хочешь - Северное Бутово, хочешь - Южное, но уж за пределы его ни-ни.

Трудность определения точных границ муниципальных образований авторов закона не смутила. Наверное, для удобства надзора надо было предусмотреть проведение между районами демаркационной линии, но это дело будущего.

И еще одна поправка: полиции разрешено не входить, как раньше, а "проникать" в жилище поднадзорного. Так что если вы, господа экстремисты, оказавшись временно на свободе, обнаружите среди ночи под кроватью жандарма, кричать не надо.

2017

Наркомания преследования

Случай Ирины Теплинской, дошедшей до Страсбурга в борьбе с запретом заместительной терапии, то есть лечения наркомании наркотическими лекарствами (что разрешено везде кроме России), подтверждает: обращение в Европейский суд воспринимается властями РФ как измена родине.

Известно, что претерпевают от властей (и до, и после рассмотрения в ЕСПЧ их жалоб) жители Чечни, обвиняющие государство в нарушении права на жизнь своих близких, погибших под отечественными бомбами. Назвав Чечню, не кощунственно ли ставить в один ряд и сравнивать что-либо с ней по глубине трагедии? Берусь утверждать: масштабы сравнимы. Война с наркотиками нравственно и физически изувечила миллионы людей.

Не говорю здесь о тех, кто целенаправленно зарабатывает деньги на этом товаре. Говорю о мирных людях, репрессируемых за зависимость и за любое временное, случайное соприкосновение с запрещенными веществами. Пусть даже многие из этих людей осуждены как сбытчики, и непременно за сбыт в крупном или особо крупном размере. Для справки: крупным признается более 6 г марихуаны, 2,5 г гашиша, 0,5 г героина, 0,2 г амфетамина, 0,05 г курительных смесей.

В 2005 году гражданин Григорий Ваньян выиграл дело против РФ. Европейский суд признал тогда «непоправимо подрывающей справедливость суда» типичную, сотни тысяч раз использованную «проверочную закупку», на которой держится весь круг антинаркотической работы силовиков. По решению Суда, «когда действия тайных агентов направлены на подстрекательство преступления и нет оснований полагать, что оно было бы совершено

без их вмешательства, это выходит за рамки понимания, что такое тайный агент, и может быть названо провокацией». Российской Федерации пришлось тогда не только выплатить Ваньяну сколько-то тысяч евро, но и включить в закон «Об оперативно-розыскной деятельности» запрет провокации, то есть подстрекательства, склонения, побуждения граждан сотрудниками органов в прямой или косвенной форме к совершению преступления.

Провокаций, правда, пока что меньше не стало (иначе как делать план и гнать волну?), но теперь в приговорах пишут, что доводы защиты о провокации не подтвердились, а имела место законная проверочная закупка. Судьи входят в положение коллег – оперативников, следователей, прокуроров. И все же по нескольким жалобам – из тысяч подаваемых – Верховный суд отменил основанные на провокациях приговоры. Эти случаи важны: они служат основой для жалоб других осужденных. Только вот изменник Ваньян снова сидит в колонии.

Нет никаких сомнений, что в таблетке метадона, оказавшейся в сумке Теплинской, содержание политики превышает «особо крупный размер» наркотического вещества. Происхождение таблетки настолько очевидно, что даже уголовное дело возбуждено «по факту», а не в отношении Ирины (это исключительный случай, обычно такого не бывает). И это дает шанс прекратить ее необоснованное уголовное преследование.

Подбросы бывают по высоким политическим мотивам (как, полагаю, в деле мэра Томска Александра Макарова, для надежности посадки объявленного наркоманом, или в деле Таисии Осиповой). А бывают из приземленных соображений конкурентной борьбы. Или для улучшения правоохранительной отчетности. Или просто имеют характер расправы: за отказ платить, за отказ в «добровольном» сотрудничестве (то есть нежелание быть провокатором).

Говоря о политическом подбросе, вспоминаешь как раз чеченских беженцев в Москве и других городах, которым, когда шла война, милиция предлагала на выбор – патроны или чек героина будут извлечены у них из карманов. Не стану перечислять предпринимателей, которым таким способом ломали бизнес. Классической же расправой было дело главного редактора газеты «Вятский наблюдатель-2» Сергея Бачинина, в кабинете у которого оказалась разбросанной марихуана, как раз когда он публиковал разоблачительные материалы о начальнике УБНОН Кощееве. Дело Сергея Бровченко, адвоката, вступившего в конфликт с ФСБ (где он раньше работал), можно давать студентам как пример несправедливого судопроизводства. Из багажника его машины было извлечено 4,5 кг кокаина. Помимо множества прочих нарушений и фальсификаций, в пакете с подброшенным наркотиком оказалась по недосмотру милицейская бирка, используемая для опечатывания вещественных доказательств. Верховный суд трижды отменял приговор. И четырежды районный суд признавал Бровченко виновным. Пока шли суды, он сидел: шесть с половиной лет. Отменяя приговоры, Верховный суд оставлял Бровченко под стражей - ведь и этот изменник родины жаловался в Страсбург. Выпустили его после решения Европейского суда.

Эти примеры мерцают на фоне бесчисленного множества рутинных, беззлобных фальсификаций, совершаемых для выполнения и перевыполнения плана. Наркотики по-прежнему подбрасывают, но, надо сказать, реже, это становится уже дурным тоном. И зачем? Уголовно-процессуальная машина приспособлена для осуждения невиновных вполне законными способами.

Для этого существуют понятые, заинтересованность которых практически никогда не удается доказать, даже если они практиканты школы милиции. Для этого держат обвиняемых в СИЗО, пока они не дозреют до чистосердечного раскаяния. Для

этого узаконены анонимные свидетели. Для этого изобретена «сделка о признании», то есть особый порядок рассмотрения дела судом при согласии обвиняемого с обвинением, когда дело не слушается по существу и приговоры пишутся под копирку (в 2010 году более 60% дел о наркотиках было рассмотрено в особом порядке).

К чему подбрасывать наркотики, когда человека можно посадить, ничего не изымая, без проверочной закупки, по одним лишь показаниям лиц, якобы приобретавших у него наркотики? Такие приговоры входят в моду.

Статью 228 называют уже «народной статьей». С 2004 года число отбывающих наказание в виде лишения свободы за наркотики выросло почти в три раза: с 43 тысяч в 2004 до 124 тысяч в 2010 году. На 1 января 2011 года заключенные за наркотики составляли 15% всех российских заключенных, а среди женщин – 29,5%.

Помню, еще в 2001 году на Чрезвычайном съезде в защиту прав человека Николай Храмов говорил, что политзаключенных в России не десятки, а сотни тысяч, если считать таковыми всех осужденных за наркотики. Скажем так: почти всех. Так и при Сталине политзаключенными были не только политические оппоненты режима, но и все репрессированные, в том числе «за колоски». Сегодня тоже сажают за колоски: за сорванную в поле дикорастущую коноплю, за кактус на подоконнике вполне можно получить года три.

Ирина Теплинская на виду. Ее хотят скушать, но побаиваются. Обращаются с ней вежливо. С людьми не столь заметными, бывает, разговаривают по-другому. Приведу под конец отнюдь не уникальное письмо, пришедшее на мой сайт[35] правовых консультаций по делам, связанными с наркотиками:

35 hand-help.ru

«Здравствуйте. Решил проконсультироваться у Вас, т.к. попал в подобную ситуацию впервые. На прошлой неделе мы с приятелем нашли сайт с рекламой легальных порошков. Решили попробовать. Связались, перевели деньги через терминал, и нам сбросили адрес, где за номерной табличкой заложена закладка с порошком. Мы подъехали на место, только забрали, как на нас налетели сотрудники в штатском. Жестко вытащили нас из машины, усадили в свою, и повезли в контору. На нашей же машине уехал их сотрудник в неизвестном направлении. Закладка осталась в нашей машине. Надо сказать что никакого обыска, понятых и изъятия на месте не было.

По дороге они увидели какого-то парня и стали гоняться за ним. Поймав его, силой по земле стали тащить к нам в машину. При этом тот парень кричал, привлекая внимание прохожих(дело было в центре города), но те лишь смотрели как на цирк. Заведя нас в кабинет, они принялись жестко избивать парня. Руками, ногами, забили его в угол, где на полу он еще долго лежал. Стоит сказать, что на его крики заходили другие сотрудники, видимо, из других кабинетов, и присоединялись к избивавшим. Мы с приятелем онемели от ужаса и лишь переглядывались, позванивая наручниками. Потом один из этих нелюдей расстегнул ширинку и стал угрожать тому парню, что обоссыт его. Но, видимо, не захотев пачкать пол, просто опустился на четвереньки, и стал плевать в лицо бедолаге. После они переключились на нас. Стали орать в лицо, угрожать что сейчас вы..ут нас шваброй, бить по почкам и печени. Стоит упомянуть, что мой приятель инвалид 2-й группы (нет ноги, протез), благодаря чему его не так долбили, как меня. Один из оперов в это время что-то сосредоточенно писал.

Прошло часа три - стемнело, зашел один из оперов с двумя пакетиками какого-то порошка и спросил у писавшего: "У этого где?" Тот прочитал из своей писанины - в заднем правом кармане

брюк, после чего первый засунул мне пакетик в задний карман джинсов. Я попытался возразить и сразу получил удар в почку. "Стой ровно, не дергайся", - услышал сквозь боль. "А у этого где?" - "В правом боковом" - и второй пакетик оказался в кармане у приятеля.

Ввели понятых. Два молоденьких парня, один с бланшем под глазом. При них у нас извлекли из карманов только что положенное, в чем они и расписались. После чего нас заставляли расписываться в напечатанных ими бумагах, не давая ничего читать. Просто били и вставляли в руку ручку. Конечно мы все подписали. После чего нас повезли на экспертизу, заранее предупредив, чтобы мы сразу сказали что 3 часа назад употребляли кристалиус. Якобы тогда анализы брать не будут и на первый раз на учет не поставят. А если мы так не скажем, возьмут анализы и они не покажут, то нам припишут, что мы брали с целью сбыта, а это уже совсем другой пункт статьи 228, и мы уже не выйдем на свободу.

После всего приятеля, как инвалида, отпустили домой под подписку, а меня отвезли в обезьянник до утра, убедив, что я "нормальный пацан" и в девять утра буду дома. Но в 9 утра меня и приехавшего приятеля повезли на административный суд, где мне дали трое суток по ст. 1-6, а приятелю штраф. Я отсидел в этой душегубке и вышел под подписку позавчера. Сегодня поехал заключил договор с адвокатом, и завтра к 11 утра к следователю поеду уже с ним. Хоть узнаю, что мы там подписали.

А вообще страшно, конечно. Надо упомянуть, что у меня нет судимостей, да и с ментами сталкивался близко только по телевизору. Не хочу жить в этой стране, с такими защитниками законов. Напишите, как быть, что мне грозит за любопытство. Адвоката нанял первого попавшегося в адвокатской конторе. Я далек от всего этого и не знаю, как выбирать. Родители люди небогатые, и я обычный работяга. Может, в этой стране

небогатых людей сразу загонять за проволоку? Слышал по телевизору, что ментам в разы повышают зарплату. Как же они тогда станут на нас смотреть - как на недочеловеков. Помню, в детстве, глядя фильмы про отеч. войну, мы сочувствовали попавшим в гестапо. Так вот, по сравнению с нашей ментовкой гестапо отдыхает. Жду совета. Настроение - жить не хочется. Чувствую себя униженным и оскорбленным. Спасибо если дочитали до конца.»

2011

Читая приговор Таисии Осиповой

Если бы Таисия Осипова была осуждена за пиратство (в сомалийском, а не в компьютерном смысле) или за жестокое отношение к своей корове, говорить об ее деле было бы, наверное, трудней: практики по таким делам нет, так что предмет и специфика доказывания не отработаны. Но Осипова осуждена за наркотики, которые якобы готовилась или покушалась продать.

По статье 228.1 УК (о распространении наркотиков) дел сотни тысяч. Известно, какие нарушения закона при производстве по этим делам типичны, на что в приговоре закрывают глаза кассационные и надзорные инстанции. И какие подходы рекомендует Верховный суд, обеспечивая единство судебной практики, как толкует он уголовный закон по делам о наркотиках, тоже известно. Хотя ВС по существу рассматривает всего 0,5% поступающих надзорных жалоб (остальные отфутболиваются), прошедших через судебно-бюрократическое сито достаточно для того, чтобы его позиция по антинаркотическим делам была ясна. Она сформулирована в сотнях определений уголовной коллегии, десятках постановлений президиума и в специальном постановлении пленума от 15 июня 2006 года № 14. Эти решения воспроизводятся на уровне судов субъектов РФ, так что районные судьи, грамотея, более или менее усваивают волю своей вертикали и пространство лавирования между нею и государственным обвинением. Иными словами, судьи в подавляющем большинстве умеют на относительно законном основании слушать дела и выносить приговоры, не подставляя своих председателей и вместе с тем не портя показатели раскрываемости прокуратуре, полиции, наркоконтролю, где работают их коллеги – супруги, соседи, однокурсники, собутыльники.

Приговор Таисии Осиповой, постановленный судьей Заднепровского районного суда Смоленской области Евгением Николаевичем Дворянчиковым – опытным профессионалом, засудившим массу народа по одной из самых ходовых, конвейерных статей, – это странный приговор. Читаешь его (особенно если знаешь столько дел по наркотикам, что можно читать их с закрытыми глазами) - и не можешь отделаться от мысли, что перед тобой приговор оправдательный. Изложенная в нем позиция защиты выглядит намного убедительней доводов обвинения. Немаловажная часть представленных обвинением доказательств судом мотивированно отклонена (об этом ниже).

Очевидно при этом, что судья Дворянчиков заведомо не готов был оправдать Осипову. И нет нужды объяснять почему. Он поступил так, как обычно поступают зажатые в угол судьи: неправильно квалифицировал вмененные подсудимой деяния, то есть дал требуемый обвинением (или теми, кто стоял за обвинением) срок, обеспечив себе индульгенцию тем, что приговор не сможет устоять по формальным основаниям. Дело рассматривалось судом с обвинительным уклоном, обвиняемая была удалена из судебного заседания при допросе двух основных свидетелей, ходатайства защиты отклонялись, в приговоре намешано много всякой лабуды – все это также основания для его отмены. Главное же, из чего виден заказной характер дела, состоит в такой, казалось бы, технической детали: обвинение было предъявлено по нескольким эпизодам **покушения** на сбыт и гособвинитель в процессе требовал именно такой квалификации - суд же признал Таисию Осипову виновной в **приготовлении** к сбыту.

Как следует из приговора, Осипова трижды продала героин агенту под псевдонимом «Тимченкова» и один раз – триметилфентанил агенту «Звягину». После последней по времени закупки произошло задержание Осиповой, сопровождавшееся

обыском в ее доме, в ходе которого было изъято еще некоторое количество расфасованного героина. Поскольку, как сказано в приговоре, это была проверочная закупка, преступление считается неоконченным, так как в результате закупки запрещенное вещество было изъято из незаконного оборота. Такова позиция Верховного суда, так квалифицируют необозримое множество подобных дел по всей России: сбыт наркотика в ходе проверочной закупки - это покушение на преступление (часть 3 статьи 30 плюс соответствующая часть статьи 228.1 УК в зависимости от количества закупленного)[36].

По статье 30 УК *«приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам»*. Покушением же на преступление по той же статье являются *«умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам»*.

Применительно к распространенной практике, когда после проверочной закупки оставшаяся не сбытой часть изымается в ходе обыска, пленум ВС указал судам: *«В случае когда лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств... в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств или веществ, не образующую крупный или особо крупный размер, все содеянное им*

36 *Прим. 2017.* В 2015 году Пленум ВС РФ изменил свою позицию на прямо противоположную: изъятие наркотиков в ходе проверочной закупки не влияет на квалификацию преступления как оконченного.

подлежит квалификации по части 3 статьи 30 УК РФ и соответствующей части статьи 228.1 УК РФ» (то есть как покушение).

Дворянчиков же осудил Осипову за приготовление к сбыту, никак толком не мотивировав такую переквалификацию. В приговоре говорится только, что *«ответственность за покушение является более строгой, чем ответственность за приготовление к преступлению»* и поэтому суд, *«дабы не ухудшить положение осужденной»*, считает ее действия приготовлением. На фоне назначенного наказания (10 лет лишения свободы) этот аргумент, мягко говоря, не работает.

Изменение квалификации – не ошибка, а заведомая неправильность. Тот же судья Дворянчиков засудил в прошлом году по совершенно таким же фабулам за покушения на сбыт граждан Ковалева (за 4 покушения – 7 лет лишения свободы), Комарова (5 эпизодов – 7 лет), Соколова (5 эпизодов – 6 лет 9 месяцев), Кузмич (2 эпизода – 7 лет), Юсуфову (3 эпизода - 9 лет 3 месяца). Приговоры размещены на сайте Заднепровского суда (приговора Осиповой, к слову сказать, там нет). Так что при более строгой ответственности за покушение, чем за приготовление, Дворянчиков давал за несколько эпизодов покушения меньше, чем получила от него за приготовление Осипова, «положение» которой он не хотел «ухудшить».

С таким же успехом судья Дворянчиков мог бы дать Таисии Осиповой и 20 лет. Ибо, будучи, судя по всему, вменяемым, не мог не понимать, что его приговор будет отменен. Не мог он не видеть и того, что не только квалификация якобы совершенного преступления абсолютно неправильна, но и по существу судить Осипову не за что: доказательств нет, есть оговор.

Так вот, о доказательствах.

Осипова признана виновной в приготовлении к сбыту героина в особо крупном размере (0,36 г + 1,85 г + 1,67 г + «найденные» в ее доме 9,36 г) и в покушении на сбыт триметилфентанила в особо крупном размере (0,8 г). Признана виновной на основании четырех проверочных закупок и обыска в жилище.

Но были ли эти закупки, если:

1) меченых денег не изымалось - кроме одной сомнительного происхождения купюры, найденной в доме при обыске (но об обыске отдельно);

2) видео и аудио фиксация не велась;

3) дактилоскопическая экспертиза пакетиков с наркотиками, якобы приобретенных у Осиповой, не проводилась (по мнению суда, отпечатков пальцев Осиповой там найти бы не удалось, потому что пакетики, в нарушение всех правил, перетрогало множество полицейских).

Суд исключил из доказательственной базы распечатки переговоров, в которых, по версии следствия, Осипова в завуалированной форме договаривалась о продаже наркотиков (суд прослушку исключил, а вот г-жа Латынина на "Эхе Москвы" ссылается на нее как на доказательство). Суд также признал процессуально непригодными результаты опознания Осиповой агентом «Звягиным» (по единственному эпизоду, квалифицированному как покушение на сбыт).

Что же остается? Показания двух засекреченных агентов. Показания сотрудников полиции. Показания понятых, которые якобы видели, как женщина, похожая на Осипову, передавала что-то закупщикам. Привлечение понятых к проверочной закупке как таковой – случай небывалый. Обычно использование их ограничивается удостоверением того, что закупщику были выданы меченые деньги и что он вернулся затем с наркотиком. Торговля же наркотиками обычно происходит без понятых. По приговору же

выходит так, что Осипова не догадалась завести покупателя хотя бы в сени, а демонстративно распределяла пакетики на хорошо обозреваемом крыльце своего дома – к вящему удовольствию понятых, расположившихся за забором, в Третьем переулке Гоголя, где стоит дом Осиповой.

С понятыми вообще интересно, так как их роли исполняли лица со специфической аберрацией зрения. Они видели, как Осипова передавала наркотики (хотя здравый смысл подсказывает, что или они не могли этого видеть, или Осипова не стала бы это делать на виду). Но то, что понятые должны были видеть, - как проходил обыск – они видели очень плохо. Так, они не заметили оказавшегося в доме при обыске внушительных размеров мужчину, знакомого Осиповой, хотя присутствие его отразилось в милицейской видеозаписи и скрыть его не удалось. Этот мужчина, по фамилии Мандрик, был на суде свидетелем защиты, где дал показания о том, как проходил обыск, как *«сотрудники милиции по собственному усмотрению в отсутствие понятых произвольно расхаживали по различным помещениям обыскиваемого жилого дома».* Мандрик также рассказал суду, что милиционеров при обыске было намного больше, чем это отражено в протоколе, в том числе были там и сотрудники центра «Э», обычно не интересующиеся столь обыденными делами. Опять же по словам Мандрика, люди из группы «Э» искали у Осиповой не наркотики, а экстремистские материалы.

Суд не умолчал об этих обстоятельствах (как и о многих других, раскрывающих суть дела), признав факты участия в обыске неучтенных лиц (что по закону недопустимо) и изъятия книг Лимонова (без протокола). Но так как признать обыск незаконным судья не мог (тогда посыпалось бы все дело), то попытался дать этим обстоятельствам оправдание, довольно смешное: дескать, если бы 9 граммов героина, изъятые при обыске, были найдены

сотрудником милиции, не названным в протоколе, такое доказательство было бы недопустимо. Но так как наркотик обнаружил (вот удача) идентифицированный милиционер, никаких проблем нет.

При обыске была найдена еще и 500-рублевая купюра, вроде как меченая. Но суд обходит стороной это выгодное для обвинения обстоятельство, так как объяснить одиночество этой купюры фантазии не хватило даже у судьи Дворянчикова. Ведь по приговору выходит, что последняя закупка непосредственно предшествовала обыску, героин Осипова продала, по приговору, за 3 тысячи рублей, и если даже она успела уничтожить деньги, то почему не все?

И еще о понятых. По странной случайности ими оказались политические противники Осиповой и ее мужа Сергея Фомченкова, одного из лидеров "Другой России". Понятые были «наши» (не наши с вами, а нашисты). Суд не отказал себе в удовольствии осветить и это обстоятельство, указав, что *«общественно-политические убеждения как подсудимой и ее мужа, так и названных свидетелей-понятых, – возможно, и различающиеся между собой, – никак не повлияли на содержание показаний Шерстневой, Казаковой и Семинистовой».*

Так что в сухом остатке – два анонимных свидетеля и несколько непонятно что видевших, не совсем доброкачественных понятых.

Таковы доказательства.

Свой вклад в дело Осиповой внесли, как выяснилось, и Грани.Ру с их неограниченной свободой слова. Именно из "Граней" следствию и суду стало известно об опасности, угрожающей свидетелям обвинения. Насколько можно понять из приговора, в комментариях к одной из статей Фомченкова, размещенной в "Гранях", кто-то сгоряча угрожал нашистке Шерстневой за ее неблагородное поведение. Угрожали понятой Шерстневой, а залегендировали

(говоря милицейским языком) закупщиков, простых российских наркоманов. [37]

2012

37 *Прим. 2017*. Справка из Википедии: «15 февраля 2012 года Смоленский областной суд отправил дело Осиповой на новое рассмотрение в Заднепровский районный суд Смоленска[13]. 28 августа 2012 года Смоленский областной суд приговорил Осипову Таисию к 8 годам лишения свободы в колонии общего режима, признав её виновной в сбыте наркотиков. Причем суд оказался вдвое строже прокурора, который просил дать Осиповой всего 4 года. 28 февраля 2017 года освобождена по УДО.».

Сколько у нас наркоманов

Распоряжением правительства от 4 марта 2013 года № 294-р утверждена государственная программа «Противодействие незаконному обороту наркотиков». Программа рассчитана на 2013-2020 годы и будет реализована силами наркоконтроля «в один этап».

В обосновании программы говорится, что *«общее число лиц, эпизодически и регулярно потребляющих наркотики, достигает 6% населения (8,5 млн человек)»*. Но откуда взята эта цифра?

Называются и другие величины. В научно-практическом комментарии к законодательству в сфере оборота наркотиков (журнал «Российский следователь», 2011, №20) указывается на *«реальное число»* потребителей наркотиков, которое *«по оценкам специалистов ННЦ наркологии Минздравсоцразвития России, сегодня достигает 2,3 млн человек».*Близкие показатели (2,5 млн) приводятся в статье начальника следственного департамента ФСКН Сергея Яковлева (в том же журнале №15 за 2010 год), а также в докладе Совета Федерации о состоянии законодательства за 2009 год.

Между 2,5 и 8,5 млн дистанция огромного размера. Хотя понятно, почему в программе ФСКН наркоманов так много. Чем масштабнее бедствие, тем больше денег можно под него получить. А запрашивается как-никак 212 миллиардов рублей. И проглотить их планируется «в один этап».

Мы это уже проходили. В 2005-2009 годах ФСКН осваивала бюджет аналогичной программы (около 3 миллиардов рублей). Как видно из пояснительной записки к той программе, *«количество лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков, на 1 января 2005 года составило 5,99 млн человек».* Это были данные некоего общероссийского мониторинга наркоситуации, проведенного в

рамках федеральной программы на 2002-2004 годы (так сказать, бабушки нынешней программы). К сожалению, попытки найти описание этого мониторинга, кого и как считали, не увенчались успехом. Почему 5,99 миллиона? Откуда такая точность?

Однако и тогда, невзирая на эти изыскания, Минздравсоцразвития называло свои цифры - 3,5-4 млн потребителей наркотиков.

В программе на 2005-2009 годы в качестве единственной цели было обозначено *«сокращение к 2010 году масштабов незаконного потребления наркотиков в Российской Федерации на 16-20 процентов по сравнению с 2004 годом».*Достичь такого результата было не так уж трудно - ведь снижение на 20 процентов легко поглощалось разницей между двумя официальными оценками количества наркоманов. Поэтому достоверно определить, стало потребителей наркотиков на 16-20% меньше или настолько же больше, невозможно. Так что, чтобы не клеветать зазря, лучше принять на веру: было сказано, что сократится, - значит, сократилобсь. Но каким образом в результате сокращения численности наркоманов их стало 8,5 миллиона - на 2,51 миллиона больше?

2013

Цифирь переходного периода: борьба с наркотиками в зеркале статистики

Судебным департаментом при Верховном Суде опубликованы Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год.

По делам о наркотиках (статьи 228 — 234.1 УК РФ) осуждено в 2016 году 103 671 человек. Из них к реальному лишению свободы 44 395, условное осуждение назначено 36 886 обвиняемым.

Оправдано по делам о наркотиках в 2016 году 38 человек (0.04% по делам данной категории).

По возрастному составу осужденных по статьям 228-234 половину составляют молодые люди до 30 лет: от 18 до 24 лет — 22 018 человек, от 25 до 30 лет — 23 295 человек. Поскольку следующая графа возрастной градации составляет группа от 31 года до 50 лет, молодежное большинство не столь явно, хотя очевидно, что в средневозрастной группе существенно больше «от 31 до 35», чем от «46 до 50».

Продолжается увеличение доли дел, рассмотренных в особым порядке. Из 740 380 обвиняемых по всем статьям УК, дела которых были рассмотрены судом в 2016 году, особый порядок применен в отношении 600 020 человек, что составляет 81%. Из дел о наркотиках особый порядок применялся в отношении 69 597 человек (67% от всех дел этой категории). Поскольку общее число осужденных за наркотики включает и тех кто осужден по этим статьям в совокупности с особо тяжкими преступлениями, а в таком случае особый порядок не применяется, можно сделать вывод, что практически все дела по статье 228 (кроме части 3 — хранение в особо крупном) и большая часть дел по части 1 статьи 228.1 рассматриваются в особом порядке, т. е. при полном согласии

обвиняемого с обвинением, без исследования доказательств. К этому надо добавить 1 463 осужденных за особо тяжкие преступления, связанные с наркотиками, с которыми было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве и чьи дела также рассматривались судом в особом порядке.

Данные о применении судом положений УК, обеспечивающих замену наказания лечением и реабилитацией, таковы: обязательство пройти лечение и реабилитацию при условном осуждении к лишению свободы (статья 73 УК) наложено на 2 493 условно осужденных. Отсрочка исполнения наказания при согласии пройти лечение и реабилитацию (статья 82.1 УК) применена к 69 осужденным. Обязательство пройти лечение и реабилитацию при назначении иных видов наказания возложено на 941 осужденного (статья 72.1 УК). Как и следовало ожидать, отсрочка лишения свободы для лечения и реабилитации практически не работает, поскольку перекрывается условным осуждением, которое суд вправе назначить по преступлениям небольшой тяжести в любом случае, и не только по антинаркотическим статьям. Возможно, в 2017 году число получивших отсрочку немного увеличится в связи с принятием Федерального закона от 28 декабря 2016 года № 491-ФЗ, несколько расширившего сферу применения отсрочки.

Еще о некоторых общих показателях, относящихся ко всем уголовным делам.

По статистике Судебного департамента, мера пресечения в виде заключения под стражу назначена в 2016 году 121 736 подозреваемым и обвиняемым. Отказано по 11 824 ходатайствам следователей об избрании этой меры пресечения (более 9 % отказов). Ходатайства же обвинения о продлении содержания под стражей поддерживаются судом почти всегда: из 228 276 ходатайств о продлении удовлетворено 223 306. Отказано только по 3 578

ходатайствам. А значит, поддержка следствия судами при продлении содержания в СИЗО составляет почти 98%. Но надо учитывать, что это число принятых постановлений о продлении, а не обвиняемых, которым продлено; по одному подследственному за год бывает несколько продлений. Домашний арест избирался только 6 056 обвиняемым.

Есть сведения о рассмотрении судьями ходатайств оперативных органов о проведении ОРМ, на которые необходимо разрешение суда. Так в 2016 году удовлетворено 607 052 ходатайства о контроле переговоров, переписки и иных сообщений (из 609 989 поданных органами), отказано в 1 539. Поражает даже не почти стопроцентная судебная поддержка, а тотальность прослушивания. Очевидно, что при таких масштабах контроля суд выдает разрешения автоматически, как билеты на каток.

Показательны и показатели рассмотрения жалоб на допущенные следствием нарушения прав обвиняемого (судебный контроль на досудебной стадии в порядке статьи 125 УПК). За год подано 122 332 жалобы, удовлетворено 5 217, отказ в 12 580 жалобах. 104 525 жалоб просто оставлены без ответа.

Сроки лишения свободы по антинаркотическим статьям достаточно велики. Так, в 2016 году приговорено к наказанию от 3 до 5 лет 14 256 осужденных, от 5 до 8 лет — 6 741, от 8 до 10 лет — 4 663, от 10 до 15 лет — 3 782. Это сопоставимо со структурой наказаний за убийства и другие преступления против личности (из 110 428 осужденных за убийства и другие насильственные преступления наиболее строгие наказания назначены: от 8 до 10 лет — 4 860, от 10 до 15 лет — 2 197; как видим, последнее число даже существенно меньше числа осужденных на срок от 10 до 15 за наркотики). Из наказаний, не связанных с лишением свободы, чаще всего применяется штраф — 12 221 (в качестве основного вида наказания), затем идут обязательные работы — 5 176,

исправительные работы — 2 305, ограничение свободы («браслет») — 1 615.

Отдельные показатели судимости за 2016 год (сравнительно к 2009 и 2015 гг.)

№	состав преступления	осуждено человек в 2016	осуждено человек в 2015	осуждено человек в 2009
1	По всем статьям Особенной части УК РФ	740380	733607	892361
2	По статьям 228 — 234 УК	103671	116371	105415
3	По статье 228 УК	87188	97464	79436
4	Только по части 2 статьи 228 УК (приобретение и хранение в крупном размере)	40039	47944	26539
5	По статье 228.1 УК (сбыт)	24736	25421	42529

Примечания к таблице.

1. Сумма статей 228, 228.1 превышает общее число осужденных по антинаркотическим статьям, поскольку один осужденный может быть осужденным по нескольким статьям.

2. В статистических сведениях за 2016 год к антинаркотическим статьям добавлена статья 234.1 (оборот новых потенцильно опасных

психоактивных веществ). Данная статья действует, но не применяется, в связи с нежеланием ответственных органов признать, что под названными веществами подразумеваются «спайсы», относимые органами к производным наркотических средств.

О некоторых соотношениях, показывающих динамику.

После ликвидации ФСКН - на 13 тысяч человек меньше осуждено за наркотики. И это при том, что ФСКН работала первые три месяца 2016 года, и после ее ликвидации 5 апреля 2016 года еще продолжали расследоваться и рассматриваться судами дела, возбужденные и начатые расследованием ФСКН. Резкий спад «борьбы» стал заметен в последний квартал 2016 года. Но пока рано говорить о сокращении уголовного преследования.

В 2009 году в Россию пришла волна синтетических веществ, называемых «спайсами», которые за год-два захватили рынок психоактивных веществ. Объясняется популярность спайсов прежде всего их якобы легальностью. Когда первые партии «легальных наркотиков» были внесены в перечень наркотических средств, на их месте появились и затем продолжали появляться модифицированные другие, формально — по химической формуле — в списки наркотиков не включенные. Здесь-то ФСКН и добилась включения в перечень наркотиков в дополнение к уже названным там спайсам слов «и их производные». Таковыми стали признаваться практически все так называемые «дизайнерские наркотики», за которые стали с энтузиазмом судить и сажать. Прекрасно все это понимая, руководство ФСКН для публики продолжало уверять, что у них «связаны руки», что они не могут преследовать за вещества, не именованные в перечне. Однако умалчивали, что и со «связанными руками» сажают доверчивых покупателей «легальных» спайсов десятками тысяч. А так как размеры для «списочных» спайсов были установлены микроскопические (0, 05 грамма - значительный

размер, 0, 25 грамма — крупный размер), и к тому же определяются размеры не по активному веществу, а по весу всей смеси с нейтральными наполнителями, то приобретение практически любого минимального веса оказывалось в лучшем случае уже значительным размером, а зачастую — крупным. Последнее — тяжкое преступление: приобретение наркотиков в крупном размере без цели сбыта, от 3 до 10 лет лишения свободы.

Этим объясняется переворот статистических показателей, которые красноречиво свидетельствуют о сущностной подмене: ответственность за приобретение и сбыт поменялись местами.

Этому есть несколько причин.

И то, что часть 2 статьи 228, как и вся статья 228.1 - это преступления, которые квалифицируются как тяжкие и особо тяжкие. Именно тяжкими и особо тяжкими определяется эффективность борьбы с наркотиками. Покупателей можно брать голыми руками, а показатели отчетности те же.

И то, что распространение наркотиков вообще (тех же спайсов и прочих) становится с каждым годом все более дистанционным. Место традиционной проверочной закупки, когда брали вроде бы продавца, теперь занимает контрольная поставка, и берут уже покупателя. Закладка вместо закупки.

Именно часть 2 статьи 228 является инструментом криминализации потребителей.

2017

Все проще и проще

МВД сообщило о подготовке законопроекта об упрощенной форме расследования преступлений небольшой и средней тяжести, в том числе без согласия обвиняемого с предъявленным обвинением[38].

Дознание в упрощенной форме есть и сегодня, но оно возможно только при согласии обвиняемого и полном признании им своей вины. К тому же дознание в упрощенной форме производится лишь по преступлениям, по которым не предусмотрено следствие, то есть в основном по статьям о преступлениях небольшой тяжести и некоторых средней тяжести.

Хорошего в дальнейшем упрощении уголовного процесса ничего нет. Даже нынешнее дознание в сокращенной форме - процедура отнюдь не безупречная, пусть и при условии согласия обвиняемого.

Вообще любые вариации на тему досудебных и особенно судебных сделок не имеют ничего общего с правосудием. Это худшее, что было нами заимствовано у американского судопроизводства. Ни экономия времени всех участников процесса, ни разгрузка судов не могут быть оправданием упрощенных процедур. И то, что таково повсеместное веяние, не делает квазисудебный порядок лучше. Разгрузка следователей и судей допустима только одним путем - через сокращение числа расследуемых и рассматриваемых уголовных дел. Уголовно-правовой инструментарий должен использоваться в исключительных случаях и с особой осторожностью. Формальных признаков преступления при отсутствии ощутимого вреда не должно быть достаточно для возбуждения уголовного дела, а возбужденные

38 *Прим. 2017*. Подготовленный МВД законопроект, о котором говорится в этой заметке, стал Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ.

уголовные дела после проверки могут тем или иным образом прекращаться: вследствие примирения обвиняемого с потерпевшим, на основании малозначительности содеянного, перенесением конфликта в гражданско-правовую сферу.

Между тем сегодня в особом порядке рассматривается около 65% общего числа уголовных дел[39] - и это при том, что на особо тяжкие преступления особый порядок распространяется пока лишь по небольшой части дел, при расследовании которых заключено досудебное соглашение с обвиняемым.

Печально, что наша правоохранительно-судебная система вынуждает всех, включая правозащитников, радоваться наличию особого порядка, дающего заключенному обвиняемому хоть малое, но облегчение - которое заключается не в том, что сделка влечет смягчение наказания (пока ее не было, сроки были не больше), а лишь в том, что человек отправляется в колонию без длительного маринования в СИЗО. Более того - сделка вредна, так как повышает "человекоемкость" уголовной машины-конвейера: упрощенный, то есть убыстренный порядок производства позволяет осудить за день не одного, а полтора десятка человек.

Стоит сейчас припомнить этапы появления в УПК особых порядков. Интересующиеся могут почитать давнюю стенограмму обсуждения этого вопроса в Думе при рассмотрения проекта УПК во втором чтении. Сделку отстаивали Елена Мизулина (на трибуне) и Александр Котенков как представитель президента. Против сделки были фракция СПС (выступал Виктор Похмелкин) и КПРФ (Виктор Илюхин), а также многие из "Российских регионов" и независимых. Глава УПК о сделке прошла лишь с третьей попытки голосования, и

39 *Прим. 2017*. Доля уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, то есть в отношении которых правосудие не осуществляется, за год повысилась до 66,5%, как это значится в статистике Судебного департамента.

то после того как представитель президента предложил ограничить особый порядок только делами о преступлениях, влекущих за собой не более 3 лет лишения свободы. Не прошло и полгода, как предел увеличился до 5 лет, а через год - до 10, что и сохраняется по сей день. Но уже на горизонте маячит законопроект о разрешении сделок по статьям с наказанием до 15 лет. Правда, он, слава богу, еще год назад застрял перед вторым чтением.

Через несколько лет появилось досудебное соглашение о сотрудничестве, еще более губительное для правосудия. Особая опасность такого порядка не только в том, что показания одного обвиняемого по многофигурному делу топят всех прочих. Еще хуже то, что дело в отношении пошедшего на сотрудничество обвиняемого зачастую выделяется в отдельное производство, штампуется судом в особом порядке и покрывается статьей 90 УПК «Преюдиция». А в этой статье сказано, что обстоятельства, установленные вступившим в силу приговором суда признаются последующими судами без дополнительной проверки. И хотя в той же статье 90 оговаривается, что такая преюдиция не влечет за собой признания виновными иных лиц, не участвовавших в первом (выделенном) деле, это для них мало что меняет: если приговором, основанным на сделке, признано, к примеру, совершение изнасилования и убийства тремя лицами, одни из которых пошел на сделку, а двое других заявляют о своем неучастии, то эти двое, конечно, в приговоре первого лица не называются, зато считается установленным само событие преступления: что осужденный отдельно Иванов и двое других лиц совершили изнасилование и убийство, а труп, скажем, утопили в реке. Бывают случаи, что убитая является потом домой сухой и невредимой (как это было по известному делу Михеева в Нижнем Новгороде), однако далеко не всегда все оканчивается так относительно благополучно.

Упрощать судопроизводство ради уменьшения скученности в СИЗО - то же, что строить новые тюрьмы, увеличивая число посадочных мест. Улучшать условия в следственных изоляторах надо, но не строя дополнительные СИЗО, а закрывая старые. Пора прекратить удобные следствию, но необоснованные аресты - есть и другие, в большинстве случаев достаточные меры пресечения. Заключение под стражу по-прежнему применяется чрезмерно широко и на слишком долгое время, хотя о недопустимости такой практики давно высказались и ЕСПЧ, и Конституционный, в Верховный суды. Злоупотребление досудебным арестом находится в прямой связи с особым порядком слушания дела судом: посидев в СИЗО, человек, виновен он или нет, охотнее соглашается на сделку.

2015

Макоконтроль

27 января 2015 года дело Шиловых, Зелениной и других («маковое дело») было возвращено прокурору Брянским областным судом.

Каждый из сотен тысяч российских предпринимателей, продающий сегодня пищевой (кондитерский) мак, оптом или в розницу, поставлен под угрозу уголовного преследования за сбыт наркотиков, якобы замаскированных под видом невинного продукта питания.

Семена мака не обладают наркотическим или иным психоактивным действием и поэтому не признаются наркотическим средством. Однако при исследовании высокочувствительной аппаратурой экстракта семян мака даже самой высокой степени очистки всегда выявляются в ничтожных количествах наркотически активные алкалоиды опия (морфин, кодеин, тебаин). Иногда на семенах мака судебные эксперты обнаруживают неотделяемые микронаслоения млечного сока (опия), находят среди них в качестве естественной примеси микрочастицы коробочек. Абсолютная, вплоть до удаления наночастиц, очистка пищевого мака при его промышленном производстве невозможна, да и не требуется.

В РФ никакие сорта мака не возделываются. Весь находящийся в продаже мак является импортным. Поэтому импортеры мака вдобавок к преследованию за сбыт привлекаются к уголовной ответственности за контрабанду наркотиков.

Сбыт и контрабанда наркотиков - особо тяжкие преступления, наказуемые вплоть до пожизненного лишения свободы. За сбыт в особо крупном размере минимальный срок - 15 лет. А мак ведь ввозится вагонами.

Ситуация парадоксальна. Один и тот же объект одновременно предстает в двух несовместимых качествах. Законопослушными гражданами кондитерский мак используется только как пищевой продукт. С этой стороны он оценивается таможенными и санитарными правилами, техническими регламентами, целью которых является безопасность продуктов для здоровья. С такой позиции подходят к пищевому маку Минсельхоз, Минздрав, Роспотребнадзор. Эти ведомства качество шиловского мака вполне устраивало.

Одновременно тот же самый продукт, не вызывающий претензий гражданских ведомств, рассматривается наркоконтролем как наркотик. Отсюда многофигурные уголовные дела, как, например, это самое дело Шилова, одного из импортеров мака, и организованного им «преступного сообщества» из 13 человек. Дело разветвленное, в сотнях томов, одно обвинительное заключение составляет 139 901 страницу (это не опечатка, именно шестизначное число). В одном из вменяемых эпизодов в 42 тоннах мака эксперт насчитал 295 грамм морфина, что соответствует 0,00069%. По мнению следователей, это доказывает вину Шилова, а по мнению специалистов - свидетельствует о высокой степени очистки мака.

Проблема нецелевого использования наркоманами плохо очищенного пищевого мака действительно есть. Но, как доказывает экспертиза Минюста, нельзя получить наркотическое средство из мака, импортированного Шиловым, по способу, описанному наркоманами. В прежние годы в Россию попадало немало плохо очищенного мака с высоким содержанием сорной органической примеси. Известны и случаи подмешивания в семена мака маковой соломы с последующей реализацией под видом пищевой продукции. Необходимость пресечения подобных действий очевидна. Но если к таким специфическим «точкам» выстраивались очереди наркоманов, то никакого ажиотажа свободно продающийся в любом продуктовом

магазине пищевой мак не вызывает, хотя в нем с лабораторной точки зрения есть и маковая солома, и следы опия, и опийные алкалоиды.

По другому эпизоду Шилов и его дистрибьюторы обвиняются в покушении на сбыт пищевого мака, в 750 килограммах которого содержится 22 грамма маковой соломы. Следствие пытается убедить суд, что конечные потребители - наркоманы покупали мак ради содержащихся в 1 килограмме 0,029 г мусора.

Для того чтобы в России продавался мак, пользующийся популярностью у кондитеров и потребителей кондитерских изделий, а не у наркоманов, и чтобы к ответственности привлекались продавцы сырья для производства наркотиков, а не любые попавшиеся под руку бакалейщики, в ГОСТе «Мак пищевой» должны быть установлены допустимые в пищевом маке количества наркотических алкалоидов, соответствующие принятым в большинстве стран критериям.

Эта не столь сложная проблема, конечно, подлежит правовому урегулированию. Но ФСКН занимает по ней неконструктивную позицию, фактически блокируя любые попытки юридически корректного решения. Заявляя, что маковая солома и опий (морфин, кодеин и тебаин в них содержащиеся) в любом случае запрещены в свободном обороте, независимо от их количества, и не отрицая в то же время легальность пищевого мака, ФСКН по сути держится за коррупционную схему: один и тот же мак может спокойно продаваться в одном магазине и изыматься группой захвата наркоконтроля - в другом.

Многие предприниматели осуждены на значительные сроки за импорт и реализацию нормального пищевого мака. Так, Роман Дементьев и Роман Пронякин приговорены за оптовую торговлю пищевым маком к 13 и 10 годам. Дважды выносился Армавирским городским судом оправдательный приговор в отношении супругов Болдыревых, владельцев бакалейного магазина (где продавался

расфасованный в Москве кондитерский мак), и дважды приговоры отменялись Краснодарским краевым судом по представлению прокуратуры. В настоящее время третий состав суда вернул дело на доследование, но не освободил из под стражи дважды оправданного Болдырева.

И Брянский областной суд, хотя и вернул дело прокурору, не осмелился при этом освободить пятерых обвиняемых, не первый год содержащихся в СИЗО, в том числе сына Шилова.

Следствие по делу Шилова велось в Москве. С переносом рассмотрения дела в Брянск (по месту нахождения таможни) обвинение рассчитывало снизить общественный резонанс, сбить информационную волну. Но, похоже, прогадало. Судьи в провинции зачастую независимее московских. Шилов и прочие запросили суда присяжных. И отказать им в этом нельзя, так как статья предусматривает пожизненное лишение свободы. Город сравнительно небольшой, все друг друга знают, присяжные на виду и должны решать по совести.

ФСКН перестаралась. Почти 300 свидетелей обвинения, грузовики материалов дела. А ведь суд должен все это исследовать, всех допросить. В лучшем случае это года на полтора. Да и скамья присяжных может не выдержать и распасться. Тогда все сначала.

К «преступному сообществу» Шилова пришпилено и дело Ольги Зелениной, заведующей химико-аналитической лабораторией Пензенского НИИ сельского хозяйства. Зелениной вменяют авторство заключения специалиста, в котором была критически оценена ведомственная экспертиза арестованного мака. Для дискредитации научно обоснованного заключения Зеленину облыжно обвинили в пособничестве наркоторговцам. Если это дело вернется в суд[40], не увидят ли присяжные за тысячей томов

40 *Прим. 2017.* Дело таки вернулось в Брянск. И рассматривается по существу областным судом с участием присяжных заседателей.

материалов и сотнями свидетелей, для чего на самом деле нагромождена машинерия этого театра абсурда? Явно не для того, чтобы доказать мнимую опасность пищевого мака и защитить общество от наркотиков: ведь для этого следовало бы просто запретить пищевой мак, раз он так опасен. Цель, похоже, одна - показать, кто здесь главный: не здравый смысл, не закон, а человек с ружьем.

2015

Кончается 2017 год, а конца процессу не видно.

Отказ от освидетельствования приравнен к потреблению наркотиков[41]

Введена административная ответственность за «невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения гражданином, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он потребил наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества». Такое дополнение внесено в статью 6.9 КоАП. Таким образом, ответственность за отказ от освидетельствования приравнена к ответственности за потребление наркотиков и наказывается штрафом от 4 до 5 тысяч рублей или административным арестом на срок до 15 суток. Аналогичные положения добавлены в статью 20.20 КоАП (о потреблении наркотиков а общественных местах).

Это дополнение «закопано» в закон под камуфляжным названием. Так называются теперь многие законы, подобно тому, как в СССР назывались секретные оборонные производства - «п/я» (почтовый ящик). Остальные полтора десятка статей закона содержат вполне разумные нормы, устанавливающие или уточняющие проведение освидетельствования работников воздушного, водного, железнодорожного транспорта, частных охранников и лиц, деятельность которых связана с законным ношением оружия.

Наделение полиции и наркополиции правом не только доставлять

41 Федеральный закон от 13.07.2015 N 230-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

граждан на медицинское освидетельствование, но и фактически требовать его прохождения, а в случае отказа составлять протокол об административном правонарушении угрожает массовыми нарушениями личной свободы и неприкосновенности. Прохождение освидетельствования по требованию (нарко)полицейского становится обязанностью гражданина. Достаточность оснований определяет полицейский. Из чего складывается «достаточность», нигде не определено.

Практически это означает, что направление на обязательное (по сути) освидетельствование приравнено — по основаниям для его применения — к проверке документов. Проверять документы полиция также вправе при наличии «достаточных оснований полагать». Как это происходит в реальности, знает каждый. Это полномочие полиции часто мотивируется желудочными соображениями: «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Конечно, закон, строго говоря, права на произвольные проверки не дает. Во всяком случае статья 13 закона «О полиции» в системном единстве со статьями 19.1 и 28.1 КоАП такого права не порождает. Но это приходится доказывать потом, после проверки, в суде, и то с переменным успехом быть услышанным.

Как будет применяться право направлять на освидетельствование - не трудно представить, вообразив человека, спешащего на поезд и натолкнувшегося на «достаточные основания».

Новая норма расплывчата и двусмысленна буквально в каждом своем слове. Какие требования пройти освидетельствование можно считать законными? Какие именно должностные лица понимаются под «уполномоченными» проводить освидетельствование? Как соотносится это полномочие полиции с тем, что медицинское освидетельствование, в отличие от проверки документов, осуществляется все же медицинскими работниками? Порождает ли обязанность гражданина пройти освидетельствование обязанность

врача его проводить? Если да, то с каких пор и по какому закону врачи в своей профессиональной деятельности подчинены полиции и наркоконтролю?

И все же надо знать, что противоядие этой неправовой норме есть. Потребление наркотиков — административное правонарушение. Подозреваемым можно быть в совершении только преступления. В совершении правонарушения подозреваемых быть не может. Дело об административном правонарушении может быть возбуждено при наличии повода, каковым в соответствии со статьей 28.1 КоАП является «непосредственное обнаружение должностным лицом достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения».

Новый закон говорит о законном требовании должностного лица. Поскольку привлечь к ответственности за потребление наркотиков можно только по КоАП, должны быть соблюдены процессуальные требования, установленные КоАП. С недавнего времени в КоАП есть статья 27.12.1 «Медицинское освидетельствование на состояние опьянения». По этой статье на освидетельсвование могут быть направлены лица, «в отношении которых могут быть достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения». Таким образом действие статьи 6.9 в части ответственности за отказ от освидетельствование применимо именно в отношении находящихся в опьянении, а не всех тех, в организме которых могут быть обнаружены следы наркотических средств. Порядок направления на освидетельствование, согласно статье 27.12.1 КоАП устанавливается Правительством. Которое Постановлением от 23 января 2015 года № 37 утвердило Правила направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения. Как следует из этого документа «критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии

опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, устанавливаются» Минздравом. Соответственно сотрудник полиции или наркоконтроля должен знать эти критерии и направить на освидетельствование вправе, только указав в протоколе на соответствующие признаки.

2015

А не стерилизовать ли всех?

Принят и через 90 дней вступит в силу закон, который МВД мечтало протащить лет двадцать: закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Причем принят в наихудшем виде: все, что можно было (т. е. нельзя было) туда впихнуть антиконституционного — впихнули. Да и сам замысел, сама концепция этого закона не согласуется с Конституцией.

Есть сильно пополневший УК с УПК, и по ним — подозреваемые, обвиняемые, осужденные; есть КоАП, до невозможности раздутый, и привлекаемые по нему за административные правонарушения. Есть дополнительное, по сути еще одно наказание для отбывших лишение свободы — административный надзор. Но этого показалось мало.

Мерам принуждения теперь будут подвергаться «*склонные к совершению правонарушений*» — без вины виноватые. Привлекать их будут за «*антиобщественное поведение*». Под таковым понимается, по этому закону, «*не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц*». Извините, а где можно узнать, что такое нормы поведения и морали? Только не надо про скрижали Моисеевы и Нагорную проповедь, они в порядке. А вот попробуйте объяснить, за нарушение каких норм предусмотрена индивидуальная профилактика, осуществляемая, в том числе, в форме *профилактических бесед, профилактического учета, профилактического надзора*, «*объявления официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия*

для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения».

Оно и правильно, - скажут нам в Думе. - Лучше перебдеть, чем недобдеть.

А так как поле борьбы со злом совпадает с границами РФ и даже захватывает чужие пределы, то у полиции, ФСБ и других органов, рук хватать всех, конечно, не хватает. Поэтому в помощь профессиональным правоохранителям закон о профилактике предусматривает появление неких «*лиц, участвующих в профилактике правонарушений*», которые «*посредством добровольного участия в мероприятиях по охране общественного порядка и других социально значимых мероприятиях*» будут профилактировать оставшуюся часть населения.

Ключевое слово в законе о профилактике — выявление. Выявлять будут всех «*намеревающихся совершить правонарушение*». И всех «*склонных к совершению правонарушений*» (не путать с намеревающимися), и тех, чье поведение «*носит противоправный или антиобщественный характер*». А также, заодно, «*пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми*» (эти, правда, будут подвергаться профилактике добровольно).

Помимо «выявления лиц», ставится задача «*выявления и устранения причин и условий, способствующих антиобщественному поведению*». Впрочем, причины эти и условия уже выявлены, благодаря трудам тов. Мамонтова, Соловьева, Киселева, Доренко и пр. Как выявили эти господа, причины возникновения «*условий*» - «так называемые права человека». «*Условия*» же - это гражданские свободы, политические права, Конституция нашей страны, защищающая права и свободы как высшую ценность, а также историки-вредители, Обама, Меркель и Лев Толстой.

Это бессмысленный, тупо репрессивный закон. Маниакальное стремление все запретить, всех наказать, привело к тому, что даже помоечный законопроект, отвергнутый пятью предыдущими Думами, стал сегодня законом. Такие меры профилактики недопустимы ни при каких условиях, даже чрезвычайного положения. Да, Конституция допускает ограничение прав и свобод в целях защиты нравственности. Но это может быть только необходимое в демократическом обществе ограниченное ограничение, иначе будет Северная Корея, где профилактика действительно находится на высоте, вплоть до запрета занавешивать окна.

До сего дня против инакомыслия, инакодействия, инаковерия использовался закон об экстремизме, тоже совершенно неправовой. Но какое-никакое, определение экстремизма в нем есть. И хотя по этому определению можно в полпинка запретить Библию и Гомера, но применить его, например, к посещению концерта Макаревича или к незнанию наизусть сталинско-путинского гимна проблематично. Пытаются, конечно, но чего-то не хватает. Закон о профилактике заполнил этот пробел.

Еще раз: под «антиобщественным поведением» можно понимать все что угодно. «Нормы поведения и морали» нигде пока не опубликованы для всеобщего ознакомления. Они, хотя и называются «общепринятыми», понимаются гражданами по-разному. Поди разбери, что сегодня морально... Тем более с полицейской точки зрения. Новый закон, конечно, предусматривает на этот случай проведение «*профилактических бесед» - «разъяснения лицу … его моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, социальных и правовых последствий продолжения антиобщественного поведения*». Правда, у «объекта профилактики» нет пока обязанности беседовать с «субъектом профилактики». Это будет не беседа, а монолог.

Но, если беседа не повлияла, следующим этапом профилактики закон называет «*объявление официального предостережения о недопустимости действий*...». По закону предостережение - «*обязательное для исполнения требование*». Если гражданин не понимает, не исполняет требования, его «*лицо… может быть привлечено к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации*». Дальше пока ничего не следует. Ответственности за антиобщественное поведение пока нет, не написали.

Но дурное дело нехитрое. Есть обязанность, значит неисполнение ее вопиет о наказании. Как же иначе? Человек не признает себя склонным к совершению преступления, говорит, что не намеревался ничего совершать! И тогда преступлением будет признаваться сокрытие желания его совершать. Так что лучше уж сразу разоружиться перед партией и в несодеянном раскаяться.

2016

Чужие здесь не ходят по судам

Не уверен насчет благих намерений, но уж благими бла-бла-бла дорога в ад выложена наверняка. Это для красного словца «хотели как лучше». Хотели как всегда - и вышло как всегда, или еще хуже.

В Думу внесен законопроект «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты», запрещающий быть представителями в суде гражданам, не имеющим высшего юридического образования. Внесен из самых, по словам авторов, благих побуждений. Только слабо верится в искренность заботы о гражданах, лишенных квалифицированной юридической помощи.

Полный запрет представительства в суде для всех, кроме юристов, уже имеется с 2015 года в Кодексе административного судопроизводства (КАС), регулирующем судопроизводство по делам о так называемых публичных правоотношениях (по КАСу рассматриваются теперь споры между гражданами и государством, обжалуются нормативные акты и пр.). То же предлагается теперь распространить на все гражданские дела и на производства по административным правонарушениям, то есть на ГПК (его оставшуюся после выделения КАС части) и КоАП.

Действительно, Конституция гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Но нигде в ней не говорится об обязанности эту помощь получать. Государство обязано обеспечить право для тех, кто желает им воспользоваться. Если же истец или ответчик в гражданском споре хочет, чтобы его интересы представлял дядя Петя с высшим космическим или физкультурным образованием, или вовсе без какого-либо высшего, - это на сегодняшний день свободно решает сам истец или ответчик, и

всегда так было с незапамятных советских и досоветских времен. Теперь же этому намерены положить конец.

При этом бесплатных квалифицированных услуг по гражданским делам как не было, так и не будет, законодатель не предусматривает. Пока законопроект не принят, любой прикованный к креслу инвалид вправе иметь представителем в суде родственника, друга. Лишая его такой возможности, государство вообще лишает его доступа к правосудию.

Не лучше и с КоАП. Старушка, например, которую обокрали. Сегодня по делу о мелком хищении (до 1000 рублей) представителем потерпевшей может быть любое лицо. Завтра, если проект поддержат, представителя у старушки не будет вообще.

Такая стерилизация ГПК и КоАП неизменно повлечет «приведение в соответствие» и уголовного процесса. До 2002 года по УПК РСФСР защитником мог быть любой человек по выбору обвиняемого. В действующем УПК удалось сохранить общественного защитника только «наряду с адвокатом», а по делам, рассматриваемым мировыми судьями — и без адвоката. Если по КоАП смогут выступать только юристы, общественных защитников не будет и по УПК, так как потребность в квалифицированной помощи обвиняемых в преступлениях выше, чем привлеченных за проступки. УПК поправить нынешней Думе — глазом не моргнуть. А следом неизменно возникнет вопрос о праве обвиняемого на отказ от защитника вообще, если обвиняемый не имеет высшего юридического образования. Чтобы защитить его «право на квалифицированную помощь», к нему будет приставлен адвокат по назначению, превращенный в «адвоката по принуждению». Собственно, сейчас так и есть, кроме дел по особо тяжким преступлениям, да и то не по всем.

Суть в том, что более 65 % уголовных дел рассматривается сейчас в особом порядке: обвиняемый признает вину, судебное

следствие не проводится, обсуждается только размер наказания, но участие адвоката обязательно. Эта имитация судопроизводства устраивает всех, включая обвиняемого. Прокурору не надо ничего доказывать, суд не забивает себе голову материалами дела, а адвокат «присутствует», как понятой. И тут без разницы, по соглашению или по назначению работает адвокат.

Изгнание из суда не-юристов — одно из последних звеньев в процессе бюрократизации суда. Плохо это не только тем, что прямо бьет по тем, чьим правом на юридическую помощь эти поправки мотивированы. Это удар по правосудию в целом. Суд — это институт гражданского общества, призван быть таковым. С элементами государственности — но гражданский институт. Между тем в России с начала 2000-х идет планомерное сокращение гражданского участия в судопроизводстве, каковое гарантировано статьей 32 Конституции: «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия». По очень небольшой части уголовных дел действует у нас суд присяжных, буквально по нескольким статьям. И это все. Все прочие уголовные дела рассматриваются судьей единолично. Есть еще право на рассмотрение ряда дел коллегией из трех профессиональных судей (профессиональный судья в кубе). По гражданским же делам — одни профессионалы в гордом одиночестве, совещающиеся сами с собой «на месте», по инерции. А между тем именно гражданский процесс является основным видом судопроизводства, уголовный же - это специальная и исключительная форма суда.

Народных заседателей истребили полностью, под традиционную песенку о «кивалах». Тогда как время «кивал» (но не народных заседателей!), в начале 2000-х уходило в прошлое: был принят хороший закон о народных заседателях, по которому выбирать их должны были путем случайной выборки, как присяжных (а не как в Союзе - ветеранов труда на партсобраниях, таких, которые всю

жизнь кивали). Из ГПК и УПК удалили представителей общественности, трудовых коллективов, отказались от поручительства общественной организации как одной из мер пресечения, альтернативных лишению свободы. Суды стали закрытыми. Войти в помещение арбитражного суда в большинстве регионов разрешается только сторонам по делу. Да и в прочие суды часто не пускают, требуют назвать, по какому именно делу человек пришел в суд. Теперь вот добрались до представителей. Скоро без юридического образования в суд и пускать перестанут. А по Конституции ведь разбирательство дел во всех судах открытое.

Внес законопроект депутат Павел Крашенинников с несколькими другими членами возглавляемого им комитета по государственному строительству и законодательству. Депутат Крашенинников — бывший министр юстиции, пришел в Думу в 2000 году как член СПС. Когда же, начиная с четвертой Думы, демократических фракций не стало, он прочно осел в Единой России. Кстати, и народных заседателей в 2002 году из ГПК выкинул он, уже после того, как рабочая группа нового ГПК решила заседателей оставить. Добившись возвращения проекта к процедуре второго чтения, Крашенинников закопал в большую кучу технических поправок маленькую, в одну строчку, поправку — статью такую-то исключить... Никто не возражал, против не голосовал, принимали в спешке, в последний день перед каникулами, никто поправки не сверял, о чем, дескать, эта статья... А в сентябре они проснулись — ведь многие были за сохранение заседателей — а уже на дворе новый ГПК, без заседателей. Дума голосовала единогласно. Не хотелось бы, чтобы с представительством в суде повторилась та же история.

2017

раздел третий
Производные: производное произвола
хроника

февраль 2015

Смеси в двух измерениях

Принят федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» - так называемый «закон о спайсах».

По новому закону некие вещества могут быть временно, на срок до двух лет, включены в создаваемый реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, их свободный оборот запрещается. Решение о включении в реестр принимает ФСКН. Затем либо «потенциально опасные» переносятся правительством в перечень наркотиков, либо ФСКН исключает их из реестра.

Какие именно вещества подлежат внесению в реестр? В реестр, согласно дополнениям в закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», «*включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом*». При этом для включения в реестр должны иметься сведения о фактах потребления вещества, «*которые должны быть подтверждены результатами медицинского освидетельствования лиц, находящихся под воздействием этого вещества*». Условием попадания в реестр являются, таким образом, как минимум два медицинских случая.

За оборот новых психоактивных веществ, включенных в реестр, устанавливается ответственность, но менее строгая, чем за сбыт наркотиков. Уголовно наказуем только сбыт новых веществ и действия, совершаемые в целях сбыта. Приобретение, хранение, изготовление для собственного употребления не наказуемы ни уголовно, ни административно, независимо от количества вещества. За сбыт новых веществ предусмотрено уголовное наказание, не связанное с лишением свободы, если эти деяния совершены не в группе и не повлекли тяжкого вреда здоровью или смерти потребителя (это часть первая статьи 234.1 УК, санкции - штраф от 5 000 до 30 000 рублей либо ограничение свободы до 2 лет). Если распространение вещества осуществлялось группой лиц по предварительному сговору или нанесло тяжкий вред здоровью, наказание предусмотрено в виде штрафа, обязательных или принудительных работ либо лишения свободы от 2 месяцев до 6 лет (часть вторая). При организованной группе, а также при наступлении смерти человека наказание - лишение свободы до 8 лет (часть третья).

Хотя приобретение и хранение сами по себе не наказуемы, за потребление веществ, включенных в реестр, введена административная ответственность такая же, как за потребление наркотиков: штраф от 4 до 5 тысяч рублей либо административный арест до 15 суток. Как и в связи с потреблением наркотиков, человек освобождается от ответственности за потребление новых веществ при согласии пройти лечение и реабилитацию и также отвечает по статье 6.9.1 КоАП за уклонение от лечения.

Все это было бы относительно разумно, но при одном условии: если бы существовали хоть какие-то более или менее распространенные вещества, определенно подлежащие включению в реестр.

Как? А спайсы? Курительные смеси? Из-за них-то ведь и принимался в сверхсрочном режиме этот закон, и депутат Яровая, как Жанна д'Арк, призывала к спасению гибнущей нации.

И в самом деле, опасные курительные смеси получили широчайшее распространение и вышли в России на первое место по уровню потребления среди психоактивных веществ. Действительно, большая часть спайсов формально не была включена в перечень наркотиков и как бы не была запрещена (так как химическая формула таких спайсов не полностью совпадала с включенными и постепенно дополнительно включаемыми в перечень наркотиков). Такие смеси или «соли» преподносились изготовителями и продавцами как якобы легальные. В ненаказуемости оборота этих веществ активно убеждали как их производители и продавцы, так и руководство ФСКН, причем официально, в СМИ. Если первые, особенно на низовом уровне распространения, иногда искренне заблуждались насчет легальности своего товара, то чины наркополиции не могли не знать, что говорят неправду, так как уже несколько лет все такие вещества автоматом попадают в разряд «производных» или «аналогов» веществ, включенных в перечень наркотиков. Наказание за производные и аналоги такое же, как за наркотики. И сидит за производные добрая половина осужденных по «народным» статьям 228, 228.1, 229.1 УК, то есть не только за сбыт, но и за приобретение, хранение, контрабанду. Сроки при этом зверские, так как практически любое продаваемое и приобретаемое количество смеси тянет на крупный размер, который для синтетического каннабиноида JWH (наиболее распространенного компонента спайсов) составляет 0,25 г. При этом повсеместно существует поддерживаемая судами практика определения размера не по активному веществу, а по всему весу смеси, с учетом нейтральных наполнителей. А значит, приобретение пакетика спайса

без цели сбыта - это часть вторая статьи 228 (от 3 до 10 лет лишения свободы).

Еще хуже с контрабандой. Вот классический сценарий: наивно заказывая через интернет «не запрещенные», снабженные какими-то сертификатами смеси, даже «на пробу» продаваемый минимум, и не зная при этом, что товар поступит из-за границы, человек задерживается на почте по части третьей статьи 229.1 (от 10 до 20 лет лишения свободы).

По сути общество и, будем считать, законодатель, были введены в заблуждение насчет отсутствия юридического механизма для уголовного преследования за любые спайсы. Другое дело, что механизм этот был негодным. Осужденные за производные пытались обжаловать правительственное постановление о производных в Верховном суде как незаконное - но проиграли.

Новый закон адекватнее и гуманнее. Будет ли он работать? Что делать с последствиями вранья?

Очевидно, что изначально, когда возникла проблема курительных смесей, надо было либо принимать такой закон, как сейчас, либо оставлять все как было, дополняя новыми модификациями перечень наркотиков. Теперь же правовой выход один. Необходимо исключить понятие «производные» из правительственных постановлений № 681 и 1002 и далее действовать в соответствии с новым законом, по его процедуре. Следствием этого будет - должен быть - пересмотр всех уголовных дел, связанных с веществами, не включенными на момент совершения вмененных деяний в перечень, - пересмотр в соответствии с новым законом.

Если оставить производные в перечне наркотиков, налицо коррупционная схема: для одних и тех же веществ одновременно будет существовать два юридических режима - мягкий и жесткий. Например, приобретение в крупном размере может оказаться либо наказуемым на срок до 10 лет лишения свободы (если вещество

признают производным наркотика), либо вовсе не наказуемым (если то же самое вещество запишут в реестр новых потенциально опасных психоактивных). Тем более нетерпимым будет такое положение, когда осужденные за спайс вчера останутся на много лет в колонии строгого режима, а те, кого будут судить за такое же вещество с одной измененной молекулой завтра, получат год условно.

2015

март 2015

Против производных

25 февраля мною направлено обращение к Председателю Правительства Д.А.Медведеву об исключении из Перечня наркотиков понятия "производные".

Если этого не сделать, закон от 3 февраля 2015 года окажется обманкой.

Во-первых, отказаться от производных необходимо, чтобы прекратить дела десятков тысяч осужденных за приобретение «стопроцентно легальных» курительных смесей. О том, что покупали производные, они узнавали уже находясь за решеткой. Процент осужденных по части второй статьи 228 (приобретение и хранение без цели сбыта в крупном размере) за последние годы значительно увеличился. Связано это с тем, что люди, в большинстве молодые, употребляющие психоактивные вещества, боятся преступить закон, не хотят связываться с запрещенными наркотиками. Они, конечно, понимают, что пользуются прорехами в законодательстве. Но получение психоактивного эффекта не наказуемо по российским законам. Наказуем оборот наркотиков. А что такое наркотики, сказано в ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Это вещества, включенные в Перечень. Включено — значит, наркотик. Не включено — не наркотик (не в медицинском, а в правовом смысле).

Во-вторых, наказание тех, кто продавал не включенные в список спайсы, должно быть таким, как оно предусмотрено новым законом, то есть смягчено, а это невозможно, пока смеси, за которые они

осуждены, приравнены к наркотикам. Люди, торговавшие "стопроцентным легалом", конечно, делали недоброе дело. Но государство должно быть юридически честным, а запреты, тем более с уголовными последствиями, конкретны и понятны. Именно поэтому УК запрещает применение уголовного закона по аналогии (ст. 3).

В-третьих, нельзя допустить, чтобы людей и дальше сажали на дикие сроки неизвестно за что. Ситуация абсурдна. Постановлением Правительства от 19 ноября 2012 года № 1178 разъяснено, что такое производные. Это вещества, не включенные в перечень. Но именно эти вещества, не включенные в Перечень, включены в Перечень. Это все равно что написать «3-ментил-2-винтил и тому подобное». И сажать за «и т.п.».

В-четвертых — коррупция. Самая что ни на есть, в чистом виде, то есть самая грязная. Любой следователь наделяется правом выбирать, что делать с задержанным с «и т.п.» в кармане: оштрафовать его на 5 тысяч за новое неизвестное (то есть пустить по 234.1), или посадить на 10 лет за производное (по 228.1).

2015

апрель 2015

«Параллельно и независимо друг от друга»

Не прошло и двух месяцев, как ФСКН ответила на мое обращение от 24 февраля об исключении понятия производные из постановлений Правительства № 681 и № 1002. В своем обращении я писал о том, что с принятием закона о новых потенциально опасных психоактивных веществах возникла неправовая ситуация, когда идентичные вещества — пока в основном модификации JWH — могут признаваться по усмотрению правоохранителей либо производными наркотиков, либо новыми психоактивными веществами. За производные наказание как за наркотики, от 10 до 20 лет лишения свободы, а за новые — до 6 лет.

Разрешить эту коррупционную двойственность можно только отказавшись от производных.

И вот что ФСКН в лице заместителя руководителя Международно-правового департамента, начальника Договорно-правового управления В.В.Зиновьева пишет (цитирую содержательные части ответа):

«*В настоящее время контроль за оборотом на территории Российской Федерации наркотических средств и психотропных веществ (далее — НС и ПВ), включая их производные, и новых потенциально опасных психоактивных веществ осуществляется параллельно и независимо друг от друга.*

...

Следует отметить, что вопрос законности включения а Перечень наряду с наркотическими средствами и психотропными

веществами их производных неоднократно являлся предметом разбирательства в Верховном Суде Российской Федерации. Указанная норма была признана не противоречащей действующему федеральному законодательству.

…

Таким образом, под действие Закона не подпадают вещества, включенные в Перечень.

…

Тем самым, действия Закона не распространяются на положения, касающиеся оборота наркотических средств, психотропных веществ и их производных.

…

На основании изложенного исключение понятия «производные» из Примечания к Перечню полагаем нецелесообразным».

Диву даешься! Речь ведь идет о схожих веществах, схожих до степени смешения. А скорее - об одних и тех же веществах. И занимаются этими веществами одни и те же ведомства, одни и те же должностные лица. Да, действительно, железнодорожные пути параллельны. Но один и тот же состав не может одновременно идти в противоположных направлениях. Все это настолько от лукавого, что даже не скрывается. ФСКН не пишет, что предложения исключить производные не обосновано, не соответствует закону, а пишет — «полагаем, нецелесообразным».

Ссылка на Верховный Суд - и это увертки. Верховный Суд рассматривал заявления о производных и принимал по ним решения до появления закона о новых веществах.

В наркоконтроле все это прекрасно понимают. В том числе и то, что появление в реестре новых веществ какого-либо «спайса» станет сигналом к обжалованию приговоров десятками тысяч осужденных за такие же вещества — не конкретно за то, которое

появится в реестре, но имеющее такие же основания к признанию производным.

Именно поэтому реестра все нет. Как надували щеки — спасение нации в этом законе. Приняли на ура. Включать в него нечего.

То есть как раз напротив — по смыслу закона в реестр должны включаться все не внесенные в перечень потенциально опасные вещества. Но оказалось, что органам проще и выгоднее считать, что все потенциально опасное в перечне уже есть — охваченное понятием «производные».

Десятки тысяч смотрят из-за решетки на эти игры. Для наркоконтроля отказ от производных равен самоубийству, потому что подавляющее большинство дел о приобретении в крупном размере и большинство дел о сбыте основано на производных.. Они удавятся, а не признают, что годами сажали людей обманом. Тем более, что за приобретение «в крупном размере» пересажали вдвое больше, чем за сбыт.

Из ответа ФСКН ясно одно — пересмотра приговоров они постараются не допустить.

2015

май 2015

Куда делся

25HNBOMe(2(2,5диметоксилофенил)-N-(2-метоксибензил)этаномин?

Граждане пишут Президенту. Народ недоумевает. Уже четвертый месяц действует закон от 3 февраля 2015 года № 7-ФЗ, а обещанного реестра потенциально опасных новых психоактивных веществ так и нет. Напомню: этим законом предусмотрены процедура временного запрета таких веществ и ответственность за их распространение и употребление. Закон о «спайсах» принимался как сверхсрочный под вопли о спасении нации. И закон этот действительно мог бы послужить спасению хотя и не всей нации, но десятков и сотен тысяч людей, осужденных на полную катушку за якобы легальные «спайсы» и прочие курительные смеси, которые экспертами, следователями, судами признавались производными наркотических средств. Ответственность за производные такая же, как за наркотики, производными которых признавались эти якобы или не якобы производные. Привлечение по части второй статьи 228 за приобретение таких веществ в крупном размере (а это от 0.25 г) стало в последние годы самым простым и удобным способом борьбы с наркобизнесом. Люди — молодые люди — сидят за эти производные, большинство именно за приобретение.

Еще в начале марта директор ФСКН объявил о включении в новый реестр первого сомнительного вещества. Его название непроизносимо (см. в заголовке). Закон требует публикации реестра на официальном сайте ФСКН. Однако этого не происходит. На сайте ФСКН гуляет ветер. Заходишь туда - впечатление, что в ведомстве

работает один Виктор Иванов. Он дает интервью, проводит брифинги, общается с послами. Что делают остальные?

А остальные делают то же, что делали вчера: гребут молодежь за производные, не обращая внимания ни на новый закон, ни на громкие революционные заявления директора Иванова о том, что «все, хватит, наркоманов больше не сажаем».

Вот Обращение к Президенту матерей и отцов из Ростовской области. Они просят главу государства воздействовать на непосредственно подчиненную ему службу, чтобы закон о новых опасных веществах заработал.

Но он не заработает, потому что к тем веществам, к той группе веществ, о которых в нем идет речь, уже применена и продолжает применяться другая технология: их признают производными наркотиков.

Вещество, о котором говорил Иванов как о первом включенном в реестр новых веществ, это, по разъяснениям специалистов химиков, вещество, сконструированное по тому же типу, что и многочисленные подобные ему «спайсы», подведенные под понятие «производные». Поэтому ФСКН и считает «нецелесообразным» исключать понятие «производные» из перечня наркотиков, о чем было сообщено в ответе на мое обращение в Правительство. Контроль за оборотом производных и новых психоактивных веществ «*осуществляется параллельно и независимо друг от друга*», говорится в этом ответе. Похоже их движение действительно параллельно, только в противоположных направлениях и по одной полосе. Юридически корректный закон от 3 февраля напоминает в этой ситуации велосипедиста, движущегося навстречу завывающим мигалкам, не знающим ни стыда, ни правил.

2015

июнь 2015

Реестр невидимый и непостижимый

Народ продолжает требовать от ФСКН исполнения данных им законом от 3 февраля 2015 года полномочий. Между тем реестра новых потенциально опасных веществ как не было, так и нет.

Одновременно гражданами ставится вопрос о производных: ведь тут или — или: или новые модификации синтетических наркотиков, в том числе «спайсов», признаются новыми психоактивными веществами, либо они рассматриваются как производные и включаются в перечень наркотиков. Поскольку речь идет об одних и тех же веществах, об идентичных веществах, то если не убрать производные из Перечня наркотиков, в Реестр, чтобы оправдать его существование, будут в лучшем случае включаться вещества, которых никто и не видел никогда.

Утверждая, что производные и новые психоактивные «существуют параллельно», ФСКН (в ответе на обращение матери одного из осужденных) пришла к такому объяснению разницы между производными и новыми психоактивными:

«*Основным критерием отнесения изъятого из незаконного оборота вещества к подконтрольным является наличие соответствующей позиции в Перечне*». Но человек, приобретающий на сайте выдаваемое за легальное вещество, не знает, и вряд ли может узнать, каких атомов и насколько больше или меньше. Но чтобы посадить человека от 3 до 10 лет недостаточно того, что есть некая «позиция», то есть многократно повторенное в Перечне наркотиков слово «производные». А как иначе понимать это

«объяснение», если буквальный смысл его: «для признания вещества таким же наркотиком, как героин, достаточно того, что в перечне есть понятие «производные».

ФСКН пишет: «*В Реестр включаются вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья*». Как же так? Если достоверно известно, что вещество вызывает наркотическое опьянение и опасно для жизни и здоровья, почему бы не включить его сразу в Перечень наркотиков? Получается, что для включения в реестр новых психоактивных потенциально опасных веществ требуется подтверждение его опасных свойств, в том числе наркотического воздействия, а для того, чтобы признать то же вещество наркотиком (признав его производным наркотика), никаких подтверждений его опасности, даже потенциальной, не требуется.

2015

март 2016

ФСКН: реестр, да не тот

Закон , о котором все думали, что он «о спайсах», оказался ни о чем

На официальном сайте ФСКН размещен список веществ, за которыми в первом полугодии 2015 года по инициативе ФСКН установлен контроль, «с общим количеством производных не менее 154». Имеются в виду включенные Постановлением Правительства от 27 февраля 2015 года №174 в перечень наркотических средств и психотропных веществ 14 новых позиций. На сайте ФСКН эти 14 наименований названы «курительные смеси, спайсы, соли». Для каждого из этих веществ в таблице приведены некоторые их производные, выявленные ФСКН за 6 месяцев прошлого года (всего 154 производных). По непонятной причине эта таблица обозначена на сайте как «Реестр».

Реестром новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен Федеральным законом от 3 февраля 2015 года № 7-ФЗ (т. н. закона о спайсах), этот справочный материал не является. Никто не запрещает, конечно, составлять любые списки, и называть их хоть перечнем, хоть реестром, хоть индексом, к примеру. Странно, правда, что использован термин «реестр» как раз тогда, когда сотни и тысячи людей ждут от ФСКН другого, настоящего, предусмотренного новым законом, реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ. Санкции за новые психоактивные вещества, установленные новым законом «о спайсах» (как его

называли в Думе, писали о нем в СМИ), намного мягче, и это правильно, потому что нельзя наказывать за вещества, опасные свойства которых ещё научно не подтверждены, так же как за запрещенные наркотические средства и психотропные вещества.

Десятки тысяч людей осуждены за «производные» - вещества, приобретенные ими как легальные и не запрещенные, не внесенные в перечень наркотиков. Десятки тысяч людей надеялись, что когда появится Реестр новых психоактивных веществ, они смогут ходатайствовать о смягчении своей участи, что они смогут выйти на свободу или срок их заключения существенно сократится.

Руководители ФСКН распинались, что действующий закон не позволяет им преследовать за многочисленные спайсы, постоянно изменяющие химическую формулу. Государственная Дума в нервной обстановке спешно, в ускоренном режиме принимала закон. Депутат Яровая говорила, что на кону существование нации, гибнущей от спайсов, ускользающих от запретов. Закон принят. Прошел год. Ничего не изменилось. Оказывается (так отвечает ФСКН на многочисленные письма) закон «о спайсах» вовсе не о тех спайсах, которые по своей сути являются производными и аналогами включенных в перечень наркотиков веществ, а о каких-то неведомых веществах, существующих где-то, как пишет ведомство, «параллельно и независимо от производных». Где искать эту параллельную реальность — неизвестно. В результате за решеткой остаются тысячи людей, сидящих за не включённые в Перечень производные, как за наркотики. Причем сидят больше за приобретение, чем за сбыт, потому что крупный размер — 0, 25 г — как правило меньше расфасованного продавцом количества.

Опубликованный на сайте ФСКН (когда точно опубликован — неизвестно) реестр 154 производных содержит лишь примеры таких производных, (так и написано «с общим количеством производных не менее 154»). Это справочные данные - как и

представленные на нашем сайте сведения о производных и аналогах, выявленных экспертами в конкретных уголовных делах. Цель публикации этого псевдо-реестра туманна. Если это предостережение граждан о том, с какими именно веществами дело лучше не иметь, то неудачное. Надо было тогда четко указать, что список этот не полный, и что производными могут быть признаны и другие подобные модификации.

Таким образом, публикация этого «реестра» скорее вводит граждан в заблуждение как относительно статуса не перечисленных в нем производных, так и относительного того, что этот реестр вовсе не тот, о котором им говорили год назад.

2016

май 2017

Уполномоченный по правам человека в РФ: «Ответственность за производные противоречит основам уголовного права»

Опубликован Доклад О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год.

Впервые в докладе омбудсмана тема антинаркотической политики разобрана как системная проблема уголовного судопроизводства и высказана солидарность с позицией правозащитных и гражданских организаций о необходимости гуманизации законодательства и изменения правоохранительной и судебной практики в этой сфере.

В данном случае положительным фактором стало профессиональное понимание предмета Уполномоченным, так как Татьяна Москалькова до избрания депутатом всю жизнь была практическим работником милиции вплоть до должности 1-го заместителя начальника правового управления МВД РФ и звания генерал майора. И это то ведомство, которое сейчас, после ликвидации ФСКН, полностью ответственно за уголовную наркополитику. Тем более важно, что оценку ситуации и свои рекомендации Уполномоченный основывает на предложениях общественности. За последние годы наши предложения впервые нашли внятную поддержку на столь высоком государственном уровне. Хотя эта поддержка скорее моральная, так как доклад Уполномоченного — документ рекомендательный. И все же он дает основу для диалога, прежде всего с МВД.

Уполномоченный в своем докладе отмечает «*тенденцию роста количества жалоб на излишне репрессивный характер борьбы с незаконным оборотом наркотиков и чрезмерную суровость наказаний по «наркотическим» статьям. Во многих коллективных обращениях предлагается пересмотреть характер и степень общественной опасности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и рассмотреть необходимость гуманизации законодательства в этой сфере. Такие сигналы с высокой долей вероятности свидетельствуют о том, что в данном случае действительно существует проблема, связанная с перекосами в правоприменительной и судебной практике*».

Помимо «*фальсификации уголовных дел, пропажи вещественных доказательств, низкого качества экспертных заключений*» в докладе отмечено самое существенное: уголовные дела «по производным». «*Дополнение Списка № I, являющегося приложением к постановлению Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации», словами «и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень»* ***привело к тому, что граждане Российской Федерации привлекаются к уголовной ответственности за оборот веществ, которые не указаны ни в одном перечне, а психоактивное воздействие которых на человека не исследовано и не установлено****. Таких веществ может быть огромное множество, конечное число которых невозможно установить, их крайне трудно назвать в полном объеме даже профессиональным химикам*.».

По поводу производных Уполномоченный приводит и собственные аргументы. Включением понятия «производные» «*под сомнение ставится само понятие «Перечень», которое*

предусматривает конкретное, определенное и закрытое количество позиций, его составляющих. Любой человек, ознакомившись с ним, должен знать, за какие действия он может быть привлечен к уголовной ответственности. Такая ситуация, и в этом Уполномоченный согласен с доводами заявителей, позволяет правоприменителям расширительно, руководствуясь только заключениями экспертов уже в рамках возбужденного уголовного дела, толковать список наркотических средств, запрещенных к обороту в Российской Федерации, и привлекать к уголовной ответственности по аналогии». Применение же уголовного закона по аналогии прямо запрещено УК (статья 3): «Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Правда, предлагаемое в докладе решение этой проблемы размыто, имеет слишком общий характер. Уполномоченный предлагает «раскрыть в законодательстве понятие «производные наркотических средств». Но наркоконтроль-то утверждает, что это понятие в законодательстве раскрыто, а именно в Постановлении Правительства от №1178, где говорится, что производные это вещества, «*химическая структура которых образована заменой (формальным замещением) одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества на иные одновалентные и (или) двухвалентные атомы или заместители (за исключением гидроксильной и карбоксильной групп), суммарное количество атомов углерода в которых не должно превышать количество атомов углерода в исходной химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества*».

Этот шедевр химической мысли понятен не всякому химику. И дело не в том, чтобы как-то усовершенствовать этот текст. Производные надо просто исключить, к этому выводу приводит

логика самого доклада. К сожалению, вывод из собственной критической оценки проблемы сделан весьма уклончивый. Уполномоченный игнорирует действующий, но не работающий (почему-то) «закон о спайсах», принятый еще в феврале 2015 года, которым проблема постоянно увеличивающихся модификаций синтетических наркотиков могла быть решена, если бы закон применялся. Предусмотренный законом реестр новых потенциально-опасных психоактивных веществ так и не появился, а понятие «производные» так и осталось в законодательстве, и людей продолжают репрессировать за приобретение «легальных» новых психоактивных веществ так же, как и за наркотики. Именно из-за этого число осужденных, в том числе к реальному лишению свободы, за приобретение и хранение «спайсов», не связанное со сбытом, составляет десятки тысяч ежегодно.

Поддерживая наши предложения о пересмотре антинаркотичнских статей УК, Уполномоченный указывает на неудовлетворительную «борьбу с наркотиками» как на следствие несовершенства УК: «*Нужно признать, что сложившаяся практика работы правоохранительных органов, судейского корпуса и пенитенциарной системы в части противодействия наркопреступности в значительной степени сводится к уголовному преследованию наркопотребителей, так как именно они, образуя рынок спроса на наркотики, одновременно формируют и инфраструктуру их сбыта. В этой связи крайне важно изменить подходы при работе правоохранительных органов с лицами категории «сбытчик-потребитель» через создание условий для замены уголовного преследования наркопотребителей на оказание медицинской и социально-реабилитационной помощи*».

Выводы доклада основываются и на жалобах граждан, осужденных за наркотики. Примером служит типичный случай, приведенный в докладе: «*К Уполномоченному поступил ряд жалоб*

по делу М., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 У К РФ. В обвинительном заключении использовалась следующая формулировка: «М. в неустановленном следствием месте, в неустановленное следствием время, при неустановленных следствием обстоятельствах, у неустановленного следствием лица приобрел наркотическое вещество (героин) для последующего сбыта и личного потребления». В качестве основного доказательства была приобщена видеосъемка, осуществленная сотрудниками правоохранительных органов, участвовавших в задержании М., на которой видно, что в момент осмотра наркотическое вещество было привязано скотчем к его ногам. Однако на видеозаписи, представленной свидетелем и просмотренной в ходе судебного заседания, на котором присутствовал по доверенности Уполномоченного сотрудник его Аппарат а, видно, что никаких посторонних предметов на ногах М. непосредственно в момент задержания не было. Уголовное дело по решению судьи было возвращено прокурору, однако М. по-прежнему находится под стражей (уже более 21 месяца).»

Полный текст доклада размещен на официальном сайте Уполномоченного. *Тема уголовной ответственности за наркотики — на страницах 142 — 145.*

2017

сентябрь 2017

Моя твоя не понимает

ГУКН МВД отменило намеченное обсуждение проблемы производных. Мол, нецелесообразно.

ГУКН поблагодарило всех нас за «внимание к проблемам» и в лице начальника А.И.Храпова поставило точку в дискуссии о производных. Ответу ГУКН, направленному 8 сентября с.г. руководителю Движения за права человека Льву Пономареву, придана видимость аргументированного. Но на самом деле — это набор слов, отписка. Аргументация Управления подобна классическому «диалогу» человека в шляпе с человеком в форме. На все доводы «шляпы», считающей себя вправе совершать какие-то действия, повторяется в ответ одна и та же реплика «формы»: «А я вам еще раз повторяю, покиньте помещение», - вот и вся дискуссия.

Суть наших предложений: исключить из перечня наркотиков добавленные туда несколько лет назад слова «производные наркотических средств» и задействовать, наконец, бездействующий более двух лет закон о новых потенциально опасных психоактивных веществах. Это не спор о юридических терминах, цена производных — десятки тысяч молодых людей, осужденных к лишению свободы за их приобретение как за тяжкое преступление. Тогда как приобретение тех же веществ по закону о новых потенциально опасных вообще не считается преступлением. Наказание за сбыт производных — от 10 лет и до пожизненного. А по закону, о котором идет речь, такие же действия с теми же веществами влекут максимум 8 лет.

О том, что недопустимо включение неопределенной категории «производные» в перечень веществ, за которые следует крайне суровое наказание, говорят не только «чокнутые правозащитники» Пономарев, Левинсон и Гладышев. О том же говорит в своем ежегодном докладе федеральный омбудсман Татьяна Москалькова, которая — генерал полиции, в прошлом замначальника правового управления МВД — в этой теме что-то понимает. По поводу обращений правозащитников и родственников осужденных за «производные» Уполномоченный пишет: «Под сомнение ставится само понятие «Перечень», которое предусматривает конкретное, определенное и закрытое количество позиций, его составляющих. Любой человек, ознакомившись с ним, должен знать, за какие действия он может быть привлечен к уголовной ответственности. Такая ситуация, и в этом Уполномоченный согласен с доводами заявителей, позволяет правоприменителям расширительно, руководствуясь только заключениями экспертов уже в рамках возбужденного уголовного дела, толковать список наркотических средств, запрещенных к обороту в Российской Федерации, и привлекать к уголовной ответственности по аналогии».

О том же - в обращении к начальнику ГУКН члена Совета Федерации Владимира Лукина: «Появление в этом перечне производных привело к несправедливому привлечению к уголовной ответственности десятков тысяч обманутых людей, считающих, что они приобретают легальные вещества. Наличие в перечне понятия «производные» равносильно тому, как если бы он был дополнен словами «и тому подобное».

Что отвечает на все доводы правозащитников (и общественных и государственных) начальник ГУКН? То, что исключение понятия «производные» из постановлений Правительства «нецелесообразно». И вот почему.

ГУКН ссылается на Единую конвенцию ООН о наркотических

средствах, ратифицировав которую Россия «*взяла на себя обязательство принимать в пределах своей территории любые специальные меры контроля за оборотом этих средств и веществ, которые могут быть необходимы для выполнения принятых на себя обязательств*». Но «любые» не значит «какие вздумается», не зверские и идиотские. И нельзя взять на себя обязательство «принимать любые меры», если понимать под этим «как хочу, так и ворочу». Возможно ли обязательство творить произвол? Конвенция в статье 2, на которую ссылается ГУКН, допускает принятие государством дополнительных специальных мер, которые оно сочтет необходимым для достижения целей Конвенции. Но право принимать любые специальные меры отнесено в статье 2 к наиболее опасным и, главное, конкретным веществам, включенным в Список IV Конвенции, в котором есть героин, каннабис, дезоморфин, но нет никаких производных.

Далее в ответе говорится: «*Ввиду опасных социально-экономических последствий темпов и масштабов распространения на территории Российской Федерации новых видов веществ, обладающих схожим с наркотическими средствами или психотропными веществами воздействием на организм человека, и находящихся вне международного и национального контроля, в законодательство Российской Федерации были внесены изменения, позволившие установить меры контроля за незаконным оборотом большой группы синтетических модифицированных химических веществ, вызывающих физическую и психическую зависимость от потребления за счет содержания в своем составе психоактивной основы.*

Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2010 г. № 882 внесены изменения в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с

которыми производные наркотических средств и психотропных веществ, указанные в перечне, являются наркотическими средствами и психотропными веществами». Первый абзац этого текста не содержит ничего в пользу производных, а скорее подходит для обоснования применения к этим модификациям законного механизма признания их новыми потенциально опасными веществами. Именно для этого был принят внесенный президентом закон 2015 года.

Далее в ответе ГУКН перечисляются решения Верховного и Конституционного судов, которыми постановления правительства о производных признаны соответствующими Конституции и федеральному законодательству. Указывается, что «вопрос законности включения в Перечень понятия «*производные наркотических средств и психотропных веществ» неоднократно являлся предметом разбирательства в Конституционном Суде и Верховном Суде* <приведены реквизиты соответствующих решений *>, норма признана не противоречащей действующему федеральному законодательству*».

Как говорится, в огороде бузина...

Данные решения высших судов приняты до принятия закона о новых психоактивных веществах, эти решения о другом. И потому вопрос, возникший после принятия этого закона и поставленный в обращении правозащитников КС и ВС рассматривать просто не могли. Наконец, даже если противоречия Конституции какой-либо нормы закона не установлено, из этого никак не следует, что не может быть предложена и принята законодателем более удачная модель.

После чего начальник ГУКН переходит к названному федеральному закону, которым «*внесены изменения и дополнения в части, касающейся установления правового механизма, позволяющего запрещать оборот новых потенциально опасных*

психоактивных веществ.

Новые потенциально опасные психоактивные вещества относятся к категории веществ, временно находящихся под полным запретом до момента внесения их в перечень в установленном Правительством Российской Федерации порядке, либо до введения в их отношении предусмотренных законодательством Российской Федерации санитарно-эпидемиологических требований».

Что объясняет этот текст применительно к вопросам, поставленным в наших обращениях, в обращениях Москальковой, Лукина, других правозащитников и, главное, самих осужденных и их близких? Да, мы добились многого. ГУКН уже не пишет, как раньше ФСКН, что новые потенциально опасные существуют «параллельно». Теперь просто переписывают из текста закона несколько слов, не имеющих отношения к сути проблемы.

И под конец начальником Храповым припасен убийственный аргумент: «*Существующее законодательное регулирование не предполагает одновременного включения одного и того же вещества (препарата, материала) в разные списки...*». Это, простите, о ком и о чем?

2017

раздел особый
Петр Ефимович Стаховцев

Ад медленного огня

2001

Десять лет назад майор милиции Петр Стаховцев был приговорен к смертной казни. За создание банды и убийство. Десять лет он обращается в различные инстанции, считая себя полностью невиновным.

В июне 1985 года Стаховцев, руководивший уголовным розыском в одном из районов Иркутска, по приказу министра внутренних дел СССР был включен в группу по проверке деятельности правоохранительных органов Иркутской области. Руководил группой московский полковник Сванидзе. Проверка была внеплановой, а вызвана она была открывшимися грандиозными аферами с золотом, лесом, омулем.

Результатом работы группы Сванидзе стало тогда увольнение почти всего руководящего состава УВД и прокуратуры области. Уголовных дел, однако, не возбуждалось. А пока проверяющие работали, не дремали и проверяемые: умирали и пропадали свидетели, владевшие информацией о взятках и сокрытии преступлений, исчезали совершенно секретные дела. В результате снятые либо оказались на пенсии, либо вскоре воскресли на других руководящих постах, а группа Сванидзе, не закончив работы, в ноябре 1985 года была отозвана в Москву. Стаховцева сразу же перевели из розыска в службу охраны.

В июле 1989 года начались звонки с угрозами. Оценив ситуацию, Стаховцев поехал в Москву, встретился с замначальника отдела КГБ Переведенцевым, доложил ему о сложившейся ситуации и передал заявление, в котором называл более 100 фамилий людей, причастных к преступлениям и связанных с руководством УВД, партийными органами области.

В Москве Стаховцева выслушали, пообещали защиту и рекомендовали по возвращении явиться в иркутское УКГБ. При входе в это здание 16 июля 1989 года Стаховцев был арестован. К нему не допустили адвоката - вплоть до судебного заседания, в котором появилась адвокат по назначению. Стаховцева поместили к уголовникам, которые его жестоко избивали. На ознакомление с 28 томами дела дали 3 часа непосредственно перед судебным заседанием, которое - без законных оснований - объявили закрытым. Отказали в стенографировании и звукозаписи.

Суд признал майора милиции Стаховцева виновным в том, что весной 1987 года он, вступив в преступный сговор с инженером отдела охраны Андреем Дядченко, организовал вооруженную банду с целью нападения на государственные организации и охраняемые объекты (15 эпизодов ограблений и попыток ограблений), а также совершил убийство гражданина Богомолова. Единственным свидетелем по всем преступлениям, совершенным якобы с участием Стаховцева, был один человек - Дядченко.

Согласно показаниям еще трех проходивших по делу членов банды - Тузовского, Комарова и Климова, никогда в глаза не видевших Стаховцева, - Дядченко говорил им, что "в группе есть человек, имеющий возможность прикрывать их от разоблачения". Этим человеком якобы был Стаховцев. Комаров говорил в суде: "Когда меня вывели на этап, я встретился с Дядченко. Он подозвал меня. Я подошел, он сказал, чтобы я подтвердил, что Дядченко кто-то руководил, что ему это нужно". Другой подельник, Тузовский,

показал, что однажды видел Стаховцева, только после того как в камере пригрозили "сделать его девочкой". Да и сам Дядченко говорил в суде, что "сокамерник Гарифулин в СИЗО-1 заставлял давать показания только по Стаховцеву".

Зачем же нужна была банда майору милиции? Не мудрствуя лукаво, следствие и суд приняли такую версию: профессиональные достоинства Стаховцева не были оценены начальством, его понизили в должности, а он был самолюбив, хотел выслужиться, поэтому обиделся на весь белый свет, стал называть всех мафией, но мафией стал сам и создал банду.

Участие Стаховцева в 15 ограблениях и попытках ограблений сводится - по приговору! - только к тому, что он якобы чертил схемы охраняемых объектов и являлся таким образом организатором преступлений. Ни одной такой схемы в деле нет: они якобы уничтожались. Известно о них только со слов Дядченко. Поразительна при этом комическая неудачливость банды, возглавлявшейся вроде бы опытным оперативником, офицером отдела охраны. 10 эпизодов из 15 - неудачные попытки.

Так, по якобы спланированному Стаховцевым ограблению Баядаевского РОВД, Дядченко и Тузовский угнали машину и поехали в Баядай, чтобы завладеть оружием и боеприпасами, но "заблудились и свой преступный умысел не смогли осуществить". Спрятать машину они также не смогли: закиданная ветками и накрытая резиновым ковриком, она была обнаружена и возвращена владельцу. Еще одна попытка ограбить то же отделение вновь окончилась неудачей, "потому что Тузовский не мог убедительно играть роль сотрудника милиции в задуманном нападении". Замысел нападения на кассира Коршуновского горно-обогатительного комбината, которое "должно было" сопровождаться убийством нескольких человек, сорвался - "в связи с тем, что Тузовский не смог остановить подходящую автомашину: без пассажиров, с номерами,

не относящимися к автотранспорту г. Братска" (цитируется по приговору).

Не менее странно выглядит и эпизод с убийством, в котором, кроме показаний Дядченко тоже нет никаких доказательств. Осенним днем 1987 года человек по фамилии Богомолов, неизвестный Стаховцеву, выехал из одного поселка в другой по пустынным сибирским дорогам на собственной машине "Жигули". И пропал. Весной 1988 года Богомолов был найден в Иркутске на окраине лесопарка, в виде полуразложившегося трупа рядом с сожженной машиной. Провели экспертизу трупа. Останки захоронили. Через год с лишним был арестован Стаховцев.

По версии Дядченко, Стаховцев и он остановили на Якутском тракте случайно проезжавшую машину, за рулем которой находился Богомолов, с целью завладеть ею для поездки в Баядай, где ими предпринимались неоднократные попытки ограбления РОВД. Стаховцев, сидевший сзади, ударил Богомолова намотанной на руку гирькой от часов по голове, Богомолов выбежал из машины, но был убит двумя выстрелами (оставившими почему-то следы от трех). После чего бандиты повели себя странно: запихав труп в багажник, поехали-таки в Баядай, но ограбления там не совершили, так как в помещении отделения милиции обнаружили милиционеров. С тем же трупом Стаховцев и Дядченко поехали назад, в Иркутск, забуксовали уже в черте города, в лесу, где хотели спрятать тело, но в конце концов машину сожгли, а труп забросали листьями.

Первоначальная экспертиза трупа, проведенная до ареста Стаховцева, никак не подтверждала рассказ Дядченко. Через полтора года тело Богомолова выкапывают, изучают повторно, подгоняя повреждения под готовый сюжет. Суд признает повторную экспертизу правильной, первую - ошибочной.

"Стаховцев Богомолова не убивал. Я знаю, кто убил Богомолова", - заявил в суде подсудимый Комаров. Судья заставила его замолчать.

В феврале 1992 года осужденный к 9 годам Комаров писал в обращении к президенту: "Следствие и суд обвинили Стаховцева Петра Ефимовича в том, что он совместно с Дядченко убил Богомолова. Это жестокий оговор Стаховцева П.Е. Об этом я заявлял в зале судебного заседания неоднократно, в присутствии потерпевших Богомоловых... Но суд это во внимание даже не взял..."

В апреле 1991 год прозвучал приговор - смертная казнь. В марте 1993 года указом президента расстрел был заменен пожизненным лишением свободы, о чем сам Стаховцев не просил. Сейчас бывший майор милиции находится в колонии строгого режима на Белом озере.

Надзорные инстанции, по которым по сей день курсирует дело узника ОЕ-256/5, не видят оснований для пересмотра дела.

Стаховцев просит, чтобы его расстреляли.

2001

2016

Майор милиции (и как его занесло туда, человека с высшим педагогическим историческим образованием?), ветеран труда Петр Ефимович Стаховцев отбывает пожизненное лишение свободы в Мордовии, ИК-1, поселок Сосновка. Стаховцев сидит с 1989 года. Дело против него сфабриковано.

16 марта 2016 года Зубово-Полянский районный суд (судья Нина Заренкова) отказал 70-летнему Стаховцеву в условно-досрочном освобождении (к пожизненно осужденным УДО может быть применено по отбытии 25 лет).

Если бы в 1987-1989 гг Стаховцев действительно совершил вмененные ему преступления - создание банды и убийство одного человека, - он давно бы вышел на свободу. Раскаялся бы и заслужил прощенье. Но он невиновен. Поэтому каяться ему не в чем. И как не раскаявшийся сидит уже 27 лет.

Когда после отставки и самоубийства министра внутренних дел СССР Щелокова были организованы проверки, в том числе в Иркутской области, где Стаховцев возглавлял один из райотделов уголовного розыска, он был включен в прибывшую из Москвы бригаду МВД СССР. Бригада поработала несколько месяцев, отправила начальника УВД на пенсию, многие лишились постов (373 работника были уволены из правоохранительных органов области). Комиссия уехала. А Стаховцев остался. И хотя, как он уверяет, «никого не сажал, никого не увольнял, никого не заложил», сразу же его перевели из престижного уголовного розыска в отдел охраны, а через пару лет списали на него все случившиеся в его районе кражи и ограбления, якобы он создал банду и тайно руководил ею. О том, кто же именно был главным бандитом, и о том,

что это майор Стаховцев планировал операции и чертил схемы проникновения в помещения, остальные члены банды - привлеченные по делу относительно реальные бандиты - даже не знали и никогда до суда своего «руководителя» не видели.

Реальным подчиненным Стаховцева по работе был инженер Андрей Дядченко, молодой человек, имеющий какие-то связи с преступными группами и, как оказалось, специально устроенный по поддельным документам в отдел Стаховцева. Весь приговор в отношении Стаховцева - абсолютно искусственный, построен исключительно на показаниях Дядченко. Других доказательств против Стаховцева нет.

И еще одно обвинение, кроме создания банды, - убийство (по первому приговору - два убийства, но второе было отменено в кассации Верховным судом, что не повлияло на смертный приговор).

Полная необоснованность обвинения в убийстве Богомолова, не снятого со Стаховцева по сей день, лучше всего доказывается самим приговором. Цитирую: «с целью завладения более совершенным оружием... Стаховцев предложил Дядченко совершить вооруженное нападение на отдел внутренних дел Баядаевского района». Далее в приговоре излагаются несколько безуспешных попыток похитить автомобиль для осуществления плана. Наконец, Стаховцев и Дядченко (все это только по показаниям самого Дядченко, единственного свидетеля всех преступлений), «реализуя план бандитского нападения... 10 октября 1987 г. вечером с помощью милицейского жезла на окраине города Иркутска остановили ранее незнакомого им гражданина Богомолова, ехавшего на принадлежащей ему машине «Жигули». Затем подробно описывается, как Богомолова убивали. Сначала молотками, после чего застрелили. «Погрузив труп Богомолова в багажник, Стаховцев и Дядченко поехали в село Баяндай, но нападение на РОВД совершать не стали в связи с приездом туда группы сотрудников

милиции». Несолоно хлебавши, «бандиты» поехали назад, в объезд, но в лесу «автомашина на лесной грязной дороге забуксовала. «После неудачных мер, принятых Стаховцевым и Дядченко, чтобы выехать, они решили уничтожить автомашину… путем поджога». А труп Богомолова здесь же, как поведал суду и следствию Дядченко, закопали.

Богомолов пропал осенью 1987 года.

Труп нашли 30 апреля 1988 года.

Экспертиза трупа была проведена в мае 1988 года, еще одна комиссионная в ноябре 1988 года.

Эти экспертизы, обе, не совпадают с показаниями Дядченко, которые он дал осенью 1989 года. Тогда же, в октябре 1989 года, труп выкапывают и делают «правильную» экспертизу.

Когда, как пишет Стаховцев, он «обратил внимание следователя Китаева Н.Н. на расхождение выводов экспертов и показаний Дядченко… Китаев Н.Н. сообщил мне, что он не даст мне адвоката и что я не буду допущен к проведению экспертизы по трупу Богомолова, а он имеет знакомых экспертов, кандидатов наук, которые вынесут любое заключение, а Дядченко все подтвердит». В постановлении об отказе следователь указал,что «Стаховцев не осведомлен об этом преступлении и только будет мешать экспертам... Судья Федорова Г.И. этот документ скрыла от суда высшей инстанции, в протокол суда не внесла», а в ходатайстве о проведении независимой экспертизы и следственного эксперимента по трупу Богомолова отказала».

Вел дело Стаховцева упомянутый следователь прокуратуры Николай Китаев, ставший в 1992 году старшим помощником Восточно-Сибирского транспортного прокурора. Китаев, занимающийся сейчас спокойной преподавательской работой, написал и уже не раз переиздал монографию «Неправосудные

приговоры к смертной казни» (надо ли пояснять, что дело Стаховцева среди них не упоминается).

Как пишет Стаховцев, этот Китаев держал его в пресс-хатах, не допускал к нему врачей, когда тот истекал кровью, лишал пищи, заставлял целовать свои ботинки, а когда Стаховцев отказался, применил нервно-паралитический газ. «4.10.1989 меня посадили в холодную камеру пыток, где не было света и с окна стекала вода, образовался лед, температура ниже 0. Там я прыгал трое суток, после меня ударили металлической арматурой по голове, при этом составили протокол о том, что Стаховцев П.Е. «пытался покончить жизнь самоубийством», за что наказали - 10 суток карцера».

Именно на это «нарушение режима» 1989 года, а также еще две реальных попытки самоубийства, после пыток и избиений, тогда же четверть века назад, сослалась в марте 2016 года судья Заренкова, отказав Петру Ефимовичу в УДО. Вот что Стаховцев пишет о последней попытке суицида: «Указ Президента РФ Ельцина Б.Н. № 453 от 4 марта 1994 года я не подписал, о замене смертной казни пожизненным лишением свободы, ибо не совершал вменяемых мне деяний. По прибытии в учреждение ЕО 256/5 Вологодской области 20 апреля 1994 года зам. начальника учреждения ЕО 256/5 Макаров Владимир Алексеевич организовал в отношении меня террор, меня каждый день били, заставляли подписать Указ Президента РФ Ельцина Б.Н. № 4 от 4 марта 1994 года о замене смертной казни на пожизненное лишение свободы, били ежедневно по три раза в день, а 28 августа 1994 года, не выдержав издевательств, я влез в петлю. С 12 часов ночи до 4 утра 29 августа я был без сознания, затем в 8 часов утра 29.08.1994 года за членовредительство меня посадили в карцер на 15 суток».

Это было в колонии на «Огненном острове». Со временем Петр Ефимович стал у администрации на хорошем счету, после 1994 года

взысканий у него там не было, только поощрения и благодарность «за хорошее поведение и добросовестный труд».

Поэтому, когда отбытый срок стал приближаться к 25 годам, его переводят в Мордовию.

Снова Стаховцев сбился с пути исправления: то заснет на табуретке в дневное время - взыскание (погашено), то ступит не туда в тапочках - взыскание (погашено).

А уж когда ходатайство об УДО было направлено в суд, и даже проведено первое заседание, на котором судья вынесла решение «отложить рассмотрение на 15 марта», Стаховцев прямо на следующий день, 26 февраля, окончательно обнаглел. Цитирую акт:

«Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о том, что сегодня, 04.03.2016 года, в 09 часов 15 минут осужденный Стаховцев Петр Ефимович 18.06.1945 года рождения отказался от предоставления письменного объяснения по факту допущенного нарушения установленного порядка отбывания наказания, выразившегося в том, что 26.02.2016 г. в 17 часов 06 минут, содержась в камере № 76, находился в камере с нарушением формы одежды, а именно без костюма х/б. Чем нарушил главу 3 пункт 14 ПВР ИУ.

В ходе беседы объективные причины отказа не представил.

Подписали:

Инспектор ГБ: старший лейтенант вн. службы Плешаков Н.В.,

Ст. специалист по СР: подполковник вн. службы Глухов С.И.

Ст. специалист по СР: подполковник вн. службы Берестов С.Б.».

«Факт нарушения порядка зафиксирован видеокамерой», - торжествует судья Заренкова. То есть доказательства налицо. Кто скажет, что отказ необоснованный? Скажу - конечно, необоснованный. И к тому же незаконный. **Для осужденных к пожизненному лишению свободы только злостные нарушения**

порядка могут быть причиной отказа в УДО (часть 5 статьи 79 УК).

Суд постановил, что старый, больной, находящийся на постельном режиме человек должен сгнить в застенках за то, что, страдая недержанием, он поспешил в туалет «без костюма х/б». Он болен? У судьи Заренковой есть ответ: «вопрос об освобождении от отбывания наказания по состоянию здоровья рассматривается в ином порядке». При этом суду известно, что освобождение по болезни пожизненно осужденных хотя и не запрещено законом, но на практике не бывает никогда. «Сам факт отбытия осужденным установленного срока, необходимого для условно-досрочного освобождения, не свидетельствует о том, что он не нуждается в полном отбывании наказания», - вбивает гвозди судья Заренкова.

Читала ли судья приговор Стаховцева? Что она думает о его вине? Ей это не интересно. Да, суд, рассматривающий ходатайство об УДО, не вправе давать оценку приговору и касаться виновности и невиновности осужденного. Но решение суда выносится не только на основании взысканий и поощрений, а прежде всего по внутреннему убеждению судьи.

Чтобы это убеждение сложилось в верную картину, помимо исчерпывающих материалов, положительно характеризующих личность Стаховцева, его адвокат Дмитрий Динзе приложил, в частности, заверенную копию заявления осужденного к пожизненному лишению свободы Дядченко, направленное еще в 2001 году Генеральному прокурору, которое начинается так:

«Я, Дядченко Андрей Валентинович, в настоящем заявлении указываю, что хочу дать новые, правдивые показания по делу 5922. В данном деле я вынужден был оговаривать Стаховцева Петра Ефимовича...»

Пусть даже судья или кто угодно другой убеждены, что вступивший в законную силу приговор обязательно соответствует

действительности. Но даже если, не принимая в расчет всего сказанного выше, считать Стаховцева виновным в том, что написано в приговоре, его все равно следует немедленно освободить, потому что он уже вдвойне отсидел все, что положено за те преступления, которые на него навесили. Изученная нами вся судебная практика, без единого исключения, говорит о том, что за бандитизм и убийство одного лица пожизненное не назначается. Есть случаи, когда назначается 13, 15 18, 20 лет, но не более того. И это самый существенный довод за освобождение Стаховцева в любом порядке, виновен он или невиновен. В первом случае он вдвойне отсидел свое, во втором случае - вдвойне чужое.

2016[42]

42 Прошел год. Ничего в положении Стаховцева не изменилось. Следующее ходатайство об УДО пожизненно осужденный вправе подать только через три года после отказа — в 2019 году. Поэтому пока Стаховцев режим не нарушает.
Жалоба Стаховцева на необоснованный и незаконный отказ в УДО зарегистрирована в ЕСПЧ.